

Триша Вольф

«Мир в красном, Книга Вторая»

Серия "Порванные Связи"

Автор: Триша Вольф

Название на русском: Мир в красном, Книга Вторая

Серия: Порванные Связи

Перевод:

wild_energy, Natalie_orhi, Skalapendra

Переводчик-свершик:

helenaposad

Бета-корректор:

sunshine135, Critik

Редактор:

Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

СУБЪЕКТ пошел на контакт.

После того, как череда ужасных преступлений потрясла обычно тихий город Арлингтон штата Вирджиния, количество садистских убийств молодых женщин сошло на нет в обманчивом спокойствии. Но Агент Сэди Бондс понимает, что кошмар еще не закончился: серийные убийцы останавливаются лишь тогда, когда их ловят.

А этот садист нацелился на криминалистку, раскрывая по кусочкам её темное прошлое и вплетая её секреты в каждую отвратительную сцену убийства. Является ли он человеком из её прошлого или настоящего? Или он часть обреченного будущего, которое она сама на себя навлекла? Ответ заключен в убийствах – подражаниях стилю знаменитой Кровавой Графини.

Пока департамент застыл в напряжении, ожидая следующего шага СУБЪЕКТА, Сэди ходит по лезвию бритвы – её ненормальная тяга к возможному преступнику выходит из-под контроля. Она нуждается в ощущении того, как верёвки Колтона опутывают её, унося прочь от жестокой реальности.

Только вот у Колтона Рида есть свои темные секреты, угрожающие задеть не только Сэди, когда они выйдут на свет, но и паутину хитросплетения СУБЪЕКТА, в которую попали как криминалист, так и её сексуальный мастер бондажа.

По течению

СЭДИ

Джексон Рэндалл Ловетт.

На первый взгляд, обычные имена по отдельности, но, когда они выстроены в такой последовательности, меня охватывает ужас. Погружает в чертовы ночные кошмары.

Мой похититель.

О его имени я узнала позже, сразу после того, как вышла из больницы, когда родители были больше не в силах защищать меня от бурных последствий. Репортеры, журналисты, психотерапевты... все они, шептали его имя, которое словно прокрадывалось в мой мозг, вселяя в меня ужас.

Воспоминания. Да. Джексон Рэндалл Ловетт был мертв. Убит. Застрелен в моем присутствии. Окончательное доказательство того, что его садистские пытки не смогут снова вмешаться в мою жизнь. Но в подсознании, в темных безмятежных водах моего разума, его дух был жив и преследовал меня. Я слышала грохот разрушения, моя душа раскололась, а психика была искалечена.

Реальность, острыя как бритва, цеплялась за меня зубами, разрывая на части, и я хваталась за края моего прошлого, за девушку, которая существовала до Джексона Рэндалла Ловетта. Я хотела спасти ее. И у меня было только два варианта: либо позволить тьме поглотить меня, либо бороться с ней. Умереть или жить. Я выбрала

путь наименьшего сопротивления, который впоследствии привел меня к болезненной и тяжелой борьбе с наркозависимостью.

Какое-то время я была сжата когтями, дарующими бегство от действительности на обещанный верхний уровень. В конце концов, я была всего лишь подростком. Соблазн вокруг меня был велик, и все было бы не так, если бы в один злополучный вечер я не была украдена. В конечном счете, я поняла, что отсрочка, которую дают таблетки, не длится слишком долго. Я всегда возвращалась в мое темное царство, к стенам, облитым кровью, к моему тюремщику. Вот мои ежедневные кошмары.

Именно в те два тяжелых подростковых года, черт возьми, мой отец решил, что он не может терпеть мое медленное и тяжелое восстановление. И он ушел, но я не виню его. Возможно, постороннему наблюдателю показалось, что он просто сбежал с тонущего корабля. Но я вижу все иначе. Мрак, что был во мне, настолько глубоко окутывал нашу семью, что рано или поздно она все равно бы разрушилась. Шансов избежать этого не было.

Когда я училась в выпускном классе школы, мне сообщили, что у него случился сердечный приступ. Мой мягкосердечный отец. Сердце подвело его. И вот тогда, наконец, моя вторая сторона окончательно проявила себя. Я боролась.

Применив свои навыки и новые полученные знания в области психологии, я погрузилась в другую область - в исследование психики преступников. Заняла более активную позицию, которая позволила мне предотвратить разрушение чужих жизней. Я помогала закону наказывать садистов и психопатов. Остановить их, прежде чем они смогут нанести еще больший вред. Это казалось единственным логическим выбором.

Тогда я не могла знать, к чему это приведет. Возможно, был другой путь. Третий вариант, наверное, тоже существовал. Но его очень сложно отыскать.

- Вернулись от Пайпер Маккена.

Детектив Куинн указывает в сторону стеклянных дверей, где можно разглядеть нового члена команды, вернувшегося с места первого преступления.

Куинн проводит ладонью по голове, и в его волосах становятся заметны серебристые пряди. Щетина на его щеках указывает на то, как мало времени у него в последние недели оставалось на сон. Но, даже в таком измощденном состоянии, он по-прежнему оставался аккуратным и ухоженным мужчиной. Детектив Алек Карсон, переведенный к нам из полиции штата, ведет маркером по стеклу прямую черную линию, представляя смерть Пайпер Маккены.

Вся ее жизнь и смерть выражены сейчас в этой черной линии. Вот и все. Одна черта, представляющая всю ее жизнь, которая теперь всегда будет запятнана тем уродливым состоянием, в котором неизвестный оставил ее.

Эти болезненные мысли, отрывки разных суждений роились в моей голове, и я чувствовала себя в конференц-зале, словно в душной и тесной больничной палате. Вполне возможно, что это происходит потому, что я сосредоточена на своих собственных мыслях, бездумно созерцая все, что есть вокруг меня.

- Бондс, высунь голову из своей задницы и прочитай текст нашего заявления для прессы.

Вынырнув из оцепенения, я обратила внимание на Куинна. Он прищурился, внимательно наблюдая за мной, ожидая моего ответа.

С тех пор как я нашла сообщения, оставленные Субъектом, Куинн был чрезвычайно внимателен ко мне. Он стал постоянно присутствовать в моей жизни, изображая старшего брата. Я немного устала от его заботы. Но я не виню его: само собой, ему интересно, почему преступник связался именно со мной.

Эта тема стала основной для обсуждения не только для Куинна, но и всей нашей группы. Анализируя каждое предложение, расшифровывая загадочный смысл каждого

слова, слога, буквы, знака препинания. Меня неустанно спрашивали, что я знаю; в первую очередь о лицах, представляющих интерес в моем прошлом и моем настоящем. Неустанно исследовали доказательства и складывали факты. Наконец, стало очевидно – я не знаю субъекта.

Я даже отдала свой собственный профайл, составленный на субъекта, рассказав, что у него есть навязчивая идея. Намеренно или нет, но, если я когда-либо вступала в контакт с убийцей, то могла спровоцировать его. Ему присуща одержимость. И он нашел во мне нечто, что подкармливает его желание контроля и обладания.

В день, когда были получены первые сообщения, наши техники попытались отследить сигнал, но когда эти попытки не увенчались успехом, на мой сотовый была установлена программа слежения. Записывались не только все мои звонки, также отслеживались все смс и даже все мои перемещения. Куинн и вся наша группа постоянно были в курсе, где я нахожусь. Это, наряду с напряжением, царящим в департаменте, застывшем в ожидании следующего шага Субъекта, доводило меня до исступления. Мне нужно отвлечься.

Оторвавшись от моих внутренних переживаний, я перебираю файлы, пока не нахожу текущий пресс-релиз. Куинн настоял, чтобы мы перепроверили все еще раз для того, чтобы быть уверенными в том, что капитан не упустит ничего важного. Новость должна быть представлена публике в нужном нам свете.

Я опускаю плечи и перевожу взгляд на страницу передо мной.

– Жертвы преступника – девушки 20-25 лет. До сих пор все они были европейской внешности, но осторожными следует быть всем женщинам. Жертвы были незамужними, жили одни и недавно переехали в Арлингтон. И у них не было родственников поблизости.

- Удали эту часть, – прерывает меня Куинн, я смотрю на него поверх страницы.

- Почему? - в моем голосе звучит раздражение. - Это правда. Недавно переехавшие одинокие женщины, без семьи или близких друзей, должны быть особенно внимательны и осторожны.

Потирая подбородок, Куинн внимательно смотрит на меня.

– Это те обидные и важные слова, которые могут создать панику среди одиноких женщин.

Я смотрю на молодых детективов, которые разглядывают меня, приподняв брови, потом снова перевожу взгляд на Куинна.

– Я думаю, что корабль уже уплыл. В тот момент, когда в новостях появилась новость о четвертой жертве. Паника наступила. Для всех.

Громко вздыхая, он опускает руку, чтобы взять ручку со стола, и, подойдя ко мне, выдергивает страницы из моей руки, затем перечеркивает предложение, которое я только что прочитала.

- Если ты хочешь говорить правду, - говорит он резким и чуть хриплым голосом, оставляя какие-то закорючки на странице, - тогда почему бы тебе просто не позволить Векслеру озвучить все материалы дела.

Он вскидывает на меня взгляд, замирает.

– Предупредить всех женщин, если они имеют хоть что-то общее с агентом Сэди Бондс, то им необходимо держать двери нагло закрытыми.

От гнева мое лицо раскраснелось.

– Что за чушь?!

Он выпрямляется во весь свой рост, явно взбешенный моим тоном. Я редко перечу Куинну, но тут он зашел слишком далеко. Я знаю, что он, как и все мы, устал и находится в состоянии стресса, но в последнее время он был еще большей задницей, чем обычно.

- Это все? – спрашивает он, возвращая мне пресс-релиз. – Субъект нацелился на тебя, Бондс. Возможно, это связано с его желанием включить себя в процесс следствия, хотя я бы поспорил. Но мы оба знаем, что это в частности, проблема гораздо глубже. Ты сама составила его психологический портрет. Он эротоман, не так ли?

Я откинула челку с глаз.

– В первую очередь он зациклен на Батори, а не на мне. Если он в своем заблуждении предполагает, что я - реинкарнация графини, которая... Нет никаких доказательств... он все это вложил в его бредовые отношения с ней. Я предполагаю, что в его рассуждениях много заблуждений.

- Он считает, что вас объединяет общая навязчивая идея, - говорит Куинн, обернув мои прошлые слова против меня.

- Да.

- Одержанность Кровавой Графиней.

Я пожимаю плечами.

– Моя диссертация в университете была посвящена Элизабет Батори. Это не трудно узнать для кого-то с определенными навыками, особенно когда его интересуют исследования по Батори.

Область, в которой нет почти никаких зацепок.

– В моей работе был запал. Некоторые могли бы даже сказать - страсть. А страсть часто ведет к одержимости.

Карие глаза Куинна сверлят меня, заставляя мое сердце биться быстрее. Все эти кусочки головоломки прекрасно составляются вместе, давая нам очень аккуратные и удобные объяснения. Все, что мне нужно, – уйти сейчас из этого места. По крайней мере, сейчас, пока я еще нахожусь под позитивным влиянием воспоминаний о шибари-бондаже.

- Секунду, - говорю я, прогоняя незваные мысли о Колтоне. – Мы с жертвами совершенно не похожи. Я не могу быть частью его выбора.

- Но ты - часть чего-то для него.

Куинн подходит ближе, он настолько высок, что я вынуждена откинуть голову назад, чтобы видеть его глаза. Уперев руки в бока, я не отступаю.

– Всех серийных убийц объединяет зацикленность на одном типе жертв, Куинн. И будем откровенны, ты сам знаешь об этом.

В уголках его глаз собираются морщинки, он изучает мое лицо.

– Наличие общей черты, объединяющей все жертвы, мы опровергли в ходе расследования, – подчеркивает он. – К нему это не применимо. Ты была для него приоритетом, начиная с первой жертвы.

Мое дыхание становится прерывистым. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы успокоить сердцебиение и сдержать на лице маску спокойствия. Куинн не обладает такими навыками как я, он не может столь хорошо читать поведение людей, но он старой закалки. Мужчина обладает многолетним опытом в этой области, он умеет присматриваться к людям и раскрывать их тайны.

Напряженно вздохнув, я облизываю губы. Его взгляд внимательно следит, как мой язык скользит по губам. Его рот кривится, и я вижу, какая битва разгорается внутри него, как он старается удержать свое самообладание, как сжимает зубы. Я сомневаюсь, что моей сексуальной уловки достаточно, для того чтобы отвлечь Куинна, но в этот момент я использую то, что сейчас есть в моем арсенале. И мне нравится, что я в состоянии отвлечь его внимание. Им нелегко управлять.

- Вернемся к делу, - я чувствую, что мой голос звучит тверже, чем я себя ощущаю. – Я помогу ему поддержать это заблуждение. Субъект планировал свои убийства заранее, представляя их. Вот как это работает, Куинн. Нет другого пути.

Он слышит колебание в моем голосе. Он видит, что я морщу лоб. В этот раз я не смогу выпутаться из всего этого так легко.

Честно говоря, многие вещи, о которых я говорю, для меня неизведанная территория. Конечно, мои утверждения, по большей части, правда, но маловероятно, что убийца случайно выбрал стихотворение, которое практически в унисон резонирует со мной. Как и то, что он оставил на месте первого преступления.

«Она идет во всей красе». Маленькое сообщение, оставленное лишь для меня, доказывает, что он начал преследовать меня еще до того, как приложил нож к шее первой жертвы. Только я не понимаю, что это значит, и не могу расследовать дело, не беря во внимание все факты. Я настолько истощилась в эмоциональном плане, что у меня даже не было времени испугаться.

Сколько преступник знает обо мне? Каковы его истинные намерения? Что он будет делать с этой информацией? Во мне так много непонятных страхов, что мой мозг неспособен обработать их.

Куинн наклоняется и заглядывает в лицо, как бы передавая мне свою физическую силу.

– Что ты скрываешь, Бондс?

Воздух между нами заряжен. Я моргнула. Черт.

- Ничего.

Его глаза щурятся.

– Все скрывают что-то.

Я выдыхаю.

- Тогда что скрываешь ты?

Карсон разражается смехом, но, получив гневный взгляд от Куинна, отворачивается к доске. Я расслабляю плечи и позволяю себе выдохнуть.

– Послушай. Это не то, что ты думаешь...

- О чем я думаю, так это о том, что мой профайлер находится в опасности, и она намеренно подставляет себя под удар лишь потому, что не хочет обременять других.

Его рот сжимается в жесткую линию. Он впервые озвучил эти слова, и, не стану скрывать, они очень меня задели.

Вдохнув, я погружаюсь в себя в поисках хоть крупицы мужества.

– Куинн, я большая девочка и, как минимум, способна позаботиться о себе...

- Я не говорю, что не можешь... - прерывает он меня снова. – Но ты делаешь все возможное, чтобы держать меня подальше от того, что с тобой происходит. Я хочу сказать, что это не очень хорошо выглядит со стороны.

Мои глаза сужаются.

– Что? Я подозреваемая?

Когда он смотрит на меня, я грустно качаю головой.

- В данный момент каждый человек в отделе - подозреваемый.

Скрещивая руки на груди, он облокачивается на стену.

- Судебная экспертиза. В этой ситуации нами задействованы все методики изучения доказательств.

Он кивает.

– Нами изучено все, что возможно, и мы скоро начнем копаться на своем заднем дворе, если не получим новую зацепку в ближайшее время.

Мой живот болезненно сжимается, я сглатываю желчь.

Он наклоняет голову.

- Ты, действительно, считаешь, что мы больше ничего не должны добавлять? Я не думаю, что информации, которую мы представляем в пресс-релизе, достаточно. Нет, правда!

Он внимательно сканирует мое лицо, ищет слабости в моей обороне, готовясь начать новую атаку.

– Ты хочешь добавить упоминание о семье, да?

Теснота в груди сжимает мое сердце.

- Я читал твои отчеты, это моя работа. Я знаю, что тебя беспокоит... - поймав настороженное выражение моего лица, Куинн затих и вздохнул. – Откройся мне, Бондс. Я могу помочь. Просто расскажи мне.

Громкий кашель прерывает допрос Куинна, и я вспоминаю, что мы не одни. С красным от напряжения лицом я смотрю на Карсона. Куинн отслеживает мой взгляд, его черты становятся жесткими.

- Извините, что перебиваю, – говорит Карсон, кивая на телефон, - но пресс – конференция начинается через десять минут.

Куинн бормочет проклятия себе под нос, потом отходит на несколько шагов и окидывает меня взглядом.

– Все в порядке. Пойдем с тем, что у нас есть. Мне тоже не нравится плясать перед прессой и рассказывать, как мы облажались.

Игнорируя насмешку, я говорю:

– Я напечатаю новую копию для Векслера, – хватаю папки и иду в сторону двери.

- Бондс, держись поблизости. Вы с Карсоном будете исследовать виктимологию по имеющимся у нас материалам.

Он смотрит на меня и второго детектива.

- У медиков для нас новая информация. И поскольку из оружейных магазинов ничего не приходило, я вынужден бросить всю группу на изучение орудия убийства. Так что мне нужно, чтобы вы оба сосредоточились на жертвах.

Я хватаюсь за дверную ручку, желая быстрее выйти из комнаты.

– Я могу это сделать, но мне не нужен телохранитель.

Или нянька.

- Если убийца вышел на связь однажды, он сделает это снова.

Следы страха все же проступают на лице Куинна.

- Это больше, чем просто твоя защита, Сэди. Ты – единственная реальная связь с убийцей на данный момент.

На это я и рассчитываю. Обращаюсь к Карсону, выгнув бровь:

– У Вас есть проблемы в парной работе с профайлером?

Новый детектив улыбается, его белые зубы красиво контрастируют с загорелой кожей.

– Вовсе нет, мэм. Думаю, мне это даже понравится.

Я возвращаю ему в ответ самодовольную улыбку. Я почти чувствую, как Куинн с ухмылкой впивается взглядом в мой зад, когда покидаю зал заседаний. Если бы у меня не было более важных дел, я бы проигнорировала последнее распоряжение Куинна, но он чертовски прав. Впрочем, как и всегда.

Пока капитан предупреждает одиноких женщин Арлингтона, что им следует остегаться серийного убийцы, который сейчас на охоте, я собираюсь нанести визит женщине, которой пренебрегала в течение последних двух недель – одной из тех, кто может быть в опасности, только потому, что какой-то человек решил совать свой нос в мои прошлые дела. Сейчас она мой главный приоритет. Сделав копии для капитана Векслера, я быстро убираю все со своего стола, пряча личные записи в тумбочку.

Меняю свой телефон, на котором установлена программа слежки, на новый, купленный совсем недавно.

Куинн, этот сукин сын, может делать все что хочет, но сегодня он не сможет отследить мои передвижения.

Я закрываю дверь моего кабинета, мимо которого, то и дело, шатаются группы офицеров из разных отделов, готовясь к пресс-конференции. Возможно, убийца сейчас отдыхает, но я не дам ему времени перегруппироваться. Я должна защитить людей, которые мне дороги. Даже если это значит защитить их от меня самой.

Острая боль

КОЛТОН

Большинство людей не знают, как справиться с настоящим страхом, когда впервые сталкиваются с ним лицом к лицу.

С любым видом страха, хотя я говорю о зубодробительном, сковывающем сердце страхе, который застигает вас врасплох. Не то нервное постукивание сердца, когда вы понимаете, что просрочили платеж, и вам могут отключить электричество. Или острые боли, стискивающая грудную клетку от лобового столкновения. Даже не полуночное беспокойство от того, что задерживается любимый. Все это можно пережить, но существует более глубинный, темный страх, который превышает все остальные.

Страх потери. Паника, оплетающая словно паутиной, сковывает все тело, и чем сильнее она, тем сложнее сделать вдох. Это всепоглощающий страх.

Говорят, страх не смертелен сам по себе. Но если гибель неизбежна, то он – несомненная причина. Он захватывает разум, не оставляя места ни для чего другого. Он пожирает любовь и доверие. Он выедает душу. Я уже испытывал этот страх. Я был им уничтожен. Он разрушил все в моей жизни, пока я был в его власти. Он иссушил меня, разорвал на части, измельчил мои внутренности. Это наихудший вид страха, потому что ты не в состоянии его остановить. Остается лишь ждать, пока не наступит тот момент, которого ты так боялся. Затем... темнота. Бездонная пропасть горя.

Джулиан любит играть с этими чувствами, смаковать их, выставлять напоказ, словно новый костюм. Я наблюдал, как на лице брата появляется подходящее выражение лица, когда он выражал соболезнования. Слышал заминку в его голосе, когда тот произносил ее имя. Он тренировался. И он в этом хорош.

Вот почему, когда прозвучала новость о его женитьбе, и я осознал, что стою в переполненной комнате, ощущая, как раздражающее давит воротник накрахмаленной рубашки, у меня возникает непреодолимое желание испортить вечеринку по случаю помолвки. Убежать из города. Убежать как можно дальше от его искусственной жизни, прежде чем она проникнет в меня.

Только Сэди заставляет меня твердо стоять на земле. Тот, кто страдал, - по-настоящему страдал - должен получить второй шанс. Но правда заключается в том, если ты по-настоящему, безвозвратно пострадал от рук садиста... у тебя его не будет. Нет второго шанса для таких заблудших душ.

Ты дышишь. Ты ешь, пьешь, трахаешься. Затем засыпаешь, только чтобы проснуться и повторить все снова. Но ты не получишь второго шанса.

Я верил в это долгое, мать его, время до тех пор, пока не встретил Сэди. Она стала моим подарком из бездны; предложением перемирия. Я заплатил по своим счетам и сумел заработать этот невозможный второй шанс. Я упорно боролся и

победил. Сэди - мой прекрасный приз. Вот почему я отказываюсь позволить ей оттолкнуть меня.

Кто-то хлопает меня по плечу, и я напряженно оборачиваюсь. Вынырнув из своих мрачных мыслей, поворачиваюсь к Джейферсону, радуясь, что это мой сосед, а не мудак, которого я называю своим братом.

- Чувак, я не могу дождаться мальчишника, – говорит Джейферсон, пока его глаза сканируют толпу, которая собралась в доме Джюлиана. - Единственная причина, почему яучаствую в этом деръме, потому что знаю, что у вас должно быть что-то чертовски неприличное.

Ухмыльнувшись, я позволяю моему другу верить в то, во что он хочет. Всего несколько дней назад он узнал, что я работаю в БДСМ-клубе, и теперь представляет мою жизнь, как дешевое порно. Наполовину голая, одетая в кожу Доминатрикс порет меня перед завтраком, и знайные сексуально одетые школьницы делают мне минет в постели.

Но я же парень, поэтому не пытаюсь его переубедить. Некоторые образы слишком укоренились в мужском сознании. Учитывая, что мы живем вместе уже 5 месяцев, и за это время единственной моей женщиной была Сэди, я думаю, что скоро для него станет очевидным, что я не веду жизнь сексуально озабоченного самца.

- Да, мы кое-что планировали для него, – говорю я, делая глоток бурбона, который отлично согревает, пробирай меня до костей.

Джейферсон кивает в сторону миниатюрной блондинки, которая заходит в комнату под руку с моим братом.

- Не могу поверить, что ради нее он отказался от клубной жизни, – его широко распахнутые глаза смотрят на меня. – Не то, чтобы Бетани не горячая, она...

Я поднимаю руку вверх, со словами:

- Ясно, можешь не продолжать.

Но он продолжает:

- Но отказаться от этого образа жизни ради одной женщины? - Джейферсон тяжело выдыхает. - Какая утрата. Твой брат все еще ищет кого-нибудь, чтобы присматривать за клубом? Потому что, если что, я готов принести в жертву свои офисные будни ради общего блага.

Я снова делаю глоток, чтобы избежать ответа. Пора прекратить обсуждать личное с Джейферсоном. Хотя именно Джюлиан сделал это невозможным: благодаря его неуместному визиту в мою квартиру прошлым вечером и требованию моего присутствия на своей вечеринке.

Не то чтобы у меня есть причины волноваться из-за своего соседа, но он ведет себя несколько... бестактно. Шумно. Грубо. И не умеет вовремя заткнуться.

Как и сейчас, когда Джюлиан поднимает бокал шампанского вместе со своей новоиспеченной невестой, чтобы произнести тост, пока толпа замолкает, Джейферсон выплевывает:

- Я буду носить одежду Дома?

Эхо его низкого голоса, заполнившего замершую в тишине комнату, застревает у меня комом в горле. Я ощущаю любопытные взгляды, направленные на нас, и хватаюсь за моток веревки, спрятанный в кармане. Не люблю, когда на меня обращают внимание, особенно в ярком свете и в обстановке, декорированной в пастельных тонах. От этого моя кожа становится липкой от пота, голова начинает зудеть, а желудок скручивает от подкатывающей тошноты. Я не люблю подобного внимания.

Так или иначе, моему брату никогда не приходилось сталкиваться с проблемами, подобным моим. Он смотрит прямо на Джейферсона и произносит:

- Если ты оденешься так на мальчишник, то заплатишь за приватный танец сам, друг мой.

Толпа оживилась сверкающими улыбками и ухмылками, напряжение ускользает из комнаты, как будто эта сцена была тщательно спланированной частью его очаровательного теста. Вообще-то, так и могло быть. Он публичный человек. Вот поэтому он лицо клуба, человек в костюме. Проницательный. Благоразумный. Смекалистый и, к тому же, харизматичный.

Джулиан посыпает мне многозначительный взгляд и поднимает бокал выше, затем начинает отрепетированную речь.

Женщина слева от него, Бетани, с восхищением и благоговением наблюдает за женихом. Я практически уверен, что она и понятия не имеет о его поздних ночных делах в клубе... его прошлом... и она, вероятно, счастлива в своем блаженном неведении.

Я салютую счастливой парочке и выпиваю залпом, добивая остаток бурбона за один глоток. Я не могу ненавидеть ублюдка. Злиться на него. Завидовать его простому образу жизни. Презирать за его беззаботность... Да. Но ненавидеть своего брата? Нет, я не могу ненавидеть часть себя. Мы оба виноваты в том, что любили одну женщину и причинили ей боль. Мы оба виноваты в том, что сломали ее. Но лишь один из нас взвалил на себя ношу разгребать все дерьмо. Вот почему я несу весь этот груз, и он позволяет мне.

Поставив бокал на поднос проходящего мимо официанта, я разворачиваюсь, чтобы уйти, но Джейферсон ловит меня за руку.

- Ты уходишь? - спрашивает он. - Вечеринка только началась.

Я оглядываюсь, всматриваясь в лица, которых не знаю. Знакомые моего брата со времени его переезда сюда, друзья невесты. Некоторые лица я узнал - члены «Логова», погрязшие в развратнойочной жизни и скрывающиеся за маской благородства днем. Они хранят секреты моего брата, потому что он хранит их. У нас у всех есть секреты. Но я предпочитаю не играть по этому сценарию. Я тот, кто я есть. Мой стыд принадлежит мне. И я не принадлежу этому месту.

- Передавай мои наилучшие пожелания подружке невесты, - обращаюсь я к Джейферсону и похлопываю его по плечу, прежде чем ухожу и пробираюсь сквозь толпу к черному выходу.

Как только меня накрывает сладость нахождения в открытом пространстве, напряжение от клаустрофобии ослабляет свою хватку, я достаю телефон и открываю мессенджер. Одно новое сообщение. От Сэди. Сердце замирает в груди. Она четко дала понять, что я не должен контактировать с ней. И не должен видеться с ней. До тех пор, пока она не освободится от дел в департаменте. Я даже мельком не видел ее, не говоря уже о большем, с тех пор как она оставила меня одного в моей квартире. Всего неделя, но мне она казалось чертовым столетием.

Лишь раз попробовав ее, моя потребность только усилилась, а дни, минуты, секунды вдали от нее были чистым адом.

Я ослушался ее приказа и отправил сообщение на ее новый номер, требуя встречи сегодня вечером. Я приму свое наказание, чтобы она ни придумала, при условии, что оно будет исходить непосредственно от моей богини. Я устал ждать, сам дьявол не сможет удержать меня от нее еще на один день.

Поэтому, когда я читаю ее сообщение, - «Хорошо, сегодня...» – мое тело пронзает мощная дрожь.

Сегодня. Возвращая в карман телефон, я покидаю дом брата и направляюсь к своему пикапу, мой разум наполняется похотливыми мыслями о Сэди. Ее упругое и гибкое тело изогнуто в прекрасных, соблазнительных позах. Черты ее лица изысканно

напряжены, ее зеленые глаза смотрят только на меня. Она была идеальна в тот момент. Моя. Мы разделили лишь один момент, но он был наш. И это был лишь фундамент, по которому мы будем пробираться сквозь ее сомнения.

Может зря я поддался ей, давая время заниматься своими извращенными теориями. Она проигнорировала косвенные улики и указала на меня, как на настоящего убийцу. Любой другой мужчина обиделся бы, позволил, вероятно, этим неоспоримым доказательствам стать причиной разрыва отношений, но мы не такие, как большинство людей.

Когда ты смотришь страху прямо в глаза, когда ты знаешь на вкус горечь отчаяния, ты больше не живешь в ярком суетном мире. Наши отношения строятся на другом уровне правил и доверия. Мы не действуем вслепую - мы ищем это. Жаждем этого. И я никогда не желал ничего и никого так сильно, как я жажду Сэди прямо сейчас. Мне нужно, чтобы моя богиня освободила меня.

Не одна

СЭДИ

Когда мне было пять лет, я помню, как мама втирала пахучую травяную мазь в мою обожженную кожу. Я хотела уложить волосы, как у нее, но схватилась не за тот конец щипцов для завивки. Это была глупая ошибка, но я никогда о ней не забывала. Я помню боль, слезы, помню, как умоляла ее остановиться - мне легче было вытерпеть боль от ожога, чем терпеть эту мазь. Она меня не ругала, мама всегда была мудра, она лишь сжала мою ладонь, а затем обмотала руки и пальцы чистым бинтом.

Всю следующую неделю она меняла мне повязки и каждый день обрабатывала рану едкой смесью из трав, которая уменьшала боль и ускоряла процесс заживления раны.

У моей мамы было множество народных средств, над которыми я смеялась, как и любой ребенок в моем возрасте, но только не после моего похищения. Те раны, что не могли вылечить врачи, продолжала пытаться вылечить моя мать. И хотя шрамы никогда полностью не исчезнут, я знаю, что без усилий моей матери они бы выглядели намного хуже.

В воздухе разливается резкий аромат масла шалфея, пока я втираю средство в обветренную кожу маминых рук.

- Я встретила кое-кого, - говорю я, надеясь, что мой голос звучит достаточно ясно и уверенно. – Он... хороший.

Кусая губы, я пытаюсь придумать, как описать Колтона женщине, которая привела меня в этот мир.

Темный. Таинственный. Красивый... подозреваемый в деле о серийном убийце.

Только описание Колтона может состоять из клише и ужасающих фактов в одном предложении. И честно говоря, меня очень беспокоит, что я не могу его понять. Конечно, как специалист по составлению досье, и с достаточным количеством информации я бы смогла составить профиль его жизни, его психики и его личности. А я могу составлять очень красочные и точные характеристики человеческой личности. Но как женщина... он ускользает от меня. Я знаю, что желаю от него. Знаю, что влечет меня к нему. Я осознала свои самые основные плотские потребности..., и я чувствую глубокую тоску от того, что он перевернул мою душу.

Но я не понимаю, что притягивает меня к нему: чувства, или это моя темная сторона тянется к нему? Я настолько поглощена им, что не способна осознать,

несоответствие между нами. Как может кто-то столь прямолинейный и волнующий задеть самые глубинные струны моей души, и это ощущается таким...правильным?

- Еще...

Я моргнула, фокусируясь на своей маме.

- Мама? Что «еще»?

Она редко говорит больше чем односложные предложения, добавляя жесты, чтобы более ясно объяснить, чего она хочет и в чем нуждается. Болезнь Альцгеймера - жестокий недуг. Она превращает людей, которых вы любите, в далеких для вас незнакомцев. К тому времени, когда я приняла окончательное решение переехать сюда навсегда, чтобы быть ближе к ней, она уже забыла меня. И никакое количество посещений не исправит это.

Она кивает пару раз, тонкий пучок седых волос колышется в такт движениям головы.

- Еще, - повторяет она.

- Еще о Колтоне? Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе больше о мужчине в моей жизни?

Она кивает, вздыхает, и ее потрескавшихся губ касается слабая улыбка. Я стараюсь изо всех сил, чтобы моя ответная улыбка давала ей надежду на то, что моя жизнь прекрасна. Нормальна. Я обычная двадцатишестилетняя женщина, у которой есть новый парень и неплохая карьера.

Уже совсем скоро она не сможет вспомнить подробности нашего разговора, но сейчас я ее дочь, и я не хочу упустить этот момент.

- Ладно, - говорю я, капая еще капельку шалфеевого масла на ладонь.

Я массирую ей шею, позволяя ароматерапии творить свою собственную магию.

- Он раскрывает меня. Может быть, не в традиционном смысле этого слова... но он способен заглянуть под мои щиты и увидеть ту девушку, которой я когда-то была, и ту женщину, которой я хотела бы стать. Он видит только самое лучшее во мне, не ту маску, которую я показываю всему миру, а настоящую меня. И для него я красивая.

Слова соскальзывают с моих губ прежде, чем я успеваю остановить их, мои руки замирают. Все мое существо замирает, я словно немею. Я не произносила это слово с тех пор, как мне было шестнадцать. И это не просто неосторожный ляп. Этот глубокий момент свободы пугает меня больше, чем само слово.

Колтон считает меня красивой, несмотря на все неприглядные, отвратительные шрамы. Я никогда не желала этого прежде, никогда не позволяла себе долго быть красивой. До сих пор моя внешность имела значение только, когда я сама себя разглядывала. Это всегда напоминало комнату смеха, наполненную деформированными зеркалами и искаженным отражением. Но это размытое отражение девушки было моим, и я обнимала ее. Я никогда не хотела быть красивой для кого-то, пока не встретила Колтона.

Это довольно тревожное откровение, но в то же время я боялась его потерять, будто шла против своей природы. Я всегда была на страже своей безопасности, защищая себя от окружающих, и сейчас я боюсь потерять свои щиты.

Но, ох, тот момент, когда я чувствовала, что значит быть его прекрасной богиней... это покачнуло саму основу моего существования. На возведение каждой стены я потратила годы, но все они рухнули в один миг, и я стала полностью принадлежать ему. Несмотря на то, насколько велика вероятность, что в будущем в наш мир просочится реальность, и все лопнет, как мыльный пузырь, я не хочу потерять его веру в меня. Этот мимолетный, мерцающий шанс, что я являюсь той женщиной, которую он видит на самом деле. Я боюсь лишь того, что я недостаточно храбрая, чтобы сделать заключительный прыжок в это желанное безумие.

Мама кладет свою прохладную руку поверх моей, возвращая мое внимание к ней.

- Страх..., - шепчет она.

Мои брови сходятся на переносице. Я опускаю руки и зажимаю ладони между своими коленями.

- Страх, мама? О чём ты?

Неужели я действительно сказала это вслух?

Ее руки хватают мои, глаза беспокойно распахиваются. Ее губы шевелятся, словно она хочет что-то сказать, и я вижу разочарование в ее взгляде, потому что она не может облечь свои мысли в слова.

- Страх... любовь.

Внутри меня все сжимается.

- Я должна бояться любви?

Она раздраженно отпускает мои руки и качает головой.

- Любовь – это... страх.

Она улыбается так тепло и неподдельно, что мои собственные губы дрожат. Приложив ладонь к моей щеке, она кивает, призывая меня понять смысл, вложенный в ее слова.

Я обхватываю ее худую руку и притягиваю к себе.

- Любовь – это страх, - говорю я, и она кивает. - Ты права. Мы тратим всю жизнь боясь, что мы никогда не найдем ее, и когда находим... если она настоящая... мы боимся потерять ее. Мы боимся совершить ошибку. Мы боимся столь много, что это, в конце концов, гонит любовь прочь от нас.

Я поднимаю на маму затуманенный взгляд, изо всех сил борясь с подступающими слезами.

- Но то, о чём ты говоришь, гораздо глубже, да?

Она пытается кивнуть еще раз, но ее движения отрывистые и напряженные. Она устала, сегодня она на удивление долго была в сознании, но происходящее начинало от нее ускользать. Моя мать никогда не осуждала меня. После того как я вернулась домой, когда мой мир превратился в мрачное подземелье, она не смотрела на меня как на мусор. Она смотрела на меня как на ту девочку, которая нуждается в терапии. Она всегда говорила мне, что мы те, кем нам суждено быть. Все просто. Она по-прежнему остается моим голосом разума.

И теперь она говорит мне, что моя любовь – это то, чего мне стоит опасаться. Никакие слова не могли бы быть более справедливыми.

Приподнявшись, я крепко обнимаю маму и устраиваю ее обратно в кресло-качалку. Затем я даю медсестре последние инструкции об уходе за мамой, убеждаюсь, что никто кроме меня не может навещать ее, расспрашиваю, насколько хорошо работает служба охраны больницы. Еще раз заглядывая к матери и наблюдая, как она укладывается спать, я надеюсь, что никто не захочет причинить мне боль через нее.

Отъезжая от дома престарелых «Рестинг Пайнс», я чувствую легкое облегчение от того, что моя мать в безопасности. Внезапно мой телефон вибрирует. Я вытягиваю сотовый из кармана. На экране высвечивается новое сообщение от Колтона.

Колтон: *Когда? Где? Я буду ждать тебя всю ночь.*

Из легких уходит весь воздух. По телу пробегает дрожь предвкушения, и на языке я ощущаю привкус возбуждения. Меня овеивает свежий воздух, но вокруг себя я чувствую мужской аромат Колтона. Тоска сжимает грудь. Возможность просто видеть его имя на дисплее, читать его слова рождает ощущение чистого кайфа.

Играю с огнем. Может, это и так, но я не могу быть вдали от единственного человека, который предложил мне спасение безо всякого осуждения. Пока у меня не будет доказательств того, что он имеет прямое отношение ко всем этим серийным

убийствам, я должна пренебречь своими собственными правилами и вернуть его доверие.

Темная часть меня наслаждается этим, она любит охоту. Побывав в логове у дьявола, мне нравится тыкать палкой в угли и наблюдать за вспыхивающими искрами. Этот огонь поддерживает тепло во мне, тогда как бездушный мир старался затянуть меня в свои холодные и мутные воды.

Я отвечаю: *У меня, в девять.*

Отправляю прежде, чем успеваю подумать.

Ответ приходит мгновенно: *Я не опоздаю.*

Сообщение на экране заставляет мой пульс биться чаще, в горле пересыхает, и я пытаюсь сглотнуть. С внезапной ясностью я понимаю, что иногда быть близко к вещам, которые тебя пугают, это единственный способ действительно почувствовать всю полноту жизни.

Я кидаю мобильник в сумку, достаю ключи от автомобиля и отключаю сигнализацию. И пока я иду к дверце, моей шеи касается жуткое ощущение преследования, заставляя встать дыбом мелкие волоски. Я никогда не игнорирую это чувство, я отточила его до совершенства, и это одна из тех вещей, которая всегда позволяет мне быть на шаг впереди.

Медленно повернувшись, я оглядела стоянку и приметила одинокий черный автомобиль, припаркованный позади меня. Стекла тонированные, но я замечаю, что в кресле водителя кто-то есть. Он следит за мной. Сначала я пытаюсь достать телефон, чтобы позвонить Куинну, но затем останавливаюсь. Вместо этого, я расстегиваю кожаный ремешок кобуры, кладу руку на ствол и направляюсь к машине.

Если охотник хочет быть раскрыт и сам стать жертвой, так тому и быть. Я рассчитывала на большую загадку... но я, как всегда, готова. Двигатель тарахтит, шины взвизгнули, и автомобиль двинулся вперед. Я бегу за черной машиной, как вдруг та меняет направление и движется прямо на меня. Я вытаскиваю пистолет и прицеливаюсь.

Напряжение

СУБЪЕКТ

Что делает историю великой? Этот вопрос я задавал всем своим зверушкам не раз, и все, что слышал в ответ, это жалкую ерунду, перемежающуюся нытьем. Возможно, я неправильно задаю вопрос, может, причина в том, что я недостаточно конкретен. Или уделяю недостаточно внимания своему выбору.

Мои стандарты слишком высоки, как можно заметить. Я поставил ее на высокую планку, и никто до нее не дотягивает. Хотя я очень тщательно подхожу к процессу отбора, - я выбираю только лучших - со своими зверушками я все равно в итоге остаюсь нуждающимся, жаждущим. Одержанность – вероломная маленькая стерва.

Я начал обдумывать вероятность того, что провожу недостаточно времени со своими девочками. Для того чтобы они полностью осознали свой потенциал, им нужен строгий учитель. Воспитатель и любовник, который сможет слепить и сформировать их души, которые будут соответствовать их внешности.

Ох, им нужно столько внимания, моим красавицам. Почему бы не дать им справедливый шанс расцвести и показать весь свой потенциал? Замедлиться,

растянуть эти часы, усиливая напряжение. В конце концов, разве не это превращает хорошую историю в отличную?

Напряжение.

Это ответ, правильный и единственный, который они никогда не озвучивают. Но я делаю всё возможное, чтобы просветить их. Я чувствую это напряжение прямо сейчас, пока мой взгляд следит за ней, пересекающей парковку. Маленькие, неуверенные шаги. Темные волосы в беспорядке развеваются на ветру. Посматривает на телефон. Не подозревает о возможных опасностях вокруг.

Ей стоило бы быть осторожнее.

Злость клокочет в груди. Я сжимаю руль, костяшки пальцев побелели, все еще нога после недавнего наказания, которое я был вынужден провести. Твоя собственность никогда не страдает в одиночестве, любой хороший учитель также принимает на себя часть наказания ученика. Как родитель, чувствующий боль своего ребенка, получающего урок. Нужно вкладывать себя. И я вкладываю.

Сэди, ох, Сэди. Скоро ты познаешь эту разделенную боль. Игнорирование очевидного не поможет этого избежать. Более того, это только оттягивает неизбежное. Но отсрочка усиливает напряжение.

Внутри затрепетало волнение. Я съехал с обочины.

Урок первый: признание.

Время поменяться ролями. Учитель станет учеником. Необходимый обмен в погоне за знаниями.

Застигнутая врасплох

СЭДИ

Черная машина резко притормаживает рядом со мной.

- Уберите пистолет. Или вы хотите получить выговор? - детектив Карсон смотрит на меня с пассажирского сиденья, стекла опущены достаточно для того, чтобы я могла разглядеть его хмурое лицо. – Садитесь.

Сердце бешено колотится в груди, я дышу слишком часто; чтобы замедлить дыхание, стискиваю зубы и опускаю руки вдоль тела.

- Я похожа на сумасшедшую? Ты меня преследовал! Тебе конец.

Он глубоко вздыхает и зарывается рукой в свои рыжие волосы.

- Это не моя идея, но да, мне поручено следить за вами.

Куинн. Черт.

Обернувшись на свою машину, я отрицательно качаю головой:

- У меня здесь автомобиль. Я не оставлю его. И я не следую пассивно-агрессивному бреду Куинна. Он мог позвонить мне сам и...

- Вы оставили свой телефон в отделе, – перебивает меня Карсон, в его глаза неприкрытое обвинение.

Кусая внутренний уголок губ, я развозжу руками.

- И что? Я не попадусь в ловушку, и Куинн это прекрасно знает.

- Просто, – он указывает на пассажирское сиденье, потом снова смотрит на меня, – пожалуйста, садитесь. Я работаю здесь недавно и совсем не хочу навлекать на себя гнев Куинна в первую же неделю работы. Мы можем обсудить мои должностные обязанности и Ваши пожелания позже, ладно?

Мне не нравится это. Ни на йоту. Я смотрю на свою машину - бедная Хонда, купленная как раз перед приездом сюда - и перевожу взгляд обратно на черное авто без опознавательных знаков.

Я должна была принять ситуацию такой, какой она была. Но, когда вы подвергаетесь преследованию серийного убийцы, логика работает не всегда. Я в первый раз оказалась в такой ситуации, словно одела обувь не на ту ногу, и мне необходимо, как можно скорее, вернуть контроль над происходящим в свои руки.

- Я не оставлю здесь свою машину, - твердо отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал непоколебимо.

Я не могу позволить, чтобы кто-то преследовал меня; никто не должен знать, зачем я прихожу сюда, и почему для меня важно посещать это место. После минутного раздумья Карсон соглашается.

- Хорошо. Я поеду за вами, затем мы сможем приступить к работе. Упрямая..., - он бормочет последние слова себе под нос.

Проигнорировав это, я быстро направляюсь в сторону своей машины. Мы и так потратили уже достаточно времени на обсуждение.

Припарковавшись напротив продуктового магазина, недалеко от моей квартиры, я заперла свою машину и пересела в Краун Викторию.

- Милый дом, - говорит Карсон, и его слова останавливают меня прежде, чем я успеваю сесть в его авто.

Я выгибаю бровь. Этот парень не имеет представления о моей матери – никто кроме Векслера и Куинна в департаменте не знает. Будь я проклята, если позволю кому-то приблизиться и к своему месту жительства тоже. Об этом несложно догадаться, тем более детективу, но я не готова вручить ему ключи ко всей информации о себе.

Усаживаюсь на пассажирское сиденье.

- Мы об одном и том же? – спрашиваю я.

Он выезжает со стоянки и движется к центру города.

- Это зависит от того, - говорит он, продолжая смотреть вперед на дорогу, управляя машиной еще осторожнее и медленнее, чем Куинн, - говорим ли мы о том, что расскажем Куинну, или о том, с чего начнем выполнять наше задание?

Против воли мои губы разъезжаются в легкой улыбке.

- И то, и другое.

Я вижу, как он бросает беглый взгляд на меня.

- Кого бы ты там не посещала, это не мое дело, – еще один взгляд в мою сторону.

– И не думаю, что это касается кого-то еще.

Я киваю.

- Все в порядке. Спасибо.

- И, - Карсон включает поворотник, неторопливо входит в поворот, и машина ползет по знакомой улице. Мое сердце начинает биться быстрее, – я думаю, мы можем попробовать свои силы в новом подходе в виктимологии. Посмотрим, может быть, на этот раз исследование судмедэкспертов не зайдет в тупик.

Мы паркуем машину напротив «Логова», и громкое жужжение наполняет мои уши. Вскинув руку, я подавляю желание схватиться за руль и выехать с этой парковки.

- Почему мы здесь, Карсон? Это ни к чему не приведет. Я уже была тут, все изучила лично.

Он приоткрывает дверь и смотрит на меня.

- Я прочитал Ваш отчет. Неплохо для профайлера, но я мог бы добавить, – он подмигивает, заставляя меня чувствовать себя дискомфортно. – Но Вы предположили, что веревка, изготовленная в Вене, могла быть куплена онлайн.

Потирая подбородок, я стараюсь расслабиться и говорю:

– Я получила информацию из надежного источника, что в Вене делают очень высококачественные веревки. Мое предположение о том, что субъект покупает веревки онлайн, а не посещает соответствующие страны, вполне обосновано.

- И я не подвергаю эту теорию сомнению, но по сути, это – всего лишь теория. Предположение. Несмотря на то, что я молод, я люблю делать все по правилам. Расследовать и изучать все возможные аспекты прежде, чем примусь за следующую теорию.

Отлично. Похоже, Куинн нанял своего двойника.

– И, хотя я молод, у меня довольно большой опыт практической полевой работы. Профилирование не состоит из одних догадок. Я корпел часами над исследованием и анализом каждой строчки в этом профайле.

Я не стала озвучивать, что провела два дня, развивая свою собственную линию расследования отдельно от всей группы. Я сверяла моменты убийств со временем, которое проводила с Колтоном. Анализ всех возможностей показал, что он мог осуществить потенциальное взаимодействие со всеми жертвами. Но ни одна из улик не указывала на то, что жертвы были как-то связаны с клубом.

Все улики лишь косвенные, хотя и достаточные для департамента, чтобы начать копать под него, но недостаточно убедительные для меня. Мне нужны веские доказательства. Доказательства, которые либо докажут, что он виноват, либо покажут его невиновность. Я надеялась, что последнее.

- Вы идете?

Реальность врывается в мое сознание. Я собираюсь идти в «Логово». Туда, где меня могут узнать. Я окидываю Карсона взглядом, мысленно проклиная Куинна.

- Пойдем.

Оставался час до открытия клуба, и я надеялась, что тот будет пустым. Но моя надежда рухнула, когда девушка в розово-черном корсете открыла перед нами дверь.

- Я могу Вам чем-нибудь помочь?

Карсон показал удостоверение.

- Нам нужно поговорить с хозяином. Он или она на месте?

Девушка закатывает сильно накрашенные глаза, как будто полиция уже успела достать ее своими визитами.

- Нет, он занят сегодня. И нет, я не буду связываться с ним ради Вас, – она надувает свои красные губы, затем добавляет. – Но только что пришел его брат, возможно, он сможет Вам чем-то помочь.

Захлопнув полицейский кожаный значок, Карсон улыбается ей яркой, трусико-сносящей улыбкой. Я отвожу глаза от смущившейся девушки.

- Это было бы очень полезно, мисс, – говорит Карсон. - Спасибо.

Все же должна отметить, что Карсон делает некоторые вещи иначе, чем Куинн. Я предпочитаю подход Куинна, мне нравится прямота в его манере вести допрос, только не тогда, когда это касается меня.

Я вновь взглянула на девушку, но не узнала ее. И поскольку она сосредоточила все свое внимание на Карсоне, она явно не видела меня раньше. Маленькое благословение.

Мы следим за ней от главного входа. Вид черных стен узкого коридора обычно накачивает меня адреналином, словно насос, заставляя меня трепетать от нетерпения,

но сейчас я сжимаю кулаки так, что ногти впились в ладони. Когда мы оказываемся в главном зале, я с удивлением слышу звуки классической музыки вместо низких басов, к которым привыкла. Звуки просто заглушали шум города.

Атмосфера внутри клуба ночью значительно отличается от атмосферы днем. Интересно, кто выбрал Бетховена в качестве музыкального фона? Может, брат владельца. Я встречала владельца лишь однажды, когда подавала заявку на членство в клубе. Пришлось опустить все ключевые детали, которые могли помешать мне получить одобрение на вступление. По работе я часто сталкивалась с подобным на местах преступлений. И это меня возбуждало, поэтому я приняла решение исследовать и эту сторону себя.

Анкета была очень откровенной, но уровень конфиденциальности был еще более высок. Эти интимные подробности... Я никогда не могла поделиться подобным с незнакомцами. И то, что Колтону такими темпами удается избавиться от моей защитной оболочки, все больше тревожит меня. Это слишком быстро, слишком неконтролируемо. Кроме того, я не планировала когда-нибудь вернуться в «Логово» снова. Я пыталась подавить свою тягу, пыталась успокоить моего зверя с помощью различных средств и... это срабатывало. На некоторое время. И, может быть, я смогла бы усмирить своих демонов, если бы не встреча с Колтоном.

Сейчас я не знаю, как выстоять против всего этого хаоса. Я словно была брошена в эпицентр шторма, и теперь пытаюсь вырваться из него. Земля рушится прямо под моими ногами.

- Подождите здесь, я позову его, — говорит девушка в корсете, подмигнув Карсону. Видимо он вызвал в ней симпатию.

- Я определенно смогу привыкнуть к работе в этом городе, — шепчет он мне.

- Вот и славно, - качаю головой я.

Но в действительности, любезничать мне совсем не хочется. «Логово» было вторым местом, выбранным мной для посещения, после того как я присмотрела санаторий для своей матери. Вместе с низким уровнем преступности, в Арлингтоне имелись все необходимые для меня достопримечательности, чтобы я захотела осесть здесь на постоянной основе.

Пока Карсон с интересом изучает окружающий интерьер, рассматривает содержимое полок, на которых есть все, начиная от кнутов и цепей и заканчивая нарядами и масками для Домов, я украдкой достаю телефон и спешу отправить Колтону предупреждающее сообщение. Не нужно, чтобы он делал удивленный вид при виде меня. Но девушка возвращается до того, как я успеваю нажать на кнопку «отправить».

- Эти двое.

Я поднимаю взгляд, и мое сердце пропускает удар. Земля уходит из-под ног, засасывая меня и поглощая быстрее, чем зыбучие пески.

- Детективы, это брат владельца клуба — Колтон Рид, — она сладко улыбается. — Я оставлю вас.

Я даже не замечаю, как она ушла. Я не слышу, что говорит Карсон, все вокруг меня растворяется, остаемся лишь мы — Колтон и я. Я подумала, что будь у меня достаточно времени, чтобы продемонстрировать мои чувства, это стало бы хорошим уроком для Колтона. Он абсолютно и полностью поработил меня, и только он был в состоянии ослабить мое напряжение. Этого было бы достаточно, чтобы я смогла рационально думать в его присутствии.

Но сейчас не тот случай. Он одет для клуба, в черный пуловер с V — образным вырезом, который подчёркивает мускулы его груди и рук, и в темные джинсы. Его лицо серьезно, и на его обычно гладкой коже, между бровей, залегла глубокая складка,

а взгляд ледяных синих глаз сфокусирован на мне. Хотя это не было произнесено вслух, но слово «предательство» зависает между нами.

— Мистер Рид, — говорит Карсон, разрывая, наконец, наш зрительный контакт и заставляя Колтона посмотреть на него. — Я спрашиваю, как долго Вы работаете в «Логове». Возможно, Вам будет удобнее отвечать на вопросы в нашем офисе?

Колтон переводит взгляд с Карсона обратно на меня.

— Нет, — говорит он, его голос звучит раскатисто. Он останавливается прямо напротив меня, каждая клеточка моего тела разрывается от боли, нуждаясь в нем. — Мы можем поговорить здесь. Мне нечего скрывать.

Его слова словно обостряют мое чутье. Я чувствую невысказанные оскорблении. Засунув руки в карманы, Колтон приподнимает подбородок и буравит Карсона тяжелым взглядом.

— Я работаю здесь уже около пяти месяцев. Моему брату нужно было быстро найти помощника, а у меня не нашлось повода отказать.

— Я знаю, как это бывает; гораздо приятнее работать среди людей, чем сидеть в офисе.

Карсон посыпает мне улыбку, но все мое внимание сконцентрировано на мужчине, стоящим передо мной, на том, о ком я так мало знаю. Я даже не знала, что у него есть брат, не говоря уже о том, что тот является владельцем клуба.

Джулиан. Это его имя, его фамилия никогда не озвучивалась. Нити сомнения ползут по моему позвоночнику. Колтон скрыл от меня эту информацию намеренно? Начало наших отношений, безусловно, нельзя было назвать типичным, мы не обсуждали интимные подробности наших прошлых жизней... но я все равно чувствую, что это была не случайная оплошность.

— Я знаю, все это выглядит как игра и забава, — говорит Колтон. — Но у меня действительно есть работа, которую нужно сделать до открытия клуба. Мы можем закончить наш разговор быстрее?

— Да. Конечно, — Карсон делает взмах рукой. — Мы на самом деле пришли спросить о Вашем товаре, мистер Рид.

— Просто Колтон.

Карсон с улыбкой продолжает:

— Я знаю, что клуб продает игрушки и... бондаж-оборудование.

Колтон лишь кивает в подтверждение этих слов.

— Мы можем взглянуть на некоторые приспособления? — спрашивает Карсон со своей фирменной улыбкой, свидетельствующей о том, что на самом деле он не нуждается в разрешении. — Интересуют детали поставки. Кто ваш поставщик? Откуда вам привозят товар?

Достав руки из карманов, Колтон скрещивает их на груди.

— Думаю, для этого Вам потребуется ордер, детектив.

Так и есть. Какого черта Карсон делает? Я точно знаю, к чему он ведет, но не могу понять, как он пытается связать это с виктимологией, или на кого он охотится. Я открываю рот в попытке прервать его, но Карсон опережает меня.

— Вы правы, при необходимости я займусь оформлением документов и получу ордер на обыск, но мы потратим на это уйму времени. И, в конце концов, у меня вряд ли будет разрешение, — он склоняет голову, серьезно разглядывая Колтона. — Поэтому я надеялся, что Вы можете сделать одолжение всему отделу и позволите пропустить бюрократическую часть. Возможно, это одолжение пригодится Вам в будущем, Колтон.

Я могу сделать довольно точные догадки, основанные на поведении Колтона, что он ничего не расскажет Карсону. Его челюсть крепко стиснута, он тяжело дышит, и весь его вид выражает решительность и твердость.

Я шагаю между ними, чтобы разрядить обстановку, когда Колтон говорит:

– Хорошо. Лилли Энн, – он манит девушку в корсете с другой стороны комнаты, – покажи детективу Карсону накладные на весь наш товар, а также квитанции на фискальные чеки.

Взглянув на Карсона, который явно выглядит удовлетворенным, Колтон добавляет:

– Я надеюсь, что эта информация сохранится в пределах вашего отдела.

– Даже не сомневайтесь. Мы ценим Ваше сотрудничество.

На мгновение Лили Энн медлит, затем кивает головой в направлении выхода:

– Пойдемте. Кабинет наверху.

Карсон следует за ней, затем оборачивается ко мне:

– Ты идешь?

Взгляд Колтона приказывает мне отказаться. Кроме того, я думаю, что на сегодня получила уже достаточно указаний от эгоистичного детектива-новичка.

– Иди вперед, у меня есть еще несколько вопросов к Мистеру Риду.

Пожав плечами, показывая, что он совсем не прочь остаться наедине с Лилли Энн, Карсон следует по спиральной лестнице вслед за девушкой.

Мое тело бурно отреагировало на оценивающий взгляд Колтона, я прислонилась к столику позади себя, в попытке сохранить равновесие, и смело встретила его взгляд. Мелодичное звучание виолончелей и скрипок, слияние их в яркое крещендо лишь усиливает мое напряжение.

– Я не знала, что ты любитель классической музыки, – говорю я, решив первой нарушить молчание.

Но Колтон явно не в настроении для тривиальных разговоров о музыке. Он разворачивается и проходит в темный корridor, куда, как я предполагаю, должна следовать и я.

Пока я плетусь в двух шагах позади него, внутри у меня все стягивает в узел, затем он разворачивается и резко хватает меня за талию, прижимая к себе. Его ясные голубые глаза подчиняли, под давлением его жесткой и мускулистой груди мои соски превратились в твердые горошины, болезненно потирающиеся о ткань бюстгальтера.

Он опускает голову и, наклонившись к моему уху, тихо выдыхает:

– Во что ты играешь, богиня?

– Я ни во что не играю, – шиплю в ответ.

Он отстраняется, чтобы заглянуть в мои глаза, и я чувствую, как в его груди быстро бьется сердце.

– Это была не моя идея, Колтон. Я никогда не произносила ни название этого клуба, ни твое имя. Я пришла к тебе одна, помнишь?

Черты его лица искажает отчаяние.

– Я помню. Я так хорошо помню, что с тех пор каждая секунда без тебя приносит мне боль.

Мои глаза закрываются от воспоминаний. Горячее желание проникает в тело, бежит по венам, а когда меня окутывает его глубокий голос, по коже прокатывается сладкая дрожь.

– Почему ты не сказал мне, что твой брат владеет клубом?

Я заставила себя открыть глаза и попыталась загнать наваждение, вызывающее похоть, в дальний уголок своего мозга.

Его губы кривятся в усмешке.

- Мысли всегда о работе.

- Неподалеку бродит убийца, калечащий женщин. Конечно, я сосредоточена на работе, Колтон.

Мужчина прищуривается:

- И опять ты ведешь свое расследование в моем присутствии, – его руки нарочно медленно скользят по моей спине, мое дыхание замирает.

- Простой ответ в том, что расследование и не прекращалось.

- А не простой?

Его улыбка исчезла

- Всё сложно.

Он оттягивает мою голову назад еще больше и приближает свое лицо к моему.

- Как интересно, это как игра в «кошки-мышки», богиня. Но я не тот, кого ты ищешь. По крайней мере, в этом случае.

Ловким движением, которое застает меня врасплох, он толкает меня к стене, и его тело прижимает меня к твердой поверхности.

- Ты знаешь, как трудно было оставаться в стороне? – шепчет он; его слова растекаются по моей коже, его губы на моей шее.

Я откидываю голову назад, не в силах отрицать, что мое тело хочет его. С трудом моргая, я пытаюсь прийти в себя и прижимаю ладонь к его груди, стараясь увеличить расстояние между нами.

- Карсон под тебя не копает. Но если ты знаешь кого-то, кто связан с клубом и мог быть как-то вовлечен...

- Я не знаю, –он продолжает напирать на меня, прижимаясь всем телом. – Ты и твой детектив ищете не в том месте.

Выпустив воздух из легких, я с трудом перевожу дыхание.

- Ты не беспокоишься о том, что он может найти там?

Колтон поднимает голову, и внезапное отсутствие его губ на моей коже заставляет меня понять, что я очень скучаю по его прикосновениям.

Его губы кривятся в медленной улыбке.

- Благодаря утечке информации из вашего департамента, – говорит он, скользя рукой по моим бедрам, что вызывает у меня прерывистый вздох, – я точно знаю, какую информацию он ищет, и знаю, что здесь он ее не найдет.

Своим бедром он заставляет меня раздвинуть ноги, давая ему беспрепятственный доступ к тому месту, где я больше всего жажду его прикосновений.

- Я не получаю посылки из Вены через клуб.

Его большой палец вжимается в мой клитор, заставляя меня извиваться. Его пальцы продолжают довольно грубо сминать мою чувствительную плоть. Я прикусываю нижнюю губу, мое тело дрожит под его натиском, клитор набухает и болезненно пульсирует, разгоняя кровь по моему телу.

Пока разум еще не окончательно покинул меня, я говорю:

– Просто скажи мне, что твоему брату и этому клубу нечего скрывать.

Моя рука тянется к волосам Колтона, спина выгибается, я прижимаюсь все ближе к его телу. В любую секунду Карсон может появиться из-за угла. Может застать меня в компрометирующей ситуации с одним из подозреваемых. Лишь дело времени, когда он узнает, что Колтон был также соседом одной из первых жертв. Но мое тело не волнует это. Гораздо сильнее моей честности и даже здравого смысла, меня волнуют та нежная боль, которую я испытываю без Колтона, тоска по нему, желание, чтобы он связал меня и взял без остатка.

Колтон поднял мои руки над головой, пригвоздив их к стене. Его ладонь сминает мой рукав, обнажая кожу и веревку, оставленную им на моем запястье. Его ледяные

глаза исследуют меня, тогда как его палец проникает под грубую веревку, потирая мою чувствительную кожу.

- Здесь, прямо сейчас, скажи, что ты принадлежишь мне, – и он отступает.

Он расстегивает верхние пуговицы моей рубашки и стягивает ее с моего плеча, прижимая мою другую руку к кобуре и пистолету. Его лицо рядом с моим, дыхание касается моих губ, и он говорит:

– Ты хочешь, чтобы я снял с тебя груз, сделал тебе легче. Я не стану. Я говорил тебе раньше... это только между нами... это вопрос доверия. Либо мы решаем его, либо ты уходишь.

Даже то, как он произносит это, и боль, вспыхивающая в его глазах, говорят о том, что он не отпустит меня. Он также не может отпустить меня, как я не могу уйти.

Я пытаюсь вывернуться из его захвата, но добиваюсь совершенно противоположного результата. Он издает низкий гортанный звук, видя мою полную покорность ему.

- Блять... – выдыхает он, вжимая свою руку в шов моих джинсов, провоцируя гортанный стон, срывающийся с моих губ. – Твои сладкие мучения божественны, богиня. Но мое терпение на исходе, не заставляй меня больше ждать. Я должен быть внутри тебя.

Затем его голова опускается на мое оголенное плечо. Его зубы погружаются в мою кожу, и я сжимаю губы вместе, в попытке заглушить крик. Боль пробуждает все мои чувства, перемешивая мои плотские желания внутри. Каждая частичка меня тянется к нему, каждый мой нерв хочет принадлежать ему. Я подаюсь бедрами ему навстречу, вжимаясь в его каменный член своим клитором.

- Мы не можем... - смогла выдохнуть я.

Колтон издает стон разочарования, его губы и язык продолжают терзать мое плечо. Он отстраняется ровно настолько, чтобы я ощутила, насколько влажным стало мое белье. Затем его рука возвращается на прежнее место, скользит между моих бедер, лаская.

- Я знаю, что ты влажная для меня, - шепчет он. – Я почти чувствую тебя прямо сквозь джинсы... такая чертовски влажная. – Его взгляд ловит мой. – Просто одно слово, богиня, и я сделаю так, что боль утихнет.

Из моей груди вырывается мучительный стон. Все, что я хочу, это полностью отдаваться ему. Закрыть глаза и остаться с ним... но я качаю головой, стараясь не позволить этому случиться.

- Я не могу... я не готова. Пока нет. Не здесь.

Он расстегивает молнию моих джинсов, моя грудь набухает еще больше.

- Это то, о чем ты просишь? – его пальцы скользнули в мои джинсы, и я ахнула. – Скажи мне, богиня. Скажи, что хочешь этого удовольствия прямо сейчас.

Мои руки тянутся к его волосам, и я зарываюсь пальцами в эти черные пряди, его мужской аромат окружает меня, растворяет мою волю.

- Да, - выдыхаю я.

Колтону этого достаточно. Его пальцы скользят ниже, пока не обнаруживают вход в мое тело. Его средний палец проталкивается внутрь, в то время как большой уже ищет мой набухший клитор. Дрожь сковывает все его тело, когда он проводит подушечками пальцев по моим влажным складочкам.

- Боже... ты убиваешь меня, – он упирается своим лбом в мой, наше дыхание смешивается, мои бедра подаются ему навстречу, и его пальцы проникают глубоко внутрь меня.

Ток проходит вдоль моего позвоночника, и я крепко вцепляюсь в него, больше не в силах управлять своим телом - чувства пожирают меня. Я толкаюсь бедрами вперед,

помогая ему, но он уже хорошо изучил меня. Он уже приспособился к моему телу и моим потребностям, он находит именно те точки, в прикосновении к которым я больше всего нуждаюсь. Я чувствую, что начинаю сжиматься, он стонет, роняя голову. Его рука сжимает одну из моих грудей, его горячий рот припадает к моему соску сквозь ткань рубашки.

Его губы тянут сосок, язык играет с ним, вытягивая боль из моего тела, посылая импульсы к пояснице, усиливая надвигающийся оргазм.

- Ты совершенна, - говорит он, его теплое дыхание касается прохладной влаги моей рубашки, и кровь приливает к тугим вершинкам.

Он кусает мой сосок, в то время как его пальцы продолжают стимулировать мое лобо, потирая припухший лобок, пока я дрожу в его объятиях. Он поддерживает меня, когда я начинаю оседать. Его палец все сильнее сдавливает мой клитор, утверждая свою власть надо мной.

- Кончи для меня, богиня.

С моих губ срывается отчаянный стон.

- Колтон...

Его губы вновь обрушиваются на мои, поглощая рвущийся из меня крик. Его язык проникает в мой рот, его губы сминают мои сокрушительным поцелуем, я растворяюсь в нем. Я словно мотылек, привлеченный огоньком. Я сгораю в нем.

Его рот продолжает атаковать меня, движения его языка проходят током сквозь все мое тело. Вытащив руку из моих джинсов, он приподнимает мои бедра и вжимает меня в стену. Он тяжело дышит и прижимается своим членом к моему пульсирующему лону, сквозь его стиснутые зубы вырывается ругательство.

- Ты превращаешь меня в животное. Рядом с тобой я схожу с ума.

Чувство реальности остается где-то позади, далекими воспоминаниями. Мое желание разгорается вновь, и осознание того, что его желание столь же сильно, только распаляет меня, и я притягиваю его ближе. Мои руки скользят по его спине, я забираюсь под его свитер и касаюсь его горячей кожи. Накаченные, жесткие мышцы его спины двигаются под моими ладонями, мои пальцы скользят все дальше, стремясь быть ближе к нему.

Он повторяет мое движение: его рука заползает под мою рубашку и, сдвигая в сторону бюстгальтер, накрывает ладонью мою грудь. Всплеск адреналина и тихий, едва различимый голос разума в моей голове пытается прорваться сквозь бурный рев эмоций. Он предупреждает об опасности, говорит, что я должна остановиться. Никто не может касаться меня. Я оскверненная. И когда его пальцы очерчивают мой шрам на ключице, знакомый страх и напряжение моего прошлого становятся более плотными, настоящими.

Я вцепляюсь в него еще сильнее. В попытке оставить в прошлом страх, боль и мучение. Он единственный человек, который смог вывести меня из зоны комфорта, за пределы моих возможностей, а затем вернуть обратно.

До меня долетает эхо смеха, и Колтон замирает. Встретившись со мной взглядом, он произносит проклятие, его губы еще раз касаются моих, и он отстраняется. В панике я быстро поправляю бюстгальтер, подтягиваю и застегиваю джинсы, Колтон напряженно дышит, буквально в сантиметре от меня.

Опустив руки, он поправляет впечатлительных размеров эрекцию, затем, отойдя на шаг, отворачивается и упирается руками в противоположную стену. Я наблюдаю, как поднимается и опускается его脊на - он старается успокоиться.

Он потрясен, но обретает равновесие. Неровным шагом я направляюсь в главную комнату.

- Избавься от него.

Обескуражено смотрю на Колтона.

- Как? Я не могу.

- Ты продолжаешь говорить это, но мы с тобой уже доказали прямо противоположное, не так ли? Избавься от него, или это сделаю я.

Решительный голодный блеск в его светлых голубых глазах передает абсолютную безотлагательность нашей ситуации. Напряжение, излучаемое им, выражает его желание и нужду. Я почти физически ощущаю это.

Если бы мы были прямо сейчас одни Колтон бы не сдержался. Таким деликатным, каким он был со мной, давая мне время... привыкнуть, теперь он хотел всего. В моем воображении мелькают картины того, что он способен сделать с моим телом, и, зная его способности и те острые ощущения, которые я испытываю, это немного пугает меня.

- Агент Бондс.

Любопытный тон Карсона вытягивает меня из соблазнительного транса, и я поворачиваюсь к детективу.

- Ты нашел то, что искал?

Его брови хмурятся, и он кивает.

- Да. Но у меня есть еще пару вопросов к Колтону. Затем мы можем... - его прерывает звуковой сигнал телефона, созвучный с моим.

Разблокировав сотовый, я открываю сообщение.

Куинн: 187 TPM, под мостом. Немедленный выезд.

- Черт, - говорит Карсон выдыхая. Его большие, карие глаза встречаются с моими. – Пора закругляться.

И я уже знаю, что не могу остаться с Колтоном. Это эгоистично, я презираю свое поведение в данной ситуации, но работа на первом месте. Всегда. Я поднимаю взгляд, чтобы встретиться с глазами Колтона. Он смотрит на меня в ответ, и я вижу неприкрыtą решительность.

Он кивает мне и с твердым выражением лица изучает Карсона.

- Я предполагаю, что предоставил Вам все необходимые ответы. Я могу еще чем-то помочь вашему Департаменту, детектив?

Развернув фото четырех жертв, Карсон выкладывает их друг за другом на столе.

- Кто-нибудь из этих женщин когда-нибудь посещал ваш клуб?

Колтон приближается и разглядывает крупные лица женщин на фото.

- Тroe.

Сильная боль пронзает мой живот.

- Тroe? – повторяет Карсон, подходя ближе к Колтону. – Которые из них?

Разведя широко свои пальцы, - те самые пальцы, которые только что были во мне

- Колтон указывает на фото трех девушек, исключив первую жертву.

- Я не знаю их имен, но видел их здесь пару раз.

Карсон движется к винтовой лестнице.

– Можно мы...?

- Нет, - отвечает Колтон, останавливая детектива. – Даже если большинство клиентов не платят за то, чтобы мы защищали их личную жизнь, это именно то, что мы делаем. Вы не можете получить доступ к персональным данным членов клуба.

Я подхожу к столу и начинаю собирать фотографии.

– Мы закончили, – вернувшись к Карсону, я убедилась, что тот понял мой тон. – У нас нет ордера.

Он кивает, затем убирает фотографии обратно в папку.

– Спасибо за Ваше время и сотрудничество, Мистер Рид... то есть, Колтон.

Перед нашим уходом, больше не останавливаясь, Карсон выходит в прихожую, где встречает Лилли Энн и показывает фотографии ей.

Ячувию руку Колтона на пояснице. Он подталкивает меня в сторону входа и шепчет мне на ухо.

- Мне необходимо тебя увидеть. Сегодня вечером.

Это звучит скорее, как предупреждение, чем обещание. Моя спина напрягается.

- Ты забыл упомянуть, что жертвы были членами клуба.

- Во-первых, я не твой информатор. Это ваше дело, а не мое, – его палец зацепляется за шлейку пояса моих джинсов, притягивая меня к себе. Его грудь вжимается в мою спину. - Во-вторых, личности других жертв так и не были обнародованы. Я тоже потрясен тем, что они были членами нашего клуба. И хватит пытаться уличить меня во лжи. Я не работаю против тебя, Сэди.

Все правильно, имена пострадавших еще не были обнародованы в прессе. Не было ничего необычного в его голосе, никакой заминки в дыхании, когда он давал мне ответ. Я не хочу быть упорной бихевиористкой, когда я с Колтоном, но не могу ничего поделать с собой, это сложно, особенно когда я боюсь, что он может быть связан с этими убийствами.

Пострадавшие были здесь, и, возможно, именно в этом клубе они встретили убийцу. За исключением первой жертвы. Этот общий знаменатель, под который она не попадает. Но это общий знаменатель, под который попадают я вместе с остальными жертвами.

Во мне все клокочет от гнева, я делаю все, что в моих силах, чтобы отвести любые подозрения от Колтона, но, несмотря на все мои усилия, улики по-прежнему могут указать на него. Более того, с каждым шагом субъект все больше и больше втягивает меня в свою игру.

Я быстро разворачиваюсь, рука Колтона остается на месте и теперь поконится на моей талии.

- Убийца вышел со мной на связь.

Слова слетели с моих уст прежде, чем я смогла остановить их. Но если Колтон знает что-нибудь, хоть что-нибудь, что поможет мне пролить свет на того, кто, блять, со мной играет, мне нужна эта информация прямо сейчас.

Его глаза расширяются, и он насквозь прошивает меня взглядом.

- Что?

Между нами тяжелым грузом висит невысказанное обвинение. Я обвинила его в том, что он скрывал от меня информацию, в то время как сама так поступаю. Я вздергиваю подбородок.

- Нет времени, чтобы обсуждать это, Колтон.

- Найди время.

С тяжелым вдохом, я отвечаю:

– Убийца либо знает меня лично, либо думает, что знает меня лично. В любом случае на месте преступлений были улики, нацеленные на меня. Если убийца может быть членом клуба... или кто-то из членов может по профайлу узнать его... мне нужно знать это.

Его губы сжимаются в тонкую линию.

- И ты только сейчас говоришь мне об этом? Мы не виделись всю эту неделю и... он умолкает, глядя в сторону. – Иди домой и жди меня там.

Я упираюсь и вырываюсь из его объятий.

- Я не могу. Произошло еще одно убийство.

- И ты собираешься пойти туда? Прямо туда, где он хочет тебя видеть?

Ярость в его голосе сменилась отчаянием. Он проводит рукой по лицу, его глаза приковывают меня к месту пронзительным взглядом.

- Не надо.

Я всегда сомневаюсь, когда дело касается Колтона. Виной тому или моя собственная неуверенность, или реальные факты, но сомнение присутствует и мешает развиться доверию, которого мы оба так жаждем. И сейчас я в первый раз чувствую, что наши отношения могут превратиться во что-то реальное, настояще.

- Я должна пойти, - говорю я. – И дело не только в работе. Я никому не позволю снова диктовать, как мне жить. – Я подхожу на шаг ближе и сжимаю его руку своими.

- И ты прав, ты не мой информатор, но я прошу тебя помочь мне там, где я сама справиться не смогу. Не надо увлекаться... я не хочу подвергать тебя опасности, но у тебя есть доступ к информации, которой нет у нашего департамента.

- Дерьмо, - глядя вниз, он переплетает наши пальцы. – Ты просишь о многом, богиня. Не то, что бы я был против... ты же знаешь, тебе стоит лишь попросить.

Он поднимает глаза и проводит пальцем по моей щеке:

- Как же я хочу, чтобы ты впустила меня. Доверься мне, расскажи, что с тобой произошло.

Я с трудом сглатываю:

- Со временем.

Это все равно больше, чем я могу предложить кому-либо. Он соглашается с этим, принимая такой ответ, и говорит:

– Останься со мной. Мы изучим все, что тебе нужно, но будем делать это здесь.

Или, черт, где-нибудь еще. Но только не уходи.

Взгляд его ледяных голубых глаз умоляет.

- Я свяжусь с тобой позже.

Отпустив его руку, я быстро иду к выходу, прежде чем Колтон сможет убедить меня остаться. Страх в его голосе только что сделал эту ситуацию реальнее, и я позарез нуждаюсь в безопасной, рутинной работе, чтобы как можно быстрее успокоиться.

Когда я ступаю на тротуар, звук чего-то разбивающегося внутри клуба заставляет меня вновь сомневаться в моем решении. Карсон стоит у машины, дверь открыта.

- Все в порядке?

Я не оглядываюсь назад на «Логово».

- Я ненавижу сюрпризы, Карсон. И я действительно ненавижу закулисные тактики. Если в первую же неделю работы ты не хочешь испытать на себе мой гнев, не повторяй этот гребанный трюк снова.

Справка по требованию

КОЛТОН

Белые бинты, обернутые вокруг костяшек пальцев, становятся красными, когда кровь просачивается сквозь тонкие нити. Я несколько раз встряхиваю рукой, позволяя каплям крови упасть, наблюдая, как темнеет ее оттенок. Джуллан будет взбешен из-за зеркала. И барного стула, который врезался в зеркало, и затем – из-за моего кулака. Но он забудет об этом, как только я расскажу ему, с чем мы снова столкнулись. Это сразу станет приоритетной проблемой. Даже важнее его помолвки.

Как только Сэди начнет копать, она доберется до правды. И её чертова работа - лишь черное и белое. Она не распознает полутона - боль, разрушение, неизбежность. Ей нужно будет делать свою работу, и это будут именно те слова, что она бросит мне в лицо. Как только я замечу отвращение в её глазах... это будет значить, что времена оправданий прошло. Возможно, момент настал.

Я нес этот груз почти два года, это было, словно гноящаяся рана, черная дыра, грозящая взорваться и поглотить меня в скором времени. Бездна требовала от меня расплаты. Я был круглым дураком, полагая, что мне удастся избежать этого.

Достав связку, я перебираю множество ключей, пока не нахожу тот самый, и вставляю его в замок в столе. Я открываю тяжелый металлический ящик, и громкий звук выпускает мой гнев наружу.

- Черт возьми! - кричу я.

Сжав зубы, я погружаю руки в ящик, доставая все папки разом, и кидаю их на стол.

Лили Энн выбирает именно этот момент, чтобы зайти в кабинет. Она замирает в проходе, кулаки сжаты на уровне бедер, обтянутых в блестящую кожу, ротик вытянулся в форме буквы О.

- Ого. Эта маленькая девушка-детектив явно тебя завела.

Я качаю головой. Если бы она только знала.

- Я помню, что сегодня вечеринка в честь помолвки Джулиана, - говорю я, присаживаясь и пытаясь успокоиться. – Но, возможно, тебе следует ему позвонить. Передай ему, что офицеры нанесли визит в клуб.

Это должно заставить брата притащить сюда свою задницу.

Сделав неуверенный шаг вперед, девушка заходит в комнату.

- Я думала, что для этого здесь ты. Заменяешь его в должности, правильно?

Я все еще не принял окончательного решения. Я думал, что смогу, тем более, если это означает постоянное место жительства здесь... рядом с Сэди. Но теперь появились новые факторы. Оставаться в городе или бежать?

Это смешно. Бежать куда? Единственное место, в котором я хотел бы быть - рядом с Сэди. Неважно, в качестве кого: любовника или преданного поклонника, или ее заключенного. Полагаю, это всё одно и то же. Улыбка касается моих губ, когда я даю Домине свой ответ.

- Да. Я подменяю его. Но есть некоторые незаконченные дела, с которыми моему брату нужно разобраться самому. И это нужно сделать сегодня.

Она кивает без возражений.

- Значит, я немедленно позвоню ему, Сэр.

С этими словами она отправилась выполнять то, что ей было сказано. Только один человек в клубе мог получить такого рода послушание от темпераментной Домины. Она привыкла раздавать приказы, а не подчиняться им.

Пробежав рукой по волосам, я опускаю взгляд на папки с файлами членов клуба. Я не совсем уверен, с чего начинать. Мы не храним подобную информацию в электронной версии, это исключает возможность взломать и получить доступ к данным. Но копание в этих бумажках займет вечность. И нет никакой гарантии, что оно не окажется пустой тротай времени в поисках иголки в стоге сена. Если, конечно, эта иголка вообще тут присутствует.

Скользкое подозрение закрадывается в мою голову: Сэди просто нашла способ занять меня и держать подальше. Бесполезное занятие для её главного подозреваемого. Таким образом, она держит меня там, где легко сможет найти. Ей стоит всего лишь озвучить свою просьбу, приказать мне, и я тут же помчусь выполнять все, что она пожелает. Только она до сих пор этого не понимает.

Тяжело вздохнув, я закапываюсь в кучу бумаг и нахожу особую папку. Если кто-то использует клуб, чтобы подбирать в нем жертв, я найду их. И разберусь с ними. Лично. И если я узнаю, что они использовали заведение брата с целью подобраться к Сэди и навредить ей... Я прикончу их.

Однажды отняв жизнь, несложно забрать еще одну. За мной уже числится множество грехов, что будет значить еще один?

Решено, я беру офисный телефон и нажимаю клавишу быстрого набора. Гудки всё идут и идут, затем меня отправляют на голосовую почту. Я звоню снова. На пятом гудке мне отвечают. Голос на другом конце провода не в восторге, что этот номер выступил на экране его телефона.

- Мне казалось, мы обо всем договорились, - отвечает капитан Векслер. - Я ничего не должен...

- Это не Джгулиан, - перебиваю я.

Мне не интересно, какие дела у моего брата с капитаном полиции, мне нужны лишь его связи.

- Сейчас я заведую «Логовом», поэтому, какие бы договоренности у Вас раньше не были с моим братом, теперь они распространяются и на меня.

Держа в руках досье Векслера, я просматриваю список его увлечений и интересов. Вещи, к которым, я уверен, его жена и дети испытывают самое настоящее отвращение, так же, как и члены его департамента, если узнают о них. Не то, чтобы я собирался сдать парня, но страх - это мощнейший мотиватор для большинства людей. Я слышу тяжелый выдох с той стороны трубки.

- Чем я могу Вам помочь?

Я улыбаюсь.

- Мне нужны копии всех данных, что у Вас есть по текущим серийным убийствам. Больше всего меня интересует профайл преступника. Материалы, относящиеся к делу, которые неизвестны широкой общественности.

Громкий взрыв смеха, а затем:

- Вы серьезно?

- Абсолютно.

За этим следует долгая пауза, прежде чем он отвечает:

- Этого не произойдет. Вы хоть представляете, что может наделать такая огромная утечка? Меня не волнуют Ваши угрозы, можете рассказать всему миру, что я, - тон его голоса понижается, - люблю носить женскую одежду, и мне нравится быть отшлепанным Доминой. Мне плевать. Я не могу просто взять и раскрыть вам конфиденциальную информацию по жертвам и предоставить скрытые материала дела.

Я встаю и направляюсь к двери, чтобы прикрыть её.

- Как я понял, в вашем департаменте уже произошла утечка. Один из криминалистов практически преследуется убийцей, и, исходя из того, что я слышал, вы ничего не делаете для её защиты.

- Как Вы...? - еще одна пауза. - Черт. Я могу Вам прямо сейчас предоставить доступ к той информации, которую пресса получит в конце недели. Но это всё. Этим мои возможности ограничиваются.

- Вы знаете, куда их отправить, - говорю я и заканчиваю разговор.

Я бросаю переносной телефон обратно на стол и, устраиваясь поудобнее в кресле, смотрю на кучу папок передо мной. Понадобится просто уйма времени, чтобы сопоставить эту информацию с каждым членом клуба.

Времени, которого у Сэди может не быть. Проклятье.

Напряжение, усиливающееся в моей шее, напоминает, что я не выпускал пар уже неделю. Её неожиданный визит совершенно не помог. Я до сих пор чувствую её на

своих губах, чувствуя её скользкую, горячую плоть, прижимающуюся ко мне. Мой член пульсирует об одной только мысли о нашем "моменте" в коридоре. Я мог бы привести её в свою комнату и провести часы...

Я заставляю себя прервать эту мысль, иначе я не устою перед соблазном пойти и найти её. Прямо сейчас.

Но если я это сделаю, отбросив страх нависшей угрозы, который сдерживаю рядом с ней, я, по крайней мере, не буду сидеть здесь, ожидая. Переживая. Воображая её где-то там, с преследующим её психопатом. Мне следовало вышвырнуть этого тупого детектива из клуба и связать мою маленькую упрямницу.

Я засовываю руку в карман, не сдержав стона, когда отодвигаю возбужденный член в сторону, чтобы взять веревку. Намотав всю её длину вокруг запястья, я закрываю глаза, чувствуя Сэди. Всего на момент забыть о необходимости смиренния. Этой добродетели у меня уже почти не осталось.

Предел

СЭДИ

Место преступления окутано болотистым запахом, который приносит влажный воздух с реки. Перчатки прилипают к ладоням и пальцам, летняя влажность еще не готова уступать осени. Я шагаю за Куинном, следы моих ступней в «Тайвеке» в два раза меньше оставляемых им; я изучаю заполненные белым пластификатором отпечатки обуви в рыхлой почве.

- Криминалисты уже начали заливать отпечатки подошв, - говорит Куинн. - Они как раз делают слепки свежих следов. Это может помочь, поскольку место преступления подтверждает, что жертва была убита в другом месте, и ее перетащили к реке.

По мере приближения к опечатанной зоне, он обращается к одному из своих офицеров.

- Переносите ее аккуратно. Процедура изъятия тела должна быть как можно более бережной. На ней могут быть улики с места убийства. Каждая ткань, каждый волосок, каждая частичка песка или грязи... все упакуйте и подпишите.

- Кто сообщил о теле? - спрашиваю я, останавливаясь позади него.

Когда мои глаза находят обнаженную женщину среди речной поросли справа, я тяжело выдыхаю. Тело жертвы настолько изувечено, что цвет поврежденной кожи сливаются с покрывающей ее грязью.

Указывая на пожилого мужчину недалеко от берега, разговаривающего с офицером, Куинн говорит:

- Этот парень просто искал место, где забросить удочку, - затем поворачивается ко мне искаженным в недовольной гримасе лицом.

- Ее тело бросили здесь совсем недавно. Если бы он вовремя не нашел жертву, она бы стала кормом для рыб во время прилива.

Что абсолютно бессмысленно для того, кто хотел спрятать тело. Ты не оставишь его на берегу реки, средь бела дня, рядом с проезжающими под боком машинами и рыбаками, посещающими хорошо известное место для рыбалки.

Разве что преступник испугался и попытался быстро избавиться от тела. Подобную ошибку, свойственную новичкам, может совершить любитель или же оскорбленный любовник. Это характеризует преступление на почве ревности, но

множественные, налившиеся синяками следы побоев говорят о том, что ее несколько часов, если не дней, пытали. Это убийство не было случайным.

- Это не наш парень, - говорит Куинн. - Не похоже на его ритуал. Даже не уверен, хорошо это или плохо. - Опускаясь на колени перед жертвой, он достает свой набор для сбора улик и приподнимает темную прядь волос жертвы, обнажая одну сторону ее лица. - Боже.

Красные рубцы и глубокие порезы испещряют ее бледную кожу, ото лба до подбородка. Эту жертву невозможно опознать по чертам лица, нам понадобится полное обследование судмедэкспертов.

- Ты уверен? - спрашиваю я, изучая рваную рану на ее щеке.

- Нам однозначно потребуется заключение Эйвери, но рана выглядит так, словно соответствует характеру повреждений у других жертв.

После того как Куинн убрал волосы, полностью открывая вид на порез, проходящий по ее сонной артерии, он сел на корточки. Упираясь локтями в колени, он смотрит на меня.

- Не может быть. Учитывая, что Неизвестный ранее был непоследовательным... это абсолютно не вписывается в его почерк, - он загибает пальцы, перечисляя. - Он переместил жертву. Она не в позе. И как только девушка будет опознана, мы проверим ее дом, но готов заявить, что она не была в плену, пока преступник пытал ее.

- Согласна.

Он мельком посмотрел на меня.

- Значит, преступник похищает ее, отвозит на свою территорию, затем выбрасывает тело здесь. Зачем?

Он осматривает болото.

- Это кажется... неряшливым. Слишком спонтанным для нашего парня. Не все просчитано и продумано, как в предыдущих его сценах.

Поближе исследовав рану на шее, я отвечаю:

- Ладно. Тогда подражатель. Кто-то пытается привязать убийство к новому серийному убийце.

Я смотрю на Куинна. Он мотает головой.

- Подражатель подражателя, - произносит он с отвращением. – Разве каждое убийство само по себе - не извращенная копия всей схемы?

- Согласна.

Он встает, отряхивая руки в перчатках о брюки.

- Но все же, это бы означало, что в департаменте есть огромная утечка информации. В новостях и СМИ не говорилось о необычных убийствах. Вероятность того, что кто-то извне узнал об особенностях преступлений, и у него оказался под рукой двуручный меч, достаточно мала.

- Ты оспариваешь мою теорию, Куинн, – поднимаясь на ноги, я потягишаю спину.

– Весьма маловероятно, что некто пытается списать это все на серийные убийства, и более вероятно, что настоящий убийца изменяет свой почерк.

- Сукин сын, - переведя взгляд на реку, Куинн стягивает перчатки. Затем говорит.

- На всех местах преступлений есть зацепка, связывающая его убийства с Батори. – Он смотрит на меня. – Мы должны найти это сообщение. Мы также должны расшифровать его посыл, иначе нам никогда не удастся предугадать действия этого психопата.

Я смотрю на жертву, вспоминая очень необычное послание, оставленное Неизвестным на последнем месте преступления: изрезанные ключицы. Тогда сообщение было четким и ясным и предназначалось исключительно для меня. Только я до сих пор не уверена, была ли это дань уважения или угроза.

- Батори известна тем, что долго пытала своих жертв, - поясняю я, обходя вдоль желтой ленты, огораживающей место преступления. – Ожидаемо, что его действия станут более тщательными. Он, вероятно, уверен, что мы ищем связь с Батори. Думаю, искать подсказки теперь бесполезно. На самом деле, Неизвестный совершенствует свои навыки, поднимаясь на уровень выше, показывая нам, как он увлечен своей работой. Он хочет не только узнавания, но признания его самоотверженности. Его величия.

- Он тщеславен.

Я резко поворачиваю голову в сторону, откуда донеслась неожиданная реплика. Карсон стоит, уперев руки в бедра, и смотрит на мост.

- Очевидный вывод, - говорю я, не скрывая раздражения в голосе.

Указывая на мост, Карсон продолжает:

- Я взял на себя смелость обследовать место преступления с верхней точки обзора. Он оставил жертву на видном месте. У него комплекс «Бога», и он не боится быть пойманым.

Куинн прочищает горло.

- Карсон, почему бы тебе не позволить криминалисту заниматься составлением портрета преступника, а самому заняться сбором улик.

- Ох, я уже, - говорит Карсон, не позволяя упреку Куинна остановить его. - Зацени, - он достает свой телефон и прикасается к экрану, затем передает его Куинну.

- Я уже прошерстил интернет. Похоже на работу Кровавого Графа, детектив Куинн.

Взгляд Куинна перемещается с Карсона на экран телефона.

- Что за херню ты только что сказал?

Карсон усмехается, либо полностью игнорируя гнев Куинна, либо напрашиваясь на большее. Я съеживаюсь, пытаясь отойти подальше от обоих.

- Это герб, - говорит Карсон, кивая головой в сторону телефона. - В камышах. Вон там. - Он указывает на место позади жертвы в высокой болотной траве. – Он, вероятно, долго исследовал рисунок, чтобы произвести правильное впечатление. К тому же, думаю, что трава в этом месте пропитана кровью жертвы. Цвет мне напоминает засохшую кровь, и изображение похоже на герб Батори.

Он смотрит на меня с высоко поднятыми бровями.

- Это твоя область, так? Взгляни.

Он подходит забрать телефон у Куинна, и тот грубо отвечает ему:

- Какого ты, мать твою, назвал Неизвестного, Карсон?

Карсон запрокидывает голову назад.

- Кровавый граф.

- И откуда ты...?

- Сейчас это во всех новостях. Так СМИ окрестили серийного убийцу, - Карсон пожимает плечами. – Думаю, это лучше подходит ему, чем Арлингтонский тесак, который становится национальным...

Прежде чем Карсон успевает закончить фразу, Куинн хватает его за воротник и встрихивает.

- Какого хрена с тобой происходит?

Я оказываюсь там в ту же секунду, пытаясь ослабить хватку Куинна.

- Куинн. Вокруг нас сейчас крутятся журналисты. Отпусти его.

Недовольно прорычав, Куинн отпускает Карсона. Он запускает пальцы в волосы и выдает тираду ругательств.

- Блять... нахер, – продолжая сыпать проклятия, он отворачивается и пробирается сквозь толпу офицеров. - Смит! - кричит он, и офицер в защитном костюме поднимает

голову. - Достань мне того придурка с главной страницы. Дебила из прессы, который приходил этим утром.

- Джерри Ренальди? – спрашивает офицер Смит.

Куинн щелкает пальцами.

- Да. Этого.

- Кому-то основательно надерут задницу, - шепчу я Карсону, пытаясь разрядить напряженную обстановку.

И немного злорадствую из-за того, что это не похоже на высокомерного детектива. Не буду лгать, немного отвлечь Куинна от своей персоны и является целью этой диверсии. Тем не менее, Карсон не заслуживает взбучки за свое невежество.

- Какого черта? - спрашивает Карсон. – Что с ним не так? У каждого серийного убийцы были своего рода прозвища, прежде чем их задерживали

- У Джона Уэйна Гейси не было, - говорю я, подбирая набор для улик и подходя к высокому камышу.

Карсон следует за мной.

- Ах, Клоун-Убийца...?

- Нет, - прерываю я, - это прозвище за ним так и не закрепилось.

- Ладно. Серийным убийцам в своем большинстве обычно дают имена. Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, как раздражает такая... постоянная правильность?

Карсон указывает на траву, направляя меня. Несмотря на то, что он меня выводит из себя, я улыбаюсь. Куинн никогда не простит мне этого. Правда, я не против того, чтобы Карсон выпустил немного пара после того, как получил взбучку от своего начальника.

- Вот. Видишь примятую траву?

Хотя мне и не хотелось этого признавать, но Карсон был прав. Кто-то специально вытоптал узор на траве. Как только я наклоняюсь, чтобы прикоснуться к окровавленной траве, то понимаю, что она все еще свежая. Стебли были сломаны совсем недавно. Скорее всего, в то же время, когда было выброшено тело.

Я достаю ватную палочку для анализа крови из набора Куинна и запускаю тампон в окровавленную траву, затем обламываю конец палочки и помещаю ее в чистую пробирку для теста. Встряхиваю колбу и наблюдаю, как жидкость смешивается и пропитывает коричневый кончик тампона. Она становится синей. Положительная реакция на кровь. Очень смелый шаг. Либо Неизвестный так предан своей работе, своей мании, что риск перевешивает страх быть пойманым, либо же он крупная шишка, которая не беспокоится, что его действия вызовут вопросы.

- Дай мне взглянуть на фотографию, Карсон.

Я смотрю на него снизу-вверх.

- Черт. Мой телефон у Куинна.

Он засовывает руки в карманы своих слаксов и уходит, как надутый ребенок, а не опытный детектив. Мне довелось не так много времени провести с ним, не было возможности изучить его прошлое, но я, вероятно, не слишком далека, предполагая, что он вырос вдали от дома. Без братьев и сестер. Родители были заняты своей жизнью и работой, а ему приходилось прибегать к крайностям, чтобы привлечь их внимание. Его чрезмерная усердность может показаться дерзкой и резкой, но я начинаю видеть, что он всего лишь ищет одобрения. Как, например, от Куинна, которого он так отчаянно пытается впечатлить. Это почти заставляет меня пожалеть парня. Почти.

- Все хорошо, - говорю я, поднимаясь на ноги и вставая на носочки, чтобы лучше разглядеть общий вид. - Так или иначе, ты, вероятно, прав. Похоже на основные черты герба Батори. Три горизонтальных драконьих когтя, но они обычно изображаются в более стилизованном виде, где треугольники символизируют когти. - Я смотрю на

него и замечаю, что он пытается скрыть улыбку. - В средневековье не у всех был талант или средства для изготовления аккуратного произведения искусства. Хорошая работа, Карсон.

Моя похвала вызывает у него широчайшую столоватную улыбку. Когда вы считываете человека, то можете, как правило, получить от него нужную реакцию. Не то чтобы я пользуюсь этим... часто. Но сейчас Карсон мне нужен на моей стороне. Пусть отвлечется.

- Так это и есть тот самый убийца, - говорит Карсон, раскачиваясь на носочках. - Он оставляет визитную карточку на месте, давая нам знать, что это убийство связано с другими. Но почему Батори?

- А почему нет? - я достаю телефон, чтобы сделать снимок места. - Она была методичной и самоотверженной. Влашной, в те времена, когда у женщин были крохи возможностей. Целая жизнь, посвященная пыткам и убийствам, негативно оказывается даже на самых благочестивых серийных убийцах. Большинству нужна передышка. Даже если это и подражатель, садист, ищущий признания, она - идеальный образец.

Пока я продолжаю лавировать в траве, фотографируя с разных ракурсов, между мной и Красоном повисает напряженное молчание. Я опускаю телефон и смотрю на него.

- Что?

Он наклоняет голову, едва пожимая плечами.

- Ты говоришь так, словно восхищаешься ею, а не составляешь портрет убийцы, агент Бондс. Я понимаю, что ты эксперт по Батори, но...

- Но что? Мне не стоит выражать свое почтение перед ней? - я засовываю телефон в карман и подхожу к нему. - Позволь дать тебе маленький совет, детектив. Я знаю, что у тебя достаточно опыта, знаю, что ты допоздна засиживался на работе. И в состоянии справиться с презрением врага. - На его лице появляется непонимание, и я продолжаю. - Но не пытайся так усердно воздвигать барьер между собой и простыми смертными грешниками. Осознание того, что мы все в какой-то мере способны на грех, вот что сдерживает нас. Проведение четкой черты, отделяющей тебя и твоего врага с такой одержимостью - неизбежно вызывает страх. А страх ведет на темную сторону.

Он встряхивает головой.

- Ты только что процитировала Звездные войны?

Я улыбаюсь ему.

- Джордж Лукас - чертов гений.

Затем я разворачиваюсь к месту преступления, продолжая:

- А если серьезно, каждый убийца, которого ты преследуешь, достоин твоего уважения. Убрав в сторону психоанализ и научные доказательства, ты поймешь, что между ненавистью и страхом тонкая грань. Иногда приманкой становится то, чего мы больше всего боимся, и самый большой соблазн состоит в том, чтобы ослабить этот страх.

Мудрые слова, однажды высказанные моим наставником. И хотя этот совет был со мной многие годы, он так и не спас меня. Мой внутренний монстр лишь вопил еще громче.

Пока мы приближаемся к месту преступления, Куинн орет в телефон, делая отменный выговор главному репортеру местного новостного канала.

- И в ответ на твой предыдущий вопрос, - обращаюсь я к Карсону, - мы не хотим давать прозвища серийным убийцам, потому что это еще больше их заводит. Да, Неизвестный тщеславен, и СМИ распаляют его еще больше, когда он и так уже

продемонстрировал, что ему не нужна публика для убийства ради потехи, поэтому можно предположить, что он станет еще смелее.

Карсон фыркает.

- Куинн ведь не переведет меня в офис?

Я пожимаю плечами.

- Может, до конца дня. Но он быстро отходит.

- Так как связана третья жертва с Графиней? - внезапно спрашивает Карсон.

Грудь пронзают иглы опасения, и я не смотрю на него.

- Пока еще не уверена, как именно.

- Но если ты не знаешь, тогда кто? Если Неизвестный калечит женщин, основываясь на убийствах Кровавой Графини, тогда...

- Карсон. Техника Неизвестного совершенствуется. Даже если он и подражает Батори, то все еще действует в своем стиле, - затем я поворачиваюсь к нему. - Он садист, который наслаждается, пытая и убивая своих жертв. Он неадекватен, но выстроил альтернативную реальность для себя, где Батори играет особенную роль, но он все еще утоляет свою извращенную потребность убивать. Он способен на все, без преувеличений.

Карсон внимательно изучает меня, карие глаза блуждают по моему лицу, и я внезапно жалею, что позволила ему сблизиться со мной.

- Хочешь сказать, что третье убийство подвешенной на веревке женщины отличалось его собственным почерком и не связано с общим замыслом?

- Да.

И, по большей части, мне приходится это верить, потому что, если все обстоит иначе... мне слишком страшно признаться в том, что это значит. Две последние жертвы были сообщением для меня – субъект знал интимные подробности моих отношений с Колтоном.

- Я уже обсудила это с Куинном и Векслером, - отвечаю я с раздражением в голосе. - Карсон, ты еще слишком мало знаешь о специфике моей работы. Работай над своими заданиями. Иначе разозлишь Куинна еще больше.

Я мельком замечаю его самодовольную ухмылку.

- Не тогда, когда я сообщу ему о связи жертв с «Логовом».

Вот дермо. Из-за сообщения о новом преступлении, я почти забыла о том, что произошло в клубе несколькими часами ранее. Карсон направляется вперед, чтобы безотлагательно поделиться информацией с Куинном. И как только тот заканчивает разговор с репортером, Карсон уже рядом, готовый еще раз снискать у Куинна похвалы.

- Черт! - кричит Куинн и протирает ладонью лицо.

- Ты должен добраться до владельцев этого канала, - говорю я, проходя мимо, быстро ретируясь с линии огня, прежде чем он успеет среагировать.

Оставив на Карсона предоставление полного отчета о связи жертв, я сосредотачиваю все свое внимание на последней жертве. С гербом Батори, выставленном на обозрение. От прошлых данное преступление отличает дерзость, тонкий намек, которым неизвестный очень настойчиво пытается донести до меня что-то новое. Теперь, когда преступник похищает жертв, чтобы подвергать их долгим пыткам, появляется мысль, что у него в руках уже может быть другая женщина. Я достаю телефон и делаю пометку - поднять этот вопрос на совещании, чтобы оперативная группа начала исследовать местные сообщения о пропаже женщин, начиная с прошедших двадцати четырех часов и заканчивая последним месяцем.

- Эйвери, - говорю я сама себе, - где же ты?

Мне очень нужен патологоанатом, чтобы воссоздать картину в хронологическом порядке. Как долго жертву пытали, время ее смерти... и, если это возможно, идентифицировать ее личность. Мне нужно знать, была ли жертва также посетительницей «Логова».

- Все сюда, - кричит Куинн.

Я поднимаю голову и вижу, как он указывает на меня и остальных членов группы. Тащась позади всех, я лезу в карман за жвачкой. Мои нервы сегодня ни к черту, и руки так и чешутся купить чёртову пачку сигарет.

- Послушайте, - начинает Куинн. - В департаменте завелась крыса. - По группе расползается ропот. – Заткнулись все. Когда я узнаю, кто это, - а я узнаю - этот человек больше никогда не будет работать в правоохранительных органах, клянусь своей задницей. А сейчас у нас есть проблемы поважнее.

Он указывает на первого в команде, Кайла.

- Ты отвечаешь за формирование блокпостов. Скоро дам тебе точное местоположение. Я хочу, чтобы в том месте было четыре наряда.

Кайл кивает:

- У нас есть подозреваемый?

Куинн проводит рукой по подбородку.

- У нас есть новая информация по жертвам и возможное место их похищения. Мы будем наблюдать за этим местом и установим наблюдение за окружающим периметром. Я хочу, чтобы мне докладывали обо всем, что выглядит хоть сколько-нибудь подозрительным.

Он заканчивает раздавать оперативной группе задания, мое - разобрать новую информацию о жертвах, и Куинн завершает собрание, напоминая всем, что вся информация крайне конфиденциальна.

- Если я услышу, что этот кто-то находится в этой группе, - его взгляд скользит по членам группы, - я не буду повторяться. Я устал от этого садистского ублюдка, заставляющего нас гоняться за собственной тенью. Давайте найдем его.

Теперь, когда за «Логовом» ведется наблюдение, это лишь дело времени, прежде чем Куинн обнаружит, что Колтон был соседом первой жертвы. А это значит, что вскоре его вызовут на допрос.

Я направляюсь к машине Карсона, прокручивая в голове, как использовать свои навыки для более полезного дела - найти Неизвестного, когда меня догоняет Куинн.

- Бондс, задержись на минутку.

Тянувшее чувство обхватывает мои внутренности. Я знаю Куинна достаточно хорошо, чтобы предсказать, что он будет просить меня о чем-то, что меня не устраивает.

- Что у тебя?

- Ничего, на самом деле. Предчувствия. Я не знаю, - он качает головой. - И поэтому мне нужно, чтобы ты на кое-что взглянула. Только ты.

Я удивленно поднимаю брови.

- Хочешь сказать, что я могу не приглашать чудо-мальчика?

Он притворно улыбается.

- Смешно. Карсон хороший парень. Может быть, чуточку нетерпеливый, но в работе это не так уж и плохо. Он дал нам мощную зацепку.

Черт. Прорыв, из-за которого ФБР будет крутиться вокруг «Логова», Колтона... и, неизбежно, вокруг меня. В клубе хранится мое досье. Я могла бы зарегистрироваться под псевдонимом, но это не сдержит детективов. Особенно упертых, раскрывающих дело детективов таких, как Куинн.

- Он не так уж и плох, - говорю я, пожимая плечами. - Но серьезно, мне не нужна нянька, Куинн. Я работаю одна. И ты это знаешь.

Он взмахивает рукой.

- Знаю. Но дай мне передышку, хорошо? Твоя задница должна быть дома, по крайней мере, с двумя офицерами, присматривающими за...

- Да ни за что.

- Я так и понял. И если ты хочешь оставаться в расследовании этого дела, ты нужна мне там, где я знаю, что ты будешь в безопасности. Я могу позвонить Карсону, чтобы он отвез тебя в клуб сегодня... - его ладони сжимаются в кулаки. - Послушай. Я хочу, чтобы ты работала из офиса. Больше никаких выездов. И мне нужно, чтобы ты навела справки на хозяина «Логова» и всех сотрудников.

Желудок ухает вниз, срываюсь в свободное падение.

- Я не могу этого сделать.

Он сводит брови вместе.

- Почему нет, черт возьми?

Потому что я поклялась себе, что не буду копаться в прошлом Колтона. Потому что мне нужно некое подобия разделения работы и личной жизни. И потому что я просто не хочу ничего знать.

Но темный голос внутри меня шепчет, что это именно тот повод, которого я так ждала. Я заглушаю этот голос, из-за чего моя кровь закипает. Я не такой человек. Она - это не я, я не позволю ей сломать Колтона.

- Бондс, - говорит Куинн, прерывая водоворот моих мыслей, - это не совсем просьба. Мне нужен кто-то, кому я могу доверять, кто не будет сливать, как чертов кран, все в СМИ. Я не хочу одного за одним таскать в департамент случайных подозреваемых и позволить всему отделу презирать меня, если это окажется не оправдано.

- Ладно, - принимая возлагающуюся на меня ответственность, я решаю, что лучше всех справлюсь с этим назначением. Уж лучше я буду рыться в прошлом Колтона, чем кто-то вроде Карсона. - Я позабочусь об этом.

Куинн кивает.

- Спасибо. Дай знать, когда что-нибудь найдешь.

Я оставляю его, ощущая гнетущее давление от работы. Я знала, что именно так все и произойдет, что мне придется погрузиться в прошлое Колтона. Всю последнюю неделю я столько раз боролась с тягой сделать это. Не позволяя никому и ничему встать между нами. И как бы я не стремилась дать ему то доверие, которое он так легко предлагал мне, мое прошлое превратило меня в недоверчивое существо. Это правила, по которым я всегда жила. И я собираюсь вывести Колтона на чистую воду.

Связь

СУБЪЕКТ

Одно, казалось бы, незначительное действие запускает «эффект домино», который приводит к трагическому концу. Это явление называется «эффектом бабочки». Ком снега срывается с верхушки горы и начинает свой путь. Вниз, вниз, набирая скорость, увеличиваясь в размере, пока не превратится в неуправляемую силу.

В лавину. Тот же снег, выпавший таким же образом и в том же месте, может иметь разные последствия.

Ход и последствия снегопада невозможно предугадать или контролировать. Им управляет хаос. Единственное, что известно наверняка, это звено, связь, протягивающаяся между началом и итоговым результатом.

Хаос – настоящий злодей. Некоторые хотят верить, что их действия, неважно, насколько они значимы, не влияют на катастрофу. Обвиняют хаос. Он - беспощадная мать, создатель страданий. Это все не подвластно нам. Но связь есть всегда. Вы можете усердно искать, глубоко копать, чтобы найти ее, но она есть. Жизненные пути двух людей пересекаются из-за того или иного незначительного события, не будь которого, они бы никогда не встретились. Случайная встреча.

Ведь так?

Как только хаос привел маятник в движение, в игру вступает судьба. Хаос и судьба. Эта обманчиво-идеальная пара безупречно работает вместе. Фантастическая шахматная партия, где все пешки будут устраниены, одна за одной, пока королеве не поставят шах и мат.

Это и есть цель, не так ли? Взойти на вершину. Победить. Несмотря на все трудности, невзирая на боль, страдания, испытания, несмотря на разрушения, непредсказуемость, человек упорно движется к триумфу. Некоторые слишком лицемерны, чтобы признать это, но внутри каждого из нас скрывается маленький дьявол, подталкивающий нас топтать слабого конкурента, чтобы захватить трофей. История полна подобных идиотских примеров.

Я, скорее, предпочитаю хаос. Искусство контроля лучше всего познается в этих условиях. Вы не можете диктовать исход, но можете хитрить. Нежно ласкать и сопровождать его с любовью, осторожно управлять всеми игроками.

Если вы достаточно усердны, то даже можете поспорить с судьбой. Ох, и, в конце концов, все пальцы будут указывать на меня. Меня будут анализировать и тщательно изучать, от этого они будут спать спокойнее по ночам, зная, что вся вина лежит на убийце.

Но хотя я и являюсь частью уравнения, но не я установил ход этой игры. Я был всего лишь одним из идиотов, который ухватился за возможность. По правде говоря, было бы упущением взять на себя всю похвалу. Я бы не смог собственными силами так организовать игровую доску. Даже я нуждаюсь в помощи. У каждого есть роль. И, когда все послушно исполняют свои роли, финальное разоблачение получается еще более эффектным.

Я скользжу влажной тряпкой по острию лезвия. Белая ткань пропитывается кровью, оставляя после себя блестящее серебро. Уход за инструментами имеет первостепенное значение. Нельзя допускать заражения. Это мутит воду. Этому меня научил мой наставник, который был опытен в вопросах криминалистики.

Не то чтобы я когда-нибудь использовал грязные инструменты, я просто ненавижу грязь. Аккуратное и опрятное рабочее место демонстрирует контроль и требует уважения. Мы должны уважать сам процесс, так же, как и наслаждаться им. И я наслаждаюсь своей работой.

За последние несколько лет она немного изменилась. Я был вынужден обрести свой стиль. Из-за того, что моего наставника оторвали от меня так... жестоко,

признаюсь, я был в растерянности некоторое время. Месть может поразить мозг. Может затуманить рациональность сознания. Но, в конечном итоге, чувство унижения взяло верх. Поэтому я вернулся к основам. Наблюдению. Детализации. Планированию.

Думаю, вы бы назвали это своеобразным вынужденным перерывом. Шансом переоценки себя, своей работы и ее. С тех пор я многому научился. Чем больше я открывал ее мир, тем четче видел нашу связь. Мы были созданы друг для друга. Как удачно. Хаос втолкнул ее в мою жизнь в качестве жертвы моего наставника, но судьба сделала ее моей парой. Шах и мат.

И, наконец, спустя почти два года, время избавиться от паразита. Я больше не могу винить его, потому что его действие, то самое, которое заставило маятник раскачиваться, привело ее ко мне. Может быть, я должен его поблагодарить за это, но думаю, скорее, время бросить вызов и взять судьбу в собственные руки.

Загадка

КОЛТОН

Грохочущая в помещении музыка отдавалась ударами в моей груди и била по нервам, усиливая беспокойство. Я сижу на этом проклятом стуле, в углу комнаты вуайеристов, уже битый час и просто жду. Это место, где я впервые увидел ее.

Каждая минута ожидания выводит меня из себя, я смотрю на дверь... и теряю контроль. Она так и не пришла, но я все равно продолжаю ждать. Во мне живет необоснованная вера, что я нужен ей так же сильно, как она нужна мне, и малейшее промедление заставляет меня испытывать боль. Я беру очередной бокал бурбона и пытаюсь оторвать взгляд от входа.

На сцене начинает разворачиваться действие. Две женщины приковали мужчину и поочередно наносят удары. Одна - кожаной плеткой, другая - с помощью цепи. Эта ночь в комнате вуайеристов была только для эксклюзивных членов клуба, и я пригласил Сэди, подчеркнув тем самым ее исключительность.

Получать наслаждение от сцены без нее не получалось. Я оглядываюсь назад на двойные двери, и во мне все сильнее возникает желание отправиться в департамент полиции. Я нуждаюсь во встрече с ней. Всего лишь вопрос времени, прежде чем она захочет быть с кем-то... и этим человеком должен стать я. Если я собираюсь исповедаться в своих грехах хоть кому-нибудь, то это будет Сэди.

Независимо от того, что Сэди будет делать потом, она заслуживает того, чтобы узнать правду лично от меня. Я поклялся ей, что она может мне доверять, но, узнав, как мало я рассказал ей, то хрупкое доверие, что существует между нами сейчас, будет уничтожено.

Передо мной останавливается Оникс, протягивая мне еще один бокал с бурбоном, я сосредотачиваю свое внимание на ней, и это отвлекает меня от тягостных мыслей. Ее губы растягиваются в легкой улыбке, глубокие глаза оглядывают меня, но она слишком вежлива для того, чтобы озвучить очевидное: я выгляжу, как развалина.

Когда она уходит, направляясь в другую сторону бара, я провожу пальцем по прохладной грани бокала. Капельки воды стекают по стеклу, оставляя на нем разводы.

Еще одна порция бурбона – это последнее что мне сейчас нужно. Ложное мужество не поможет мне.

Оставив выпивку нетронутой, я покидаю угловой стол и выхожу из комнаты, не оглядываясь. Если она еще может подождать, то у меня нет выбора.

Кроме того, куча конфиденциальных отчетов от капитана из департамента полиции ждут меня в офисе, мне нужно идти, даже если это добьет меня.

Векслер не просто переслал профайлы, он дал мне также копии отчетов с мест преступления. Должно быть, у Джулиана есть на него нечто большее, чем просто фотографии, заснятые во время порки, на которых он, выряженный в идиотские костюмы, проводит сессию с Доминой.

Когда я впервые увидел фото с места преступления, мне стало плохо. И я видел, что с каждым разом преступление становилось все изощреннее и кровавее. От паники до боли сжало в груди, воздух покинул мои легкие. Тело покрылось холодным потом, и шок пробивал насквозь. Связь слишком очевидна, чтобы это отрицать.

Отбросив неприятные воспоминания как можно дальше, я вставляю ключ в замочную скважину и понимаю, что дверь офиса уже открыта. Моя спина невольно напрягается, я толкаю дверь и вхожу.

Джулиан сидит за вишнево-дубовым столом, по-прежнему одетый в свой идеально отглаженный черный костюм, в котором он был на вечеринке. Брат неотрывно смотрит на бумаги, которые в беспорядке разбросаны по столу.

Я закрываю дверь позади себя, изолируя нас от шума в клубе. Многие мониторы вдоль задней стены светятся, но громкость приглушена. Между нами повисает долгое молчание, я стою здесь, наблюдая за ним, хотя знаю, что он меня заметил. Наконец, Джулиану это надоедает, и он поднимает глаза от бумаг.

- Я должен был изучить ее биографию лучше, – говорит он, поднося пальцы ко рту. – Черт, ты знал, что она - офицер полиции?

Я киваю один раз.

– Какого черта ты не сказал мне? Хотя знаешь, что? Я понял, – он грустно смеется. – Твою мать, Колт, в моем чертовом списке есть, блять, юристы, врачи, полицейские, чиновники и даже их чертов капитан. Ты должен был сказать мне. Ты никогда не думал, что она могла быть здесь под прикрытием? Наблюдать за нашей деятельностью?

- Но она не делала этого, - заняв место в мягким кресле напротив Джулиана, я посмотрел ему в глаза. - Хотя тебе следовало быть осторожнее. Не самая умная мысль - шантажировать начальство полицейского департамента, Джулиан. Особенно тех, кому есть, что скрывать. Это только подстегнет их копаться в твоем прошлом.

Его резкий взгляд прерывает меня.

– В нашем прошлом.

Откидываясь на спинку стула, я приподнимаю подбородок.

– Хорошо, в нашем прошлом. Твоя чертова жадность поставила нас под угрозу.

- Не я принес их сегодня сюда. Это сделал ты, – он роется в бумагах на столе и, вытягивая фотографии, бросает их лицевой стороной ко мне. Я смотрю на них. Ужасное фото изуродованной женщины, подвешенной на веревке, лежит прямо перед моими глазами, приковывает взгляд.

- Узнаешь?

Мое болезненное состояние вернулось, мозг отказывается воспринимать информацию, я забыл, как дышать. Мое молчание - достаточный ответ для моего брата.

Он сидит, откинувшись в кресле, зеркально отражая мою позу.

– Есть какие-то новости о поимке серийного убийцы в нашем штате?

- Нет, - я невидящим взглядом изучаю мониторы. – Убийства просто прекратились.

- После Марни, - говорит он, и мой взгляд возвращается к нему, - они просто внезапно прекратились, после Марни. И очень уж это похоже на то, что происходило два года назад в этом городе; одна из следственных схем подозрительно напоминает подчерк серийного убийцы в Раоноке. Особенно эта сцена, тут... – он опускает руку на фото с громким стуком, – выглядит чертовски похожей на убийство Марни. Не думаешь?

Мои челюсти туго сжаты.

– Я не уродовал Марни, - говорю я сквозь стиснутые зубы, физическая боль пронизывает мою грудь от этих слов.

Взгляд его синих глаз замирает на мне.

– Как ты думаешь, эта маленькая деталь кого-нибудь заинтересует? Возможно, твоего профайлера?

Он изучает меня так же пристально, как до этого изучал бумаги на своем столе.

- Колт, не тебя все время пасли детективы штата. А знаешь почему? Потому что я был ее парнем. Подозреваемым номер один в их списке. Они изучали мою личную жизнь, копали под меня, обвиняли, пока мой адвокат не подсунул им алиби. И к тому времени ты уже успел свалить. А ведь я никогда не упоминал твое имя.

Гнев будоражит мою кровь.

– Ты ждешь от меня благодарности?

- Черт! Послушай меня.

Он встает, отталкивая свой стул. Ножки стула со скрежетом скользят по полу, неприятно отражаясь на моих и без того расстроенных нервах.

- Ты не сможешь уехать из города в этот раз. Наверняка после сегодняшнего дня у детективов уже есть твое имя и информация о тебе.

- У одного детектива. Карсона.

Лицо Джулиана искается в гримасе, обычно мягкие черты его лица превращаются в стальную маску. Не говоря ни слова, он подходит к углу комнаты и приподнимает ковер. Под ним, в полу, обнаруживается маленькое защищенное хранилище.

- Ты держишь эту дрянь здесь? – спрашиваю я, приближаясь к нему. – У них мог быть ордер.

- Не имеет значения. Он вернется. – Брат перебирает документы в сейфе, до тех пор, пока не находит то, что ищет. Затем, размеренно вздохнув, он протягивает мне фото. – Это детектив Карсон?

Пульсация, начавшаяся в висках, переходит на затылок. Я с трудом моргнул и отвернулся от Джулиана.

– Да. Это он.

Он бормочет проклятье.

- Это тот мудак, который неустанно меня допрашивал.

Приближаясь ко мне, он спрашивает:

– Каковы шансы, что он пришел сюда случайно? Ноль. Он пришел сюда ради меня. Он знает, что я владелец клуба.

Но Сэди – нет. Я прижимаю пальцы ко лбу, пытаясь думать, несмотря на все нарастающую головную боль. В голове тут же возникает множество различных мыслей. Либо детектив еще не знает о Джулиане или знает, но не сказал об этом Сэди. Но почему?

- Колтон, ты меня слышишь? – голос Джулиана вызывает во мне раздражение, но я стараюсь сохранить остатки терпения.

- Это мой бардак, Джулиан. И я буду разбираться с этим сам. – Я прохожу мимо него, направляясь к двери. – Как я всегда это и делаю.

Он хватает меня за руку, заставляя остановиться.

- Это последнее, мать твою, что тебе следует делать. Мы в таком дерьме именно из-за твоего метода решения проблем. И ситуация становится все хуже. Как и с Марни. Ты просто не мог оставить мою девушку в покое.

Мой кулак врезается в его лицо. Я чувствую приятную боль в костяшках пальцев, но в еще не прошедшем приступе гнева хватаю брата за воротник рубашки и дергаю вверх.

- Она умоляла тебя! – такое впечатление, что эти слова обдирают горло. – И ты оставил ее. Но я не мог поступить также, я не трус.

Я заметил, как в его глазах, сквозь пелену ярости, промелькнул страх.

Я поворачиваю голову к мониторам и вижу Сэди, входящую в клуб. Она стоит спиной к камере, ее рыжий парик кажется вызывающе-ярким на фоне черного платья. Разжав пальцы, я отпускаю рубашку Джулиана, затем иду в направлении выхода.

- Тебе нужно оставить ее в покое, – говорит Джулиан, останавливая меня у двери.

– Она уничтожит тебя.

- Может и так, - бросаю я через плечо. – Но ее наказание будет чистым и быстрым. В отличие от месяцев, что я провел в муках совести просто потому, что у тебя не хватило мужества дать Марни то, в чем она нуждалась.

Я оставляю брата гореть в его собственном аду. Если кто-то должен сказать Сэди правду, то это сделаю я, и сделаю это прямо сейчас. Прежде чем меня опередит детектив. Интересно, что привело его сюда? Конечно, его внимание привлекли отличающееся от остальных убийство и сам Джулиан. Детектив явно интересовался моим братом, когда приходил сюда с расспросами. Я сомневаюсь, что его нахождение в одном городе с Джулианом – совпадение. Ведь их связывает расследование смерти Марни...

Но сейчас это не важно. Хотя Джулиан помог уничтожить Марни, он ее не убивал. Правда – вот то, что сможет очистить его имя, то, что положит всему конец.

Чем ниже я спускался по лестнице, тем громче становилась музыка. Цветные огни вдоль стены мелькали ей в такт. Мои ноги с каждым шагом приближают меня к освобождению. Каждый шаг к Сэди и правде словно меняет меня, внутри как будто рвутся цепи.

Я выхожу в главный зал и сканирую толпу взглядом. На танцполе сейчас довольно многолюдно, ночь привлекает любопытных. Верхние уровни клуба только для особых гостей. Сэди знает это, так почему она здесь, внизу? Вспышка рыжего мелькает перед глазами, и я бросаюсь в погоню. Я вижу ее в центре зала. Она танцует с каким-то парнем.

Проталкиваясь сквозь танцующие тела, я пробираюсь к ним, мой взгляд сосредоточен на ее вращающихся бедрах, которые прижимаются к нему. Ее руки на его плечах. Его руки скользят по ее спине и талии. Мои мышцы сжимаются, тело напряженно. Жидкий огонь ярости растекается по венам. Теперь нас разделяют всего несколько футов. Парень прекращает танцевать. Он замечает меня, двигающегося в их сторону. Я не могу отчетливо разглядеть его – тусклое освещение мешает понять, как он выглядит.

Он начинает уводить ее с танцпола, и они теряются в толпе танцующих вокруг. Я останавливаюсь и меняю направление. Он ведет ее к выходу, - почему он прикасается к ней? Почему она ему это позволяет?

Ускорившись, я стараюсь подавить свой гнев и страх и преследую их все быстрее. Я вижу, что они выходят через дверь, и в следующую секунду открываю ее.

Дверь распахивается и, тяжело ударившись об стену, захлопывается за мной. Остановившись в нескольких футах от здания, я осматриваю ближайший переулок, затем противоположную сторону улицы. Фонарные столбы освещают туманную ночь, вдалеке виден свет автомобильных фар. Они не могли уйти далеко. Какого черта?

Моя ярость разгорается с еще большей силой, сердцебиение ускоряется, кровь стучит в висках. Наконец, в моей голове наступает просветление, и я достаю телефон. Набрав номер Сэди, я удерживаю вызов, ожидая услышать звонок ее телефона. Она должна быть где-то рядом.

Меня настигает резкая боль в голове, и я роняю телефон. Я падаю на асфальт, на руки и колени. Еще один прилив боли, и тьма накрывает меня целиком.

Откровение

СЭДИ

Я уже была в подобной ситуации и раньше. Разрываться между тем, что говорят факты, и тем, что я чувствую. Как я должна поступить в сложившихся обстоятельствах, и как я позволю себе поступить. Я спрашиваю себя, как долго я смогу не принимать решения, как скоро карма настигнет меня? Другая же часть меня – та, что осталась от той смелой и решительной девушки, которая только что закончила Академию – жаждет мести.

Это был первый раз, когда я оказалась на перепутье. Но даже если бы уже тогда я знала, к чему это приведет, то не уверена, что была бы в силах изменить свой путь. Уже в то время я зашла слишком далеко.

Я нажимаю «Enter» на клавиатуре и быстро отвожу взгляд от развернутого окошка с заполненными данными на экране монитора. Я никогда раньше не позволяла себе закрывать глаза на очевидное, но в этот раз позволила себе именно это. Сейчас мое сердце ведет меня, позволяя моим глазам оставаться закрытыми, и я понимаю, что делаю это по совершенно эгоистичным причинам.

За стеклянными стенами моего офиса разразился хаос. Офицеры снуют туда-сюда, горячая линия разрывается от звонков, остальные пытаются отсортировать бесконечные сообщения людей, толпящихся в отделе. Даже в этот час звонки продолжали поступать. Звонили люди, которые считают, что у них есть информация об «Арлингтонском убийце» или о «Кровавом Графе» - именно так его называли сегодня утром на пресс-конференции.

Конечно, наиболее важная часть информации из профайла не была представлена широкой публике, но и того, что раскрыто, было достаточно, чтобы получить реакцию общественности.

Просто я не уверена, что этот метод поможет нам приблизиться к Субъекту. Он осторожен, делает все, чтобы не оставить никаких доказательств, ведущих к нему, и я уверена, что он также щепетилен и в своей социальной жизни. Его профиль подтверждает это. Если кому-то посчастливится подобраться достаточно близко к нему, скорее всего, этот человек не проживет так долго, чтобы успеть рассказать об этом кому-либо.

Он понимает наши методы ведения работы, но это совсем не значит, что он один из нас, возможно, просто хорошо нас изучил. Логика очень проста, все так же, как в поговорке: не плуй в колодец, из которого пьешь. Субъект не стал бы охотиться на своем собственном заднем дворе.

Пока офицеры и дальше стараются навести хоть какой-то порядок в офисе и взять все происходящее под контроль, я возвращаюсь к своему монитору. Настолько подготовившись, насколько возможно, я делаю следующий шаг.

Я прокручиваю страницу вниз. Колтон Рид - не очень длинная история. По крайней мере, та, что отражена здесь на бумаге. Подробности его жизни. Все просто, обыкновенно. Даже скучно. Я стараюсь успокоиться, выдыхаю и продолжаю читать.

Последнее известное место жительство Колтона - Роанок. Никогда не было женат. О детях ничего не известно. Нет никаких преступлений или административных нарушений. Нет даже талонов за превышение скорости или неправильную парковку. Он учился в университете Джорджа Сейсона в Фэрфексе, там же жили его родители. Предположительно, там же он и вырос. Работать пошел по своей специальности.

Он работал в крупных компаниях, занимающихся гражданским строительством в Роанок, в качестве инженера-проектировщика в течение 5 лет. Его выдвигали на должность главного инженера компании, но он, видимо, уволился и уехал из штата. Место его переезда неизвестно. Затем ничего. Информация последующих почти двух лет на Колтона Рида отсутствовала.

Я сижу здесь, уставившись в экран, перечитываю каждое слово и пытаюсь выстроить четкий портрет человека, понять его внутренний мир, соединить все, что знаю, с учетом этой новой информации. Все, что здесь изложено, совпадает с моими наблюдениями. Колтон очень внимателен к деталям. Организован. Умело анализирует людей и ситуации. Он относится к своим обязательствам очень серьезно. Большую часть жизни он прожил в одном месте, работал там и, казалось, был готов прожить так всю жизнь. Пока однажды не исчез со всех радаров.

Что непонятно, так это то, как он от карьеры инженера перешел к специализации мастера веревочного бондажа в БДСМ-клубе. Я могу делать выводы только из того, что знаю: его брат владеет клубом. Колтон сказал, что он нуждался в помощи. Что объясняет его нынешнюю работу... но что произошло в те годы, о которых ничего неизвестно? Где страница, что заполнит этот пробел?

Когда определены основные мотивы поступков, теории обретают форму. Что послужило причиной внезапного отъезда Колтона? Должно было произойти что-то серьезное, что подтолкнуло его к такому неожиданному поведению. До ситуации, произошедшей два года назад, поведение Колтона было вполне предсказуемо. Ожидаемо. Он вел себя так, чтобы не привлекать внимание. Но потом...

Опасения теснились в моей груди. Я могла бы сформировать прекрасный профиль серийного убийцы. Все поведение Колтона в прошлом указывало на идеальную жизнь. Возможно, это было только для того, чтобы избежать подозрений. Быть может, он вел двойную жизнь. Должны быть веские причины для столь резких перемен.

Я прокрутила страницу еще ниже, вновь вчитываясь в подробности его жизни, пытаясь понять, что же я пропустила. Он никогда не выказывал признаков асоциального поведения. Но это не значит, что его не было. Возможно, все было так тщательно замаскировано, что даже я это упустила. Нет никаких трагических инцидентов в его истории, которые могли бы подтолкнуть его к социопатии. Ничто в его прошлом не указывает на вероятность, что он является серийным убийцей.

И я полностью отвергаю версию о том, что он может быть психически больным человеком. Потому что рожденные психопатами всегда ведут себя одинаково, они не способны быть нормальными людьми. Они никогда не испытывают чувства вины. Они не способны по-настоящему чувствовать эмоциональную привязанность к другому человеку.

Я хочу верить, что в состоянии распознать психопата самостоятельно, этот диагноз довольно сложно скрыть от професионала. И я хочу верить, что мои чувства к Колтону реальны. Что наши чувства и желания взаимны.

Я закрываю глаза и представляю голубые, полные эмоций глаза Колтона. Так смотрит на меня только он. Я чувствую его прикосновения, сначала нежные, потом безумно агрессивные, когда он владеет мной. Мое сердце бешено колотится, и глаза распахиваются.

Мне не нужна еще одна проверка, чтобы подтвердить то, что я и так уже знаю. В прошлом Колтона есть тьма и неизвестность, что-то, что он пытается забыть, но он не асоциален. Он отдается мне со всей глубиной, на которую способен, это то, что я всегда мечтала испытать...и меня приводит в бешенство, что я не могу оправдать его доверие.

Однажды я расскажу Колтону о моем похищении. И, может быть, это станет днем, когда и он полностью доверится мне и раскроет передо мной недостающие страницы своего прошлого. До тех пор я отказываюсь слушать свой извращенный мозг, который хочет превратить моего мужчину в монстра.

А ведь я знаю, кто настоящий монстр, я знакома с ней очень давно. Я навожу курсор мыши на крестик в углу листа, чтобы закрыть информацию о Колтоне, и замечаю мигающую стрелку в углу. Ее не было минуту назад.

Мое сердце учащенно бьется в груди, я веду мышкой по столу, чтобы навести курсор на мигающую точку. Выпливает поле с именем: Джюлиан Рид.

Колтон был для нас интересен только потому, что он связан с «Логовом». И он не имеет ничего общего с жертвами. Но вот владелец клуба. Прежде чем мой мозг начал создавать беспочвенные догадки, я нажимаю на имя Джюлиана.

Открывается новая страница: по мере того как загружаются данные, курсор прокрутки страницы становится все короче и короче. Чем больше я читаю, тем сильнее тиски сжимают мое горло. Я не могу дышать. Кроличья нора, в которую я попала, становится все темнее и глубже, меня затягивает все дальше. Я словно бреду вдоль земляных стен, и нет им ни конца, ни края. Этот путь ведет все ниже. Мои руки дрожат, и когда я нажимаю на кнопку «печать», и когда я забираю страницы, еще хранящие тепло принтера. Меня переполняет напряжение, и как только отпечатан последний листок, я хватаю со стола кобуру, надеваю и покидаю офис.

Я пробираюсь сквозь толпу, состоящую из людей в форме и просто зевак, словно ничего не видя, мой взгляд направлен точно вперед. Кто-то окликает меня по имени, но я не отвечаю. Не оборачиваюсь. Есть только один человек, которого я хочу видеть прямо сейчас. Когда я, наконец, подхожу к двери его офиса, у меня нет сил даже постучать, я просто распахиваю дверь.

Я врываюсь в его офис и застаю Карсона за компьютером. Он поднимает тяжелый взгляд на меня, я же швыряю недавно распечатанные листы на его стол.

- Тебе лучше начать говорить прямо сейчас, и у тебя должно быть чертовски хорошее объяснение всего этого... иначе я сейчас же иду к Куинну, просить, чтобы тебя отстранили от этого дела.

Слова срываются с моих пылающих губ, прежде чем я успеваю подумать. Моя грудь вздымается. Я сжимаю свои трясущиеся пальцы в кулаки. Карсон бросает взгляд на доску Джюлиана и примирительно поднимает руки вверх.

- Все в порядке. Просто успокойся, успокойся, и я все тебе объясню.

- Не говори мне успокоиться, - взрываюсь я.

Я закрываю дверь в кабинет, опускаю жалюзи, скрывая нас от хаоса, царящего в коридоре. Затем я разворачиваюсь к Карсону, мой взгляд изучает его, отмечая все до

малейшей детали: биение каждой венки на его лице, каждую капельку пота, его осанку, движения. Я слежу за языком его тела. Я готова выслушать его оправдания.

- Ты преследуешь Колтона Рида, – упрекаю я.

Он кивает.

– Да, это так. Но теперь это вполне оправданно. В первый раз я его упустил... я был слишком сосредоточен на его брате, - он проводит рукой по каштановым волосам.

– Я только что поступил на работу в управление. Я был смелым и жадным до работы. Я думал, что мне по силам прижать его самостоятельно.

- Ты все еще новичок, Карсон. Твое поведение лишь подтверждает это, – качаю я головой. - Ты работаешь против нас - против меня и Куинна. Ты ведешь свое расследование у нас за спиной. Он будет в ярости, когда узнает, что ты получил перевод сюда ради своего прошлого дела.

Карсон хмурит брови.

– Куинн знает.

Из меня будто выбили весь воздух. Быстро и резко. Я сжимаю зубы и падаю в кресло. Предательство. Куинн знает.

Я пытаюсь собрать воедино все кусочки головоломки. У нас существует общая база преступлений, и, конечно, мы всегда проверяем, были ли подобные случаи в других штатах. Карсон увидел сходство в манере совершения преступлений и связался с Куинном, сообщив о возможной связи между двумя случаями. Куинн привлекает его к расследованию. И все знают об этом, все, кроме меня. Что может быть хуже?

Мое чертово прошлое мешает мне взглянуть на ситуацию непредвзято. Ведь я проверяла первую жертву через нашу общую полицейскую базу. Но так как я была уверена, что тот, с кем работаем мы, это серийный убийца, я не стала рассматривать ее случай. Я была уверена, что то дело закрыто, и отбросила его. Не было никаких причин предполагать, что виновник убийств в Роанок ответственен за убийства в Арлингтоне.

Марни Холлоуэй стала одной из жертв в целой веренице убийств, которые происходили на протяжении последних трех лет. Все убийства произошли достаточно далеко друг от друга, очень долго мы не видели связи между ними, и тогда они внезапно прекратились.

Марни Холлоуэй стала последней жертвой. Согласно досье Джулиана Рида, они были парой. Также в его досье было отмечено, что детектив Алек Карсон вел это дело. И то, что он считал Джулиана главным подозреваемым в убийстве, независимо от того, что данное убийство было классифицировано, по результатам расследования, как серийное убийство. Но это еще не все... новую запись внесли только сегодня. Внесли заметку о том, что Карсон подозревает Колтона в убийствах, совершенных два года назад.

В моей голове стоит какой-то невообразимый шум, я чувствую, как кровь пульсирует в висках. Я закрываю глаза, пытаюсь отстраниться от всего. Кладу голову на руки. Я слышу, как далекий голос Карсона пытается пробиться сквозь стену, которую я возвела вокруг себя.

– Агент Бондс, - говорит он, и я чувствую его прикосновение к своему плечу.

Я поднимаю голову и ловлю заинтересованный взгляд Карсона на моем лице. Свист в ушах постепенно стихает.

– Я в порядке.

- Тебе, наверное, стоит поесть, - предлагает он мне удобную отмазку. – Я думаю, ты измотана. Тебе пора отдохнуть.

Я отрицательно качаю головой и тут же жалею об этом. Боль словно кинжалом пронзает мои виски.

– Нет. Ты расскажешь мне все.

Он встаёт и делает шаг назад, не опуская взгляд, но предоставляя мне некоторое пространство.

- Я читал твой профиль на Роанокского Веревочника, - он взмахивает рукой. - Прости. Старые привычки. Я говорю о том, что я читал твой профиль на серийного убийцу Роанака, когда меня только назначили детективом на это дело. Это было мое первое настоящее дело в качестве детектива.

- Это, должно быть, было непросто, - говорю я.

Он резко вздыхает.

- Да. И я не буду врать, я высмеивал твой профиль. Я не купился на всё это дерья... - он обрывает себя на полуслове, - всю эту аналитическую фигню в тот раз. На самом деле, я был под началом детектива Куинна, когда его поставили во главе расследования, в тот момент, когда выяснилось, что это серийные убийства.

- Я помню. Он также не был в восторге от профиля.

Это был уже второй раз, когда меня назначили на одно из дел Куинна, и именно из-за этого дела я ощутила привкус чувства вины. Несмотря на мою неустанную работу над профилем и месяц его напряженной работы вне департамента над важным делом, Неизвестный так и не был пойман. Это дело до сих пор осталось нераскрытым.

- Ты нацелился на Джулиана, - говорю я, продолжая складывать кусочки информации вместе.

Карсон кивает.

- Однажды я уже подобрался к нему, и убийства прекратились. Я знал, что это был он. У меня было предчувствие. Было что-то такое с этим парнем и.... черт, я так сильно хотел прижать его. Но у него было алиби.

- Однако все жертвы убийств в Роаноке были проститутками, - возражаю я, мысленно пробегаясь по делу и досье, пытаясь понять, как он вообще установил здесь какую-то связь. - Я не делала профиль по последней жертве, но из того, что я слышала, она не была проституткой.

Карсон расправляет плечи.

- Я проработал эту точку зрения, - он разворачивается и подходит к своему столу, чтобы достать несколько папок из своего ящика. - Подружка узнала правду, и он расправился с ней, как и с остальными. Я посчитал, что он допустил промашку, но никто не согласился со мной.

Я вытираю потные ладони о джинсы и качаю головой.

- Разве это не ты ранее выговаривал мне за теории и домыслы? Это всё притянуто за уши, Карсон.

Резким движением он открывает папку.

- Как я уже сказал, это было моё первое дело. С тех пор я многому научился, но я был недалёк от истины, - он извлекает страницу из папки и обходит стол, чтобы передать её мне. - Я верю, что внутренне чутьё - по-прежнему лучшее орудие детектива.

Пока я читаю отчет, к горлу подкатывает тошнота.

- Где ты это взял?

- Я детектив, Агент Бондс. Это то, чем я занимаюсь. Я выявляю и расследую. Информацию о родном городе очень легко получить от местных жителей. Для этого не требуется особых умений.

Я встаю и складываю страницу, затем прячу её в карман.

- Ты не можешь просто...

- Мне бы хотелось, чтобы ты сразу подошел ко мне с этой информацией, Карсон. Правда. Это бы спасло меня от впустую потраченных часов работы.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но Карсон ловит меня за запястье. Рефлекторно я выворачиваю свою руку, вырываясь из его захвата, и обездвиживаю его. Он рывком притягивает меня ближе к себе, припечатывая к своему телу.

- Я потратил намного больше часов на это дело, Сэди. Я потерял свою девушку, отдалился от семьи, переехал из своего родного города... и всё из-за погони за этим убийцей. И я не позволю тебе уйти отсюда, пока мы не придем к взаимопониманию.

Я выдерживаю его тяжелый взгляд, впервые замечая золотистые вкрапления в его карих глазах. Его размеренные вздохи остаются медленными и глубокими, пока он удерживает меня на месте, прижатой к нему.

- Одержанность - та еще проблема, - говорю я, и он отталкивает меня, освобождая от своей хватки.

Мышцы его челюсти напрягаются. Затем напряженные черты его лица смягчаются, демонстрируя более спокойное выражение. Он простирает горло.

- Это твоя территория, я понимаю. Я новенький ребенок в песочнице, - он улыбается, но через силу. Это не похоже на его обычное мягкое очарование. - Просто сделай одолжение - держи меня в курсе. Я многое вложил в это дело..., и я хотел бы быть тем, кто их поймает.

Мои брови сходятся вместе.

- Их?

Карсон резко поднимает голову.

- Раньше я не мог обойти алиби Джюлиана. Поэтому мне пришлось бросить эти попытки. Но я допустил одну критическую ошибку в то время: я был так зациклен на Джюлиане, что упустил вероятность, что убийца могло быть двое, а не один.

Боль обжигает моё горло. Я продираюсь сквозь эту боль и произношу:

- Ты думаешь, у Джюлиана был партнер. Команда убийца.

Он медленно кивает.

- Твой профиль это также упускает. Но это не страшно. Они действительно хороши в этом. Я имею в виду, кто прикроет тебе спину лучше, чем твой собственный брат? Я знаю, что он именно тот, кого я искал.

Воздух покидает комнату, заставляя мои легкие бороться за каждый последующий вздох. Прежде чем я осознаю, что делаю, я подхожу к Карсону вплотную и смотрю прямо в его лицо.

- Ты уже поделился этой безосновательной теорией с Куинном?

Он выдерживает мой взгляд. Облизывает губы.

- Это безосновательная теория на самом деле принадлежит Куинну.

И в ту же секунду в моей голове всплывают все расспросы Куинна о группах и о том, как они взаимодействуют. Он никогда не переставал прорабатывать теорию о том, что здесь может быть больше, чем один убийца, командная работа. Он просто не прорабатывал эту точку зрения со мной. Я отступаю назад, не отпуская взглядом Карсона.

- Вы охотитесь не за тем человеком, - говорю я, пытаясь нащупать за спиной дверную ручку. - Если вы вызовите Колтона Рида на допрос, то только потеряете еще больше времени. Твоя одержимость его братом просто не позволяет тебе увидеть этого.

Его глаза сужаются, он скрещивает руки на груди.

- Твой профиль очень хорошо подходит под Джюлиана, Сэди. Как только ты поймешь это, то также и осознаешь, что просто не подумала о возможном профиле второго убийцы.

Я открываю рот, чтобы сказать что-то еще, но заставляю себя сжать губы. Бессмысленное сотрясение воздуха, я уже достаточно услышала от него. Я качаю головой и ухожу, прежде чем причиню телесный вред приурку-детективу.

На обратном пути в свой кабинет, чувствуя, что страница с доказательствами против Колтона в кармане будто горит. В руках детектива, наподобие Карсона, эта чертова улика может стать основанием для построения дела против Колтона. Изображая его в качестве сообщника в убийстве. Но в теории Карсона недостаточно конкретики. Важных деталей, которые свяжут домыслы и факты. Все переменные складывались в невероятную, сволочную реальность. Я понимала, что Карсон сам не мог до этого додуматься, в нем по-прежнему слишком много от новобранца, и он не в состоянии смотреть на ситуацию комплексно.

И хоть он подстраивал профиль так, чтобы тот соответствовал его потребностям, его работа и замечания позволили мне обратить внимание на то, что я не учла раньше. Я искала преступника не там. Я думала о колледжах, коллегах... о своем прошлом, нераскрытых серийных убийствах. Хотя я и была уже очень близко, но именно Карсон помог мне увидеть очевидное. И, наконец, у меня есть реальная отправная точка, чтобы начать копать.

Насколько я знаю из наших прошлых отношений, Куинна не так-то просто заставить взглянуть на ситуацию под новым углом. Поэтому мне нужно найти действительно весомые доказательства, до того, как я пойду к нему.

Я хватаю куртку и сумку. Заперев дверь кабинета, я, наконец, оставляю это безумие, царящее в департаменте, позади. В коридоре я накидываю куртку на плечи и чувствую, как в кармане джинсов начинаетibriровать телефон, вытаскиваю его и смотрю на экран. Один пропущенный вызов от Колтона. Моё сердце пропускает удар. Крепко сжав телефон, я проверяю время звонка. Пятнадцать минут назад, когда я была готова разорвать Карсона на куски.

Как будто вселенная издевается надо мной. Наша с Колтоном связь стала настолько необратимой, что он не просто знает, что мне нужно - он знает, когда мне это нужно. Я была такой эгоисткой. Колтон предложил мне освобождение и принятие в безопасную гавань, чтобы почувствовать себя свободной. Он сказал, что это обмен властью. Что все, что он даёт, он получает взамен, но это не было абсолютной правдой. Я будто черная дыра. Высасываю весь воздух и свет из каждого в моём окружении. Единственная вещь, которую я способна предложить ему - это боль. Я понимала это с самого начала, но мечтала, что он окажется достаточно сильным, чтобы вынести её.

С ним я могу чувствовать себя свободной, и любовь побеждает страх. Это именно то, что происходит между нами.

Когда я открываю дверь лаборатории судмедэкспертов, я понимаю, что то, что я собираюсь сделать, причинит ему еще больше боли. Я собираюсь вновь вскрыть его рану. Я надеюсь, что во мне достаточно сил и достаточно доверия к нему, чтобы не сломаться. Правда - одна из самых жестоких вещей на земле. Именно она позволяет понять, кто мы есть на самом деле.

- Эйвери, мне нужна твоя помощь.

Медэксперт испуганно вздрагивает, с трудом удерживая скальпель в руке.

- Господи, Сэди. Постарайся не подкрадываться к людям, когда они окружены трупами.

Она кладет инструмент на стол и натягивает на тело простыню.

- Подожди. Это та жертва, что нашли у реки, - я потянулась к ней, но Эйвери удержала мою руку.

- У меня была долгая ночь, Сэди. Я только что приступила к вскрытию, наконец-то получив на него разрешение ее матери. Я пока что не готова отвечать ни на какие вопросы.

Она стягивает перчатки и расчесывает пальцами свои длинные светлые волосы.

- Я здесь не для того, чтобы изводить тебя. Я знаю, что ты работаешь настолько усердно, насколько это возможно, - я опираюсь на стол рядом с ней. - Мать жертвы живет здесь? - Она стреляет в меня глазами. - Ты не можешь с этим помочь, не так ли? - я пытаюсь сдержать улыбку, и она вздыхает.

- Нет, в Нью-Йорке, и я понимаю, как это тяжело, но вскрытие необходимо.

С тихим стоном Эйвери оборачивается и задирает простынь, чтобы оголить ноги жертвы.

- Синяки вокруг её лодыжек хуже, чем на запястьях или на какой-либо другой части тела. И когда Куинн рассказал мне о крови, украшающей сцену убийства, у меня появилась мысль... Но сначала мне нужно закончить осмотр.

Я позволяю своему взгляду скользнуть по темной поврежденной коже. Цвет казался практически черным, в сравнение с остальной бледной плотью.

- Она такая белая. Выглядит как призрак.

Эйвери хмурится.

- Ты в порядке?

Я киваю, отмахиваясь от неё.

- Просто устала. Так ты думаешь, она была обескровлена?

- Честно говоря, да, - она снова указывает на отметины. - Вероятно, жертва была подвешена вверх ногами за лодыжки, затем преступник перерезал её сонную артерию. Её сердце выполнило всю работу. У неё слита практически вся кровь.

- Этого было бы достаточно, чтобы покрыть траву на месте преступления?

- Я провожу анализы по образцам, доставленным оттуда, которые определят, совпадает ли группа крови с жертвой. Он вполне мог разбить её кровь, чтобы увеличить её объем, либо...

- Или он обескровил более чем одного человека, чтобы достичь желаемого эффекта, - заканчиваю за неё я.

Она кривится.

- Иди домой, Сэди. Открой бутылку вина, посмотри какое-нибудь дурацкое реалити-шоу и отдохни.

Я бросаю взгляд на время на своём телефоне.

- Почти девять. Ты собираешься последовать собственному совету?

Она опускает взгляд на тело, затем снова поднимает глаза на меня.

- Я чувствую себя немного подавленной, но, возможно, мне просто нужно поспать. Я должна закончить с этим.

Она улыбается, и это успокаивает. Доказательство того, что в этом мире, наполненном смертью, я окружена самими людьми, которые с легкостью вписываются в это темное царство.

- Что тебе нужно?

Снова проверив телефон, я замечаю пропущенный звонок от Колтона. Мы должны встретиться менее чем через десять минут, а я всё еще здесь, в месте, которое стараюсь не посещать. Делаю глубокий вдох.

Затем прячу телефон и закатываю рукав. Эйвери смотрит на меня со сдержаным любопытством, но не задаёт вопросов, когда я хватаю ножницы с её стола и отрезаю нитку от веревки.

Я протягиваю её ей, наконец-то поднимая глаза, чтобы встретиться с её любопытным взглядом.

- Пожалуйста, пусть это останется между нами. Куинн, и особенно Карсон, ничего об этом не знают. Это их не касается.

Она кивает, беря нить в руки.

- Договорились, но что я должна узнать?

Я облизываю губы, неожиданно почувствовав сухость во рту.

- Мне нужно узнать тип материала. И мне нужно знать его происхождение.

- Дерьмо, Сэди...

- Может, это ничего и не значит, - успокаиваю я ее. - Но мне нужно сравнение с веревками с каждого места преступления. Если ты каким-то образом сможешь сделать это в ближайшее время...

- Я сделаю, - говорит она, сжимая мою руку своей. – И, во что бы ты себя не втянула, выбирайся из этого. Я не хочу, чтобы ты оказалась на моём столе. Я найду способ, как вернуть тебя обратно, чтобы я смогла снова тебя убить, если такое случится.

Её беспокойство вызвало у меня улыбку.

- Я буду крайне осторожна. Обещаю. Я просто... иду по следу.

- Хорошо.

Она отпускает мою руку и помещает образец веревки в пакет для сбора улик. Ощущая тяжесть в груди, я наблюдаю, как она плотно закрывает его.

Почти вся теория Карсона была ошибочна, но, к сожалению, он был абсолютно прав в одном из своих подозрений: я допустила ошибку в профиле на Роанок. Было двое убийц. И наличие второго убийцы даёт понять, как сильно я облажалась.

Без тебя

КОЛТОН

- У нас есть информация, что Вы владеете оружием.

Офицер, который приложил меня ударом по затылку, теперь стоит передо мной, держа руки на поясе.

- От кого?

Меня трясет от ярости. Я задержан этими чертовыми арлингтонскими полицейскими, а в моей голове лишь мысли о том, что я должен встретиться с Сэди. Пытаясь разглядеть темный переулок за спиной копа, я близок к тому, чтобы врезать ему, если он не уберется с моего пути.

- Мы не вправе давать Вам подобную информацию, - отвечает полицейский, разглядывая меня с явным подозрением.

Вообще-то это он напал на меня, но всем своим видом показывал мне, что угроза - я. Мне нужно выпутаться из всего этого. Я должен найти Сэди.

- Отлично. Вы нашли мой сотовый, это явно не оружие. Я могу идти? Мне нужно работать.

Киваю в сторону клуба.

Он говорит, что-то в микрофон на плече и жестом останавливает меня. Вне себя от злости я прислоняюсь к патрульной машине, мой взгляд изучает переулок. Он пуст. Как будто Сэди просто испарилась.

Я потираю рукой подбородок. Каждая мышца пронизана напряжением. Она могла прийти сюда, чтобы встретиться со мной, но, увидев копов, не решилась зайти в

клуб. Она сбежала, прежде чем они заметили ее. Нет. Все было не так. Я ищу зацепки, потому что боюсь допустить другие возможности.

По-прежнему нет никаких причин, которые помогли бы мне объяснить, зачем она танцевала с тем мудаком, который повел ее на улицу, туда, где меня ждали в засаде копы. Если бы я только знал ее лучше, если бы я мог доверять ей больше... все это выглядело как подстава.

Эти подозрения опаляют кожу и заставляют сердце биться чаще в волнительной горячке.

Я знал, что она докопается до правды. Но надеялся, что она придет ко мне, а не установит слежку, чтобы задержать меня в клубе.

Все это не имеет значения. Главное, что ее нет сейчас здесь. Она может быть где угодно, с другим парнем.

Она там, где кто-то преследует ее. Я не могу выкинуть это из головы, не могу позволить себе отпустить ее в этот гребаный мир, где за ней охотится какой-то маньяк.

Из рации на плече копа раздается какофония звуков. Я понимаю, что ему поручено собрать более подробную информацию. Он открывает заднюю дверь своей машины.

- Нам нужно, чтобы Вы поехали в участок и написали заявление.

Он, наконец-то, смог завладеть моим вниманием; я дергиваю руку, несмотря на легкую боль.

- Я могу написать это заявление прямо здесь, - говорю я.

Я знаю свои права. Я знаю, как это работает. Задержать меня по какому-то надуманному поводу, отвезти на допрос, и там они имеют право удерживать меня в течение 48 часов.

Джулиан прошел через это. А я избежал этого только потому, что к тому времени уже покинул город. Я называл его за это трусом, но это я был тем, кто сбежал. Он старался принять все, что с ним произошло, в то время как я попытался просто забыть. Теперь я думаю, что гнев и страх, ослепившие меня, не позволили мне понять, что трусом на самом деле был я.

Коп придвигается ближе, и это провоцирует мои воинственные инстинкты.

- Будет намного лучше, если Вы поедете с нами и напишите заявление в участке.

Звук захлопывающейся дверцы машины. До моего слуха доносится:

- Парни, я разберусь с этим.

Я узнал этот голос, даже прежде чем увидел детектива. Это тот самый коп, который приходил ко мне домой вместе с Сэди неделю назад. Чувствую надвигающуюся неизбежность, скользящую вдоль спины. Хотел бы я провести еще хоть несколько минут с моей богиней. Я должен был набраться мужества и признаться во всем самому. А теперь она узнает все так.

У меня есть куча поводов для сожаления, и еще одна маленькая неудача не должна сломить меня, но она поселилась внутри меня, словно маленький долбаный червь, который ни на минуту не оставляет меня в покое.

- Мистер Рид, как Вы? – спрашивает Детектив Куинн, демонстрируя мне свой значок.

- Я Вас помню, – говорю я. – Сегодня определенно не лучшая из моих ночей. – Я мотаю головой в сторону. - Ваши ребята знатно меня достали.

Его рот кривится в ухмылке.

- Извините ребят. Из-за этих событий с серийным убийцей все немного на взводе, – он кивает на мои перебинтованные костяшки пальцев. – Что случилось с Вашей рукой?

Я понимаю, что все это выглядит не очень хорошо.

– Ремонт в клубе, – быстро отвечаю я.

Куинн долго смотрит на меня, будто пытаясь что-то разгадать, затем произносит:

– Давайте прокатимся. По пути обсудим детали.

- Я могу уйти? – спрашиваю я, прекрасно зная, как он ответит на этот вопрос. -

Или меня в чем-то обвиняют?

Его улыбка исчезает.

- Вы вольны уйти, но я настоятельно рекомендую Вам остаться и сотрудничать с нами.

Я ухмыляюсь. Проклятым копам вечно необходимо мое сотрудничество. Я достаточно изучил их. У нас было очень плодотворное сотрудничество во время расследования убийства Марни. Просто предоставь им все доказательства, и тогда они уже готовы сделать всю остальную работу.

Смирившись, я следую за ним в сторону его автомобиля; на меня обрушивается вся тяжесть ситуации.

Он открывает дверь машины с пассажирской стороны, мне не приходится задаваться вопросом, почему именно я был выбран из всего многообразия преступного мира. Я просто занимаю свое место и смотрю, как он обходит вокруг, чтобы сесть на водительское сиденье.

Время проходит в напряженном молчании, воздух в кабине сгущается, и Куинн поворачивает ручку радиоприемника, пробуя настроиться на какую-нибудь радиостанцию. Из магнитолы раздается трескучий шум, и он снижает громкость.

- В участке Вас ждет на допрос детектив, – его голос неожиданно разрывает пугающую тишину.

Я барабаню пальцами по колену, мне с трудом удается сдерживать себя, чтобы не схватиться за телефон.

– Полагаю, тот самый, что приходил сегодня в клуб разыскивать моего брата?

- Ага, именно он, – Куинн мельком разглядывает меня, затем снова переводит взгляд на дорогу. – Карсону было очень трудно в последнее время. Я нисколько не оправдываю его, лишь хочу, чтобы Вы знали это. Молодым детективам очень сложно работать под таким давлением. Обычно кажется, что они справляются со стрессом даже лучше, чем старые бойцы, но именно они склонны к переработке.

- Почему Вы предупреждаете меня, детектив? Мне есть, о чем волноваться?

- Нет, если Вы сами не чувствуете, что Вам есть, о чем беспокоиться.

Его неразборчивое бормотание ставит меня в тупик. Я хочу засунуть руку в карман, но останавливаю себя. Наверное, не лучшая идея – выбрасывать мотки веревки из окна полицейской машины. Мои мысли вновь возвращаются к Сэди.

- Где Ваш напарник? – спрашиваю я.

Куинн смотрит на меня, приподняв брови.

- Который из них? Ох, Вы, должно быть, имеете в виду Агента Бондс? – он ухмыляется. – Зацепила Вас? Да, это она умеет. Пробирается прямо под кожу.

Пальцы сами собой сжимаются в кулаки, и я старательнодерживаю руки, чтобы не сунуть по привычке их в карман. Или чтобы не наброситься на этого копа. Я не считаю себя жестоким человеком, но полиция Арлингтона явно испытывает мое терпение.

- Возможно, ей будет любопытно узнать, что Вы привезете меня в участок, – говорю я, не заботясь о том, что обнажаю перед ним свою ахиллесову пяту.

Я просто должен знать, что она в безопасности.

- Ведь именно она допрашивала меня первой, в конце концов. И она была больше заинтересована в разговоре со мной сегодня. Гораздо больше, чем Карсон. Может

быть, Вам стоит позвонить ей. Она относится к тому людям, которые ненавидят, когда их держат в неведении.

Взгляд, который он бросает на меня, полон ярости.

– Держись подальше от нее. Ты меня понял?

Какое нервное напряжение. Похоже у нас с детективом Куинном общая ахиллесова пята.

Он тянется в карман куртки и достает телефон. Дотрагивается до экрана, затем произносит:

– Бондс, где ты?

Мое сердце стремительно забилось лишь от осознания того, что Сэди находится на том конце провода – живая, что он может говорить с ней. Осознание того, что с ней все в порядке, дало мне достаточно сил, чтобы пройти через все то дерьмо, которое меня ждет. Я выдыхаю сковывавшее меня напряжение. Впервые, с той секунды, как я покинул клуб, я способен трезво воспринимать ситуацию.

– Нет, все нормально, – говорит Куинн. - Оставайся там. Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

В паузах я отчаянно пытался уловить хоть отзвук ее голоса. Тем временем Куинн произносит в телефон:

- Я хочу получить отчет уже завтра, сейчас это приоритетная задача. Никакой работы вне офиса. Просто тащи свою задницу в управление и составляй отчет.

Я стискиваю зубы, мне совсем не нравится, как Куинн разговаривает с Сэди, но, по крайней мере, у нас одни цели. Если это может удержать Сэди от опасности, тогда я прощаю ублюдка. Он заканчивает разговор как раз тогда, когда мы подъезжаем к зданию полиции. Детектив паркуется и смотрит на меня.

- Между нами, Колтон, все эти извращения, которые творятся в вашем клубе... Агент Бондс не такая. Вы меня слышите? – его зрачки расширяются, пока он излагает мне свою точку зрения. - Если я узнаю, что ты или твой брат трахаетесь с ней... - Он выходит из машины, оставляя невысказанной свою угрозу. – Просто придерживайтесь моих рекомендаций. Я полицейский только в рабочие часы. В остальное время - я готов разобраться с любым, кто ослушается меня.

Несмотря на то, что его угрозы обращены ко мне, я оценил ту страсть, с которой он защищает безопасность Сэди. Но есть и кое-что еще, то, что скрывается под его бравадой мачо. Это беспокойство.

Удерживая его взгляд, я отвечаю:

– Я не намерен вовлекать Сэди во что-либо, что способно причинить ей вред.

И для меня эти слова буквальны. Если ошибки моего прошлого способны причинить вред Сэди, то ей будет лучше держаться от меня подальше. Это очевидно. Куинн явно замечает мое фамильярное обращение к детективу Бондс.

Его глаза сужаются, он медленно изучает меня с головы до ног, затем кивает:

– Ловлю на слове.

Как только мы оказываемся внутри полицейского управления, меня проводят мимо холла, заполненного копами, к пустой комнате. Где в течение следующих тридцати минут, я нетерпеливо дожидаюсь появления Детектива Карсона.

Когда Карсон входит, мое терпение уже на пределе. Все эти тридцать минут я представлял себе, что может произойти с Сэди за это время, пока я не способен ей помочь. Если они хотели сломать меня, то они выбрали верную тактику. Забрав все средства коммуникации и оставив меня воображать все самое худшее. Сейчас я готов сказать этому мудаку все, что он хочет услышать, лишь бы эта ночь скорее закончилась.

- Встречаться дважды в один день - не самая хорошая примета, – говорит Карсон, усаживаясь за стол напротив меня.

Он ослабляет черный галстук типичным жестом из шоу про копов.

- Полагаю, если раньше Вы не знали, кто я, то сейчас у Вас, вероятно, есть соображения на этот счет.

– Вы - детектив, который преследует моего брата.

- Я не преследую Вашего брата. Я иду по следу трупов и резни, Колтон. Просто так случилось, что этот путь привел к Вашему брату. И к Вам, – добавляет он. – Довольно интересно. Я не сразу сопоставил факты, но Вы ведь тоже находились в Роанoke во время убийства Марни Холлоуэй.

Я открываю рот, чтобы поправить его, но он останавливает меня взмахом руки.

– К сожалению, Вы проживали там до начала расследования. Вы сбежали из города сразу после убийства. Одного из самых ужасных убийств, что я когда-либо видел.

Карсон открывает папку и раскладывает ее содержимое на столе. Жуткие картины проникают прямо в сердце, меня сковывает ужас.

Он сидит напротив, наблюдает, ждет мою реакцию. Или ее отсутствие. А мне интересно, что, если Куинн все же вызвал Сэди, вдруг она стоит по ту сторону зеркала и наблюдает за тем, что происходит в комнате, анализируя меня.

Помогает понять меня другим, расшифровывает каждое мое слово, каждое действие. С выражением крайнего отвращения, так портящим ее красивое лицо.

Мне не нужно смотреть на эти фотографии. Я знаю, что на них запечатлено. Я не забыл. Это преследует меня в кошмарах. Обнаженное тело Марни было связано. Подвешено к потолку. Веревка затянута вокруг шеи. Ее душили так сильно, что глаза вылезли из орбит и истекли кровью. Но я перегнулся через стол и взял фото. Я знал, это именно то, чего хочет Карсон. Он хочет заставить меня пережить ее убийство с помощью этих фото.

Я как будто отключаюсь. Возвращаюсь снова в ее спальню, словно вновь воссоздаю тот момент. Мне не нужны фото с места преступления, чтобы вспомнить. Я переживаю все это вновь и вновь, каждую секунду своей жизни.

– Взгляните, Колтон. Можете мне сказать, кто это?

– Не играйте в эту чертову игру, - вымученно говорю я, заставляя себя оторвать взгляд от жутких фотографий и поднять глаза на него. - Я нахожусь здесь по собственному желанию. И так как я до сих пор не был задержан, это значит, что у Вас на меня ничего нет. Иначе я был бы уже в наручниках, и мне зачитали бы мои права. Я... какое слово Вам так нравится? Сотрудничаю. Так что я был бы признателен, если бы Вы закончили это дерзко и сказали мне, наконец, что вам нужно.

Его рот искривляется понимающая улыбка.

– Хорошо. Задушенная жертва на фото...

- Марни, - поправляю я его.

Ненавижу это слово – она никогда не была жертвой.

- Марни, – говорит он, и с его лица сходит улыбка. – Ведь для Вас она была больше, чем просто девушкой Вашего брата?

- Так и есть.

- По сути, Вы и Ваш брат когда-то ввязались в спор из-за нее прямо в том клубе, где она работала, близ Роанока. Свидетели заявляют, что конфликт быстро перешел в драку.

Морща лоб, изучаю его. Какого черта, чего он хочет?

– Я был в нее влюблен, если это то, к чему Вы клоните.

Внешне он не реагирует на мои слова.

— Любовь заставляет нас делать ужасные вещи.

Это парень и понятия не имеет насколько.

— У Вашего брата есть алиби, — продолжает он.

- По некоторым причинам его алиби никогда не озвучивалось при его первоначальном допросе. Я получил извещение от его адвоката уже после того, как его освободили.

- Его подруга только что погибла. Уверен, что он был слегка не в себе.

Таким образом Джюлиан давал мне достаточно времени, чтобы исчезнуть, и это не выглядело бы как побег. Он никогда не касался этого — мы ни разу не обсуждали то, что произошло тогда, — а я никогда и не спрашивал. И он никогда не спрашивал меня. Между нами словно было установлено молчаливое соглашение.

Карсон придвигается к столу, отодвигает фото сцен преступления и упирается локтями в стол.

- Может быть, но Вы знаете, что я нахожу это действительно странным. А также я нахожу странным то, что, когда женщина, которую Вы так любили, за которую практически готовы были драться со своим братом, вдруг умирает... Вы просто оставляете все так, как есть. Пух! Я имею в виду, Вы даже не присутствовали на ее похоронах. Или Вы предпочли дать своему брату время погоревать в одиночестве? Человеческое поведение — удивительная вещь. Если бы мой профайлер была здесь, она, возможно, предположила бы, как можно трактовать Ваше поведение, но сейчас я не заинтересован в ее соображениях. — Он замолчал, ожидая увидеть мою реакцию. Я сосредоточился на дыхании, подавляя желание съездить кулаком по его морде. — Знаете, что мне нравится больше всего? Факты. Доказательства. Реальные, осязаемые вещи, которые можно потрогать руками.

Я встаю, мой стул со скрежетом отлетает в сторону.

— Думаю, мое сотрудничество на этом закончено. Я сам найду выход.

Прежде чем я успеваю сделать хоть шаг, он вскакивает и протягивает мне пакетик для улик, в котором я вижу скрученную веревку.

— Я никогда не указывал эту деталь в моих отчетах. — Он пихает мешочек мне в руки. — Там нет никого по ту сторону зеркала. Здесь только я и Вы. — Я жду, дыхание выравнивается, он готов снова говорить. — Есть одна вещь, которая связывает убийство в Роанoke и всю эту серию убийств здесь, Колтон. И это не мотив. Не виктимология. И даже не географический аспект. Это упущение. — Он отступает на шаг. — Иногда одна не выявленная поначалу деталь связывает воедино всю цепочку событий.

Я запихиваю руки в карманы и пытаюсь справиться с раздражением, которое во мне провоцируют его слова.

- Я полагаю, Вы собираетесь рассказать мне об этой веревке.

- Бинго. — Он подбрасывает мешочек для улик. — У каждого убийцы есть свой любимый метод убийства. Любимые инструменты. И это предпочтение на самом деле имеет первостепенное значение. Веревочник в Роанoke всегда использовал одну и ту же хлопковую веревку. Толстую, крепкую, прочную... такую нелегко найти. — Его тяжелый взгляд вновь остановился на мне. — За исключением последней жертвы. Марни. Она была связана и задушена джутовой веревкой.

Воздух покидает легкие. Свет в комнате становится нестерпимо ярким, от работы ламп в ушах зажужжало.

- Как Вы думаете, почему убийца вдруг изменил свои предпочтения? — спрашивает он, но не дожидается ответа. — Я не думаю, что они изменились. Нет. Понимаете, я считаю, что Ваш брат по-прежнему предпочитает хлопок. А что насчет Вас... Вы предпочитаете джут в своих шибари-сессиях. Верно? По крайней мере, это то, что мне удалось узнать.

Я сжимаю отрезок джутовой веревки в своём кармане, сердце грохочет в груди. Карсон не медлит.

- И сейчас, спустя два года, я снова нахожу на месте преступления веревку, где в качестве основного компонента используется что? Угадайте. У меня есть отчет, в котором говорится, что все веревки на последних сценах преступления были хлопковыми. Кроме одной. Первая жертва была связана джутом. Похоже, что в этом случае всё произошло с точностью наоборот, изменили порядок, чтобы восполнить этот пробел. Что думаете об этом?

- Пошел на хрен.

Слова вырываются из моего рта, оставляя горький привкус на языке. Карсон качает головой. Его улыбка становится шире.

- Человеческое поведение. Каждый реагирует на давление по-разному. Но улики никогда не лгут.

- Присаживайтесь, Колтон, - говорит он, указывая на стул. - Нам предстоит длинная ночь. Мы будем возвращаться к тому вечеру снова и снова, пока не проясним все факты.

Я могу выйти из комнаты прямо сейчас, потому что мне до сих пор не было предъявлено никаких обвинений. Но когда этому уже придет конец? Я устал, чертовски устал. И если это каким-то образом поможет ему получить информацию, необходимую для поимки преследователя Сэди, тогда я просто обязан это сделать.

Я беру стул и устраиваюсь поудобнее, предлагая детективу именно то, что он хочет.

- Теперь, - говорит он, усаживаясь на край стола, - что произошло между Вами и Джулианом? Что пошло не так?

Я не произношу ни слова. У него и так есть все ответы, которые ему нужны, он лишь ждет, когда будут готовы обвинения. Я убил Марни. Я запаниковал и использовал джут вместо хлопка. Это была моя ошибка, и это гвоздь в крышку моего гроба. Гроба, который дожидался меня в течение двух лет. Пора.

Когда я не отвечаю, Карсон тяжело вздыхает и произносит:

- Хорошо. Давайте попробуем по-другому. Что подтолкнуло Джулиана к решению убить свою подружку и повесить убийство на Вас?

Мой мир уходит из-под ног и начинает вращаться вокруг своей оси.

Правда

СЭДИ

Я выныриваю из воды и тянусь к телефону, лежащему на краю ванной.

На дисплее нет уведомлений о новых сообщениях. Я позволяю телефону упасть на коврик, а теплая вода принимает меня в свои объятия, когда я вновь откидываюсь спиной на холодную плитку. Несмотря на то, что неразумно продолжать называть ему, оставляя след, связывающий его с моим телефоном, я оставила Колтону два сообщения.

Не важно, как скоро, но Карсон узнает о связи между нами. Этот детектив слишком настойчив. Даже если Колтон избавится от моего клубного досье, всегда найдутся улики. Мы оставляем след везде, куда бы ни пошли, и на всём, к чему прикасаемся, остаются отпечатки. Вода бисером сбегает по моему предплечью, когда я приподнимаю запястье и провожу пальцем по мокрому браслету из веревки.

По какой-то причине, сидя здесь в абсолютной тишине ванной комнаты, моя потребность в Колтоне растет. Это болезненное одиночество вызывает тревогу и страх быть раскрытым отступает, заставляя меня отправиться к нему. Мне хочется, чтобы он был подальше от «Логова», пока оперативная группа ведет наблюдение за клубом. Я хочу, чтобы он был здесь, чтобы я могла защитить его от помешанных на карьере детективов. Я хочу его. Всё время.

Мои веки тяжелеют, но я борюсь с собой, чтобы не закрыть глаза. Колтон сказал, что прождет всю ночь, так поступлю и я. Я подожду, пока он не почувствует достаточную безопасность, чтобы показаться здесь. Я подожду до тех пор, пока он не поймет, что я не имею ничего общего с охотой на ведьм, которую устроил Карсон.

Звук капающей воды из крана затягивает меня в ощущение ложного спокойствия, и против своей воли я закрываю глаза. Резкий сигнал уведомления разрывается окутывающую меня атмосферу, и я подскакиваю, перегнувшись через край ванны, чтобы подхватить телефон.

Если чувство дежавю действительно существует, то оно приводит в ужас. Текстовое сообщение на горящем экране телефона заставляет меня прочувствовать весь этот ужас.

Неизвестный: *Привет, Сэди. Эти бездушные технологии такие обезличенные, не находишь? Но, не имея возможности пообщаться лицом к лицу, я полагаю, это сойдет за альтернативу. Пообщаемся?*

Двигаясь медленно и осторожно, я приподнимаю телефон, аккуратно выбираясь из ванной. В последний раз, когда Субъект отправил мне сообщение, он был достаточно близко, чтобы видеть меня.

Все мои органы чувств настороже, уши улавливают малейший шорох в квартире. Я хватаю полотенце с вешалки и заворачиваюсь в него, пытаясь создавать как можно меньше шума. Проскользнув в спальню, я достаю пистолет из кобуры и, взведя курок, прижимаюсь спиной к углу комнаты.

Зашторенное окно находится слева от меня, и я могу видеть гостиную через открытую дверь спальни.

Ещё один сигнал. Я делаю дрожащий вздох и смотрю на экран телефона.

Неизвестный: *Не стоит тратить наше бесценное время, пытаясь найти меня. Меня там нет, Сэди.*

Но он знает, где я. По-прежнему держа оружие наготове, я набираю ответ одной рукой. Я задаю самый важный вопрос.

Я: *Что ты хочешь?*

Неизвестный: *Тебя.*

Я: *Ты не получишь меня.*

Неизвестный: *Всему своё время. Но мне кажется, ты задаешь неправильный вопрос. Не столь важно «что», важно «почему». Возможно, тогда у тебя появится догадка.*

Я: *Хорошо, почему?*

Неизвестный: *Ты забрала кое-что у меня, теперь ты должна это возместить.*

Я: *Это невозможно.*

Неизвестный: *Это не невозможно.*

Я опускаю пистолет и прижимаюсь затылком к стене. Он говорит загадками.

Ему нравится оставлять след из хлебных крошек, но это слишком расплывчено для такого, как он. Есть какой-то мотив, цель, для которой он всё это делает. По какой причине он сейчас контактирует со мной?

Неизвестный: *Я восхищаюсь тобой, Сэди. Ты очень сильная женщина. Я знал, что тебя будет нелегко впечатлить, но надеюсь, что мои попытки заслужат*

некоторое твоё внимание. Именно по этой причине я выбрал то, к чему ты так неравнодушна: женщину, которую ты уважаешь. Уважение имеет очень большое значение.

Я: Ничего из того, что ты сделал, не впечатлило меня. Ты заимствуешь, нет, крадешь, идею у другого. Неоригинально уже в который раз. Хочешь впечатлить меня? Покажись. Прекрати играть в игры.

Если бы Куинн был здесь, он бы наказал меня за то, что я действую наперекор его советам. За то, что я практически приглашаю Субъекта наброситься на меня. Я осознаю это, понимаю, что в любой другой ситуации я бы поступила с точностью до наоборот. Но я также понимаю, что Неизвестный достаточно умён, чтобы предвидеть тактику правоохранительных органов. Если я хочу удержать его внимание на себе, там, где я смогу контролировать его действия, тогда я не могу не играть в эти игры.

Неизвестный: Опять же, всему своё время. Сейчас я хочу, чтобы ты сконцентрировалась на том, что мы можем предложить друг другу. Ты задолжала мне кое-что, и я могу предложить тебе понимание, убежденность, которые ты так ищешь. Я обещаю, ты не получишь то, чего так жаждешь от него. Он лишь простое отвлечение. От которого вскоре избавятся.

Моё сердце неистово колотится в груди. В попытке подавить страх, сдавивший легкие, я делаю медленные вдохи. Вдох. Выдох. Вдох и выдох. Я кладу телефон на кровать и спешно одеваюсь.

Субъект знает о Колтоне, я ничего не сделала, чтобы предотвратить это. И несмотря на то, что угроза в отношении него прозвучала в настоящем времени, Колтон до сих пор не связался со мной.

Я не знаю, где он. Этот страх показывает мою абсолютную уязвимость. Пальцы зависают над экраном, пока я решаю, каким будет мой следующий шаг. Мне нужна лишь одна нить, всего лишь один промах со стороны Неизвестного, который приведет меня к нему. Но моё время истекает, и раздаётся следующий сигнал сообщения.

Неизвестный: Тем, кому есть что терять, стоит опасаться. Ты понимаешь это, Сэди. Ты научила меня этому. Я собираюсь избавить тебя от того, кого ты боишься потерять больше всего. Полагаю, тогда мы будем квиты. Это мой подарок тебе...тот, кого ты боишься потерять больше всего...

Моя мать.

Понимание этого факта сбивает меня с ног, и я падаю на пол. Прижимая руки к груди, я делаю причиняющий легким боль вздох.

Я была такой дурой, полагая, что смогу перехитрить его, что смогу справиться с ним. Но существует одно принципиальное отличие между этим убийцей и остальными: он знает мои ходы. Нет никакого элемента неожиданности. Я ни разу не была впереди. И садистский ублюдок ставит меня перед выбором. Выбором, который в любом случае закончится моими страданиями. Вот в чем я точно уверена: он настоящий садист, неимоверно упивающийся моей агонией.

Со всей рациональностью, на которую сейчас способна, я, накинув кобуру через плечо и схватив сумку, пробегаю через гостиную. Несмотря на понимание, что это именно то, чего от меня хочет Субъект, я действую. Отдаюсь предопределенной судьбе, которая начинается с первого выбора.

Нас определяют принятые решения. Они требуют действий: готовы мы к ним, или нет. И неважно, как много времени понадобится, чтобы пережить трудные времена, наш выбор никогда не перестанет преследовать нас.

Кем я стану, когда наконец-таки отвечу за все свои решения, которые привели меня к этому? Кто останется, когда последний шаг в этом разрушительном путешествии будет сделан?

У меня нет ответа. В этот самый момент, когда передо мной стоит невозможный выбор, все дальнейшие последствия зависят от меня.

Разыскать Колтона или защитить мою мать.

Телефон снова вибрирует, получив новое сообщение.

Неизвестный: *Беги, Сэди. Беги.*

Субъект знает, какой выбор я сделаю. Он рассчитывает на него.

Поворот

СУБЪЕКТ

Ее приглушенный крик разносится эхом по комнате, отражаясь от каменной поверхности стен и наполняя прохладный воздух прекрасным звучанием. Он запоминающийся и изысканный, словно соло скрипки, вырвавшееся из оркестра. Соло исключительно для меня. Я решают присоединиться, - дуэты мне нравятся даже больше. Сложно устоять перед приглашением стать частью дуэта.

Она неотразима: запястья связаны, во рту кляп, стройное тело изогнуто, тонкие ноги широко разведены и уже покрыты моим любимым цветом.

Я провожу острым металлом по кремовой коже ее бедра, выпуская еще одну капельку красного, и она издает вызывающий мурашки крик, несмотря на кляп. Я ощущаю его костями, когда он достигает глубины души. Будоражит мою кровь. Мы как любовники, ласкающие друг друга в первый раз, предвкушая каждое прикосновение, воспламеняющее кожу. Ох, я не могу забыть о пламени.

Моя зверушка поникла всем телом, и я откладывают в сторону лезвие. Ее тело настолько стянуто напряжением, что заметно, как оно расслабляется. Мне доставляет невероятное удовольствие смотреть на то, как в ее блестящих глазах плещется страх. Одинокая слезинка скользит по ее щеке, я протягиваю руку в перчатке и стираю ее. Я оставляю свою ладонь на ее лице, и большой палец скользит под ее глазом.

У меня особое отношение к глазам, они словно окна, через которые можно разглядеть часть души, скрытой в глубине. Я должен заглянуть в них. Вы можете слышать ужас в крике. Всплеск испуга, от которого все тело начинает дрожать. Но страх в глазах ни с чем нельзя спутать. Вот почему я не против кляпа, когда он необходим, но я никогда не закрою глаза. Вы всегда будете видеть меня.

Я опускаю спичку к ее плоти, мышцы ее живота дрожат, пока она пытается увернуться от пламени, ядерживаю ее глаза открытыми, всматриваясь в глубину ее души. Мой увяддающий цветок, столько боли. Столько боли.

Я не знаю, упивалась ли Графиня пытками так же. Я не знаю ее причин - основу, мотивы. Предполагаю, часть этого было лишь безумием. Может, изъян от близкородственных браков в придачу. Добавьте детство, где она страдала от рук кого-то, кому должна была доверять, и у вас будет портрет одержимого психопата.

Иногда мое воображение уносит меня слишком далеко. С тех пор как ее стерли со страниц учебников по истории, словно известной Леди и не существовало, я должен довольствоваться своим творением. Я художник, в конце концов. И, конечно же, есть теории Сэди. Последний год я провел изучая, каким образом применить ее теории в своем творчестве, она такая же часть этого, как и я.

С моим искусством и ее навыками, мы будем непобедимой командой. И так как в этом великолепном дуэте нет места для третьего, то приближается время откланяться моему сообщнику. Навсегда.

Спичка гаснет как раз в тот момент, когда я добираюсь до лучшей части, и я выкидываю обгорелую палочку. Моя зверушка, насквозь промокшая потом и слезами, дергается в оковах пока не теряет сознание. Ее тело обмякло.

Так не пойдет. Я хватаю нашатырный спирт с рабочего стола и подношу к ее носу. Она возвращается к жизни. Словно заведенный мотор, моя маленькая зверушка набирает обороты, высвобождая новые волны криков. Они отзываются прямо в моем члене, и я внезапно чувствую напряжение в штанах.

Снова мое воображение начинает играть. Все возможности, которые мне предоставлены, ради моей любимой. Я нарисую сцену, и она будет в ней звездой. Когда мое лезвие окунется в кровь, она будет направлять мою руку. И когда я буду на пределе возбуждения, я забудусь в ней, пока не сломаю окончательно.

Из горла вырывается несдержаный стон. Накаленная страсть – самое лучшее. Напряжение увеличивается и увеличивается, достигая новых высот. При звуке расстегивающейся молнии, моя зверушка кричит. Она тоже знает, что это лучшая часть. Я вижу это в ее глазах.

Напряжение пульсирует вокруг нас. И, наконец, красавица узнала правильный ответ, она умнее остальных. Усиливай напряжение. Усиливай, пока не станет больно, пока ты не станешь молить об облегчении. Сладкое, сладкое напряжение. Затем по новой - отличной истории нужен поворот. Как только все персонажи на местах, время повернуть выключатель.

Взглянув на телефон на рабочем столе, я улыбаюсь. Моя любимая не глупа, она понимает, что я должен держаться от нее подальше. Это облегчение, которое она почувствует... ох, она поймет, что это была всего лишь уловка. Она будет так рада, что, возможно, не станет слишком злиться. По крайней мере, до тех пор, пока не станет свидетелем последней жертвы. Всему свое время.

Зеркало

СЭДИ

Возле меня суетится мама. Сквозь жалюзи проникает свет, окрашивая нейтральные цвета в насыщенно-теплые. На одну счастливую, мимолетную секунду мой разум — это чистый лист. Я снова ребенок, проснувшийся рядом с мамой, после того как проскользнула к ней в кровать ночью. И тогда, без предупреждения, словно я снова маленькая, настигает реальность ночи со всеми ее кошмарами.

Я подрываюсь в постели и смотрю на маму. Она все еще спит, в той же позе, в какой я ее застала, когда попросила медсестру отвести меня в ее палату. После сражения со сном практически всю ночь, нервного хождения по коридору, проверки ее каждую минуту я, наверное, наконец, сдалась.

Матрас прогибается, когда я соскальзываю с него и встаю с кровати. Направляясь сразу же к своему телефону, я обнаруживаю его разряженным. Черт. Я не додумалась захватить зарядное устройство и посадила батарейку, весь вечер называя Куинну. Я рассказала ему о новой угрозе Неизвестного, о том, что убийца выбирает жертву, связанную со мной. Каким-то образом мне удалось убедить его, что Колтон был в опасности, потому что я допрашивала его. Логика покинула меня из-за паники, и, вероятно, я выдала себя, но мне нужно было знать, что я сделала все возможное, чтобы Колтон был в безопасности.

Угроза Колтону казалась реальной. Я должна была отнестись к ней серьезно. Достаточно серьезно, чтобы Куинн и его группа были в боевой готовности.

Я удерживаю кнопку включения на телефоне, отчаянно пытаясь оживить его оставшимися крохами энергии. Когда ничего не выходит, я, выругавшись себе под нос, краем глаза смотрю на маму. Что-то в ярком утреннем свете уверяло меня, что она будет в безопасности. Знаю, это ложная уверенность. Но сейчас Субъект получает то, чего хочет; пришло время убедиться, что он больше не в состоянии дергать меня за ниточки.

Убрав телефон в задний карман, я наклоняюсь и целую маму в щеку. Кожа холодная на ощупь. Я теплее укутываю ее одеялом и ухожу.

Куинн сказал, что хочет закрыть меня дома под присмотром двух офицеров, поэтому я уверена, что моя просьба к одному из них присмотреть за мамой будет удовлетворена.

Медсестры думают, что я сошла с ума. Они настороженно смотрят на меня, пока я прохожу мимо стойки регистрации.

Ничего. Я не против того, чтобы на меня вешали ярлыки, но только пока они воспринимают мой бред сумасшедшего серьезно. Думаю, пистолет в кобуре способствует мне в этом.

Утренний час пик - это ад. Я делаю глоток кофе, радуясь тому, что в моей квартире он еще остался, машина продвигается вперед еще на один дюйм вперед. Включив полицейскую радио, я прослушиваю последние новости, пока сдохший телефон заряжается с помощью старого автомобильного зарядного устройства, которое я нашла дома.

Когда, наконец, загорается экран телефона, лежащий на пассажирском сиденье, я тянусь за ним, с нетерпением желая увидеть сообщение от Колтона. Я продвигаюсь еще на дюйм в пробке и смотрю на экран. Сердце уходит в пятки. Ни пропущенных звонков. Ни сообщений. Ничего.

Я хватаю рабочий телефон, и меня накрывает новая волна паники. Когда я звонила Куинну, он уверил, что они буду наблюдать за «Логовом» и Колтоном всю ночь. Он клялся, что подозрительной активности, о которой стоит волноваться, не было. Но если это правда, тогда почему Колтон не позвонил? Почему он не попытался связаться со мной?

Куинн поднимает трубку на втором гудке, и я сразу перехожу к делу.

- Где Колтон Рид?

- И тебе доброе утро, солнышко.

- Куинн, я не в настроении. Мне нужно знать его местонахождение.

Он со стоном отвечает:

- Рид здесь, Бондс. Я привез его прошлой ночью.

Первой моей реакцией был сладкий выдох облегчения - Колтон в безопасности, но затем резкая, как взрыв, ярость.

- Ты солгал мне, - прорычала я.

- Я не лгал. Я сказал, что мы внимательно присмотрим за ним и клубом. Что мы и сделали.

Я слышала, как что-то затрещало на другом конце линии, и он замолчал, а моя ярость возросла.

- Послушай, тебе нужно отдохнуть. Мы все держим под контролем. Я посвящу тебя в курс дела, когда ты доберешься сюда.

Мы. Он и Карсон.

Я больше не могу ждать и слушать его чушь. Сбрасывая звонок, я кидаю телефон на сидение, оглядывая пробку. Почему, черт возьми, у меня нет полицейской сирены?

Нажимая на клаксон, сигналя впереди стоящей машине, я заставляю ее немного проехать вперед, затем направляю автомобиль на разделительную полосу. Я буду ехать по встречке, если понадобится.

В департаменте этим утром не так многолюдно, и я, в полной мере воспользовавшись этим, иду прямиком в сторону комнат для допросов. Заглядываю в первые две, прежде чем нахожу Куинна в смотровой третьей из них.

- Ты должен отпустить его, - говорю я без прелюдий. - У Карсона на него ничего нет, и ты это знаешь. Не могу поверить, что он и тебя втянул в эту охоту на ведьм.

Я подхожу к Куинну, но зрешице по ту сторону стекла останавливает меня.

Колтон сидит за столом в одиночестве. Его лицо бледное. Темные круги под глазами оттеняют кожу. На нем та же одежда, которую я видела вчера, его темные волосы выглядели так, словно он всю ночь ерошил их руками. Несмотря на его изможденный вид, он все еще казался спокойным и настороженным. Он сильный. Колтон сильный. Его плечи напряжены. Спина выпрямлена, а не сгорблена. По одной его позе можно понять, что Карсон не сломал его. Но, ох... кажется, я собираюсь сломать Карсона.

- Где Карсон? - спрашиваю, поворачиваясь к Куинну.

Он вздыхает.

– Это была долгая ночь, Сэди. Сбавь обороты.

Я скрещиваю руки на груди.

- Ты хочешь, чтобы я сбавила обороты? Ты приводишь неподготовленного придурка-детектива на дело, связанное с кровной местью, за моей спиной и хочешь, чтобы я остыла? - я захлопываю рот, прерывая напыщенную тираду. – Где, черт возьми, Карсон?

Я медленно произношу каждое слово, убеждаясь, что он слышит, насколько я оскорблена.

- Боже, Бондс, - Куинн внимательно смотрит на меня. – Меня не волнует, насколько он самоуверен. Черт, мне даже похер, если он будет танцевать перед камерами, когда мы поймаем убийцу. Меня волнует лишь то, что, пока мы не поймаем этого ублюдка, ты будешь в безопасности!

Я моргаю. Открываю рот, но почти сразу я закрываю его.

- Куинн, мы работали с таким делами и раньше.

- Не с таким, - отвечает он, его ореховые глаза решительно смотрят на меня.

Смотровую комнату наполняет напряженное молчание, и я поворачиваюсь к зеркалу одностороннего видения. Лишь кусок стекла отделяет меня от Колтона. Лишь эта тонкая панель. Но, по правде говоря, нас разделяют океаны. Мой грех отделяет меня от всех, особенно от Колтона.

Я смотрю на Куинна, боясь увидеть жалость в его взгляде, но все же непреклонно продолжаю смотреть.

- Прошлую ночь была уловкой, чтобы удержать меня подальше от департамента, Куинн. У тебя есть догадки почему?

- Есть, Сэди. Поверь мне, я не такой тупой, как ты думаешь. Старый и покрытый ржавчиной, но я все еще в игре.

Мы оба улыбаемся, и это немного ослабляет удушающие тиски охватывающей меня истины.

- Да, я работаю над тем, почему тебя необходимо держаться подальше, так что мне нужен твой рабочий телефон, Бондс.

Я киваю.

- Я свяжусь с техниками. Они могут отследить...

- Нет, - отрезает он и, подходя ко мне, протягивает руку. - Ты должна отдать его мне.

Опешив, я смотрю на него, прищурив глаза.

- Ты о чем?

Громко выдохнув, Куинн растирает заднюю часть шеи.

- Ты отстранена от дела.

- Черта с два. Я единственная ниточка, которая у тебя есть... единственная, с кем контактировал Субъект...

- И именно поэтому я отстраняю тебя.

Мы долго смотрим друг на друга, и ни один из нас не готов уступить. Затем Куинн нарушает тишину и кивает в сторону Колтона.

- Ты связана с ним.

В его голосе четко слышится обвинение. Я не колеблюсь.

- Да.

Это и нужно было сказать. Не думала, что смогу произнести это вслух.

Куинн качает головой.

- Тогда ты не можешь здесь находиться, Бондс. Мне плевать, когда это произошло и как, но факт в том, что ты должна уйти. Сейчас же.

- Так это и есть настоящая причина, - отвечаю я.

В моем животе гноится клубок разочарования.

- Ты хочешь провести еще одну ночь, опасаясь за людей, связанных с тобой? Или боясь следующего сообщения? А что насчет всех этих жертв? Все эти женщины... ты хоть думала, что все может закончиться на тебе?

Куинн отворачивается, линия его челюсти напряжена. Когда он снова смотрит на меня, я вижу, что он сдерживается изо всех сил.

- Мне нужно отстранить тебя от дела, чтобы я, блять, наконец, начал четко выполнять свою работу.

Дверь в комнату для допросов открывается, привлекая наше внимание к стеклу.

- Кто, черт возьми...? - спрашивает Куинн.

Я провожу трясущейся рукой по волосам, пытаясь сосредоточиться.

- Адвокат Джюлиана Рида, - отвечаю я ему. Он поворачивается ко мне.

- Может, ты и предоставил Колтону право телефонного звонка, а, может, и нет. Но Джюлиан не был поставлен в известность. Его брату нужно было знать, что Колтона привезли сюда.

На лице Куинна вспыхивает ярость, его ноздри раздуваются.

- Пошла вон.

Я вздергиваю подбородок, хотя, надо признать, я потрясена его краткостью. Несмотря на это, я держу свои доводы при себе, подстегивая свою решимость.

- Ты единственный, кто попросил меня покопаться в его прошлом, Куинн. И то, что я обнаружила, может обернуться для тебя проблемой. Его работа, его прошлое, наша связь... все может выглядеть подозрительным, потому что это вращается вокруг того, что ты считаешь рискованным. Это не укладывается в твой уютный и упорядоченный мирок. - Я подхожу ближе к Куинну на шаг. - Но это не повод подвергать его допросу. У Карсона нет существенных доказательств, указывающих на него или его брата.

- Нет, существенных нет. Но мы исследуем каждую нить, Бондс. И исследуем все, пока не придем к логическому завершению, а ты вмешиваешься в полицейское расследование. Ты это понимаешь?

Куинн делает паузу, позволяя мне осмыслить значение своего действия.

- Я не позволю Карсону тут командовать. Колтон Рид связан не только с подозреваемым по другому делу, он еще и сосед жертвы. Эта зацепка ведет за пределы клуба, который мы должны изучить. Просто так сложилось, что один и тот же человек связан с двумя делами. На мой взгляд, слишком много совпадений, и я собираюсь проанализировать все эти зацепки. Это моя работа.

Я стискиваю зубы, не в состоянии отрицать его выводы. Это и так выглядело плохо до того, как обнаружилась связь Колтона с предыдущим делом. Теперь... мне понадобится что-то посередине косвенных улик, чтобы убедить Куинна в невиновности Колтона. Он разгрызет кость и высосет костный мозг, пока не исчерпает эту теорию. Так он работает.

- К тому же, - продолжает Куинн. - Неизвестный связался с тобой, пока Колтон был у нас в комнате для допросов. Ты не задумывалась, почему? Подумай.

Я провела большую часть ночи, раздумывая. Возвращаясь в прошлое, вновь переживая последние две недели. Анализируя все, что я могла пропустить два года назад, до той секунды, когда пришлось охранять маму от убийцы-садиста. И действительность такова, что Джюлиан вполне мог быть причастен, но у меня есть сомнения, что так считает и Карсон. Только Куинн не поймет этих сомнений. Не без ключевого куска информации, которая у меня есть, связь, которую я в состоянии была открыть вчера. С этой информацией оперативная группа могла бы сузить круг подозреваемых, но это означает свидетельствовать против себя. Будь проклята эта необходимость выбора.

- Карсон думает, что Джюлиан пытается выгородить брата. Ты понимаешь, как абсурдно это звучит? - спрашиваю я. – В скольких делах о серийных убийствах, в которых ты участвовал, убийца кого-то выручал?

Куинн прошелся рукой по лицу.

- Это единственная зацепка, которая у нас есть.

Выбор сделан. Я глубоко вдыхаю.

- Нет, не единственная, - говорю я, и он смотрит на меня. - Лайл Коннели.

- Лайл Коннели. Лайл Коннели, - он повторяет имя, пытаясь найти связь. -

Почему оно мне кажется таким знакомым?

- Два года назад, в Роанoke, я составляла досье на убийцу, и Коннели подходил под профиль.

Куинн покачал головой.

- Черт, Бондс. Только не это, - он стонет, отворачиваясь от меня.

- Просто... - я опускаю голову, затем снова смотрю на него. – Проработай его файл, Куинн. Внеси правки, чтобы он соответствовал портретам двух убийц и работай над ним.

Адвокат стучит по стеклу, и Куинн стучит в ответ, давая понять, что уже идет. Затем он вновь протягивает мне руку.

- Твой телефон.

С заметным разочарованием я достаю из заднего кармана телефон и швыряю тот ему.

Его губы плотно сжаты, взгляд скользит по мне.

- Выметайся и держись подальше от этого дела, Сэди.

От его последних слов в спине появляется напряжение. У нас с Куинном были свои разногласия, мы не всегда сходились во взглядах, но будь я проклята, если не давала ему возможности доказать, что он не только лучший детектив, но и лучший мужчина.

Больше не проронив ни слова, я ухожу из смотровой комнаты, пока Колтона сопровождает по коридору адвокат Джюлиана. Наши взгляды встречаются, и на

мгновение я замечаю в его бледно-голубых глазах стыд. Я столько хочу сказать, чтобы избавить его от этого чувства... но сейчас не самый подходящий момент.

Я кратко улыбаюсь ему, прежде чем он уходит в противоположном направлении. Жгучая боль наполняет мою грудную клетку, я прижимаю к ней ладонь, пытаясь разорвать связь с Колтоном. Было бы проще, если бы он не был замешан во всем это. Мне никогда не приходилось раньше задумываться о случайностях, или я сама не позволяла себе размышлять об их губительности.

Однажды я уже пострадала, работая над делом. Столько вариантов, столько возможных путей..., и я выбрала именно тот, где невозможно забыть, что такое связь с жертвой. Я думала, это и есть выживание, но мой похититель понял это. Монстр не спал. К черту все. Весь департамент может сплетничать, если хочет. Я иду за ним, мои ноги двигаются в самом правильном за всю мою жизнь направлении.

Карсон был прав в другом: интуиция по-прежнему самый надежный инструмент. И с тех пор, как я залезла в прошлое Колтона, внутренний голос шептал, чтобы я защитила его. Неважно, смогу я оправдать его или нет, несмотря на то, что у меня на руках сравнительный тест от Эйвери на его веревку, он не убийца.

Я не так сильна, как была когда-то, не настолько уверена в своей цели. Прошлые дела лишили той страсти, которую я когда-то испытывала к своей работе. Но я выкована из боли и страданий, и это единственное, что я могла распознать в другом человеке. Колтон страдал. Его боль говорит со мной. И она говорит больше, чем мы можем позволить себе озвучить.

Колтон останавливается у стойки регистрации, чтобы забрать свои вещи, и я знаю, он чувствует меня, хоть и не смотрит в мою сторону.

- Я устал, Сэди, - произносит он.

- Знаю, - я вкладываю свою руку в его ладонь, и он крепко ее сжимает. - Я отвезу тебя домой.

Я замечаю грубую повязку и смотрю вниз. Его рука перемотала бинтом.

- Это Карсон сделал?

- Нет, - отвечает он быстро. – Я решил разобраться с зеркалом в клубе.

Я поднимаю его руку и целую перебинтованные костяшки, затем его ладонь.

Колтон смотрит на меня.

- Боже, я так волновался. Ты - все, о чем я думал. Я бы не позволил им себя задержать, если бы хоть на секунду поверил... - он замолкает, тяжело выдыхая. - Я остался только потому, что этот гребаный детектив поклялся, что ты в безопасности. Он сказал, что ты была с родственницей, и ты знала, что я здесь, поэтому подумал, что ты хотела, чтобы я здесь находился.

Чертова телефонная слежка. Чертов Карсон.

- Я не знала, Колтон. Если бы знала, я бы приехала раньше.

Он улыбнулся, от этой улыбки сжалось сердце.

- Ты позвонила моему брату.

- Пришлось. Ты был несколько часов в камере допросов... Я не знала, что ты мог сказать. Тебе нужен адвокат. Почему ты не позвонил ему?

Или мне, так и хотелось спросить у него. Но думаю, я понимала, почему он не сделал этого. Стыд все еще наполнял его глаза, раскрывая причины. Его лицо было напряжено.

- Я не позвонил, потому что... ты не знаешь моего брата.

Я позволяю неопределенному заявлению повиснуть между нами, все еще не готовая влезать в область причастности его брата ко всему этому.

- Собирай вещи. Едем.

Он притягивает меня ближе и шепчет:

- Делай свою работу, богиня. Я буду здесь, когда ты закончишь. - Нежно поцеловав в лоб, он крепко обнимает меня. - Я все еще жду тебя.

Затем он отпускает мою руку и направляется к выходу.

Его посып понятен. Он резонирует глубоко в моей душе. Делай свою работу. Найди человека, который оплетает свою сеть вокруг нас обоих. У меня нет всех фактов, но я предоставила Куинну достаточно, чтобы покачнуть первую костяшку в этом домино.

По дороге к своему кабинету я прохожу мимо кабинета Карсона и останавливаюсь. Фраза, брошенная Колтоном лишь мгновение назад, обрушивается на меня. Прошлой ночью у меня не было с собой телефона, выданного департаментом. И я знаю точно, несмотря на свои усталость и испуг, что не раскрывала своего местоположения.

Острая боль пронзает живот, я оборачиваю руку вокруг талии, желчь подкатывает к горлу. Я заглядываю в его офис, но жалюзи все еще закрыты, с того момента, когда я сама закрыла их. Я прокручиваю последние две недели в уме, пытаясь вписать Карсона в места преступлений, переходя к сообщениям, уликам, пока захожу в его кабинет и захлопываю за собой дверь.

- Боже, - он поднимает глаза от компьютера. - Ты когда-нибудь думала о том, чтобы стучаться?

- Беги, Сэди, беги? - выплевываю я.

Стоит отдать ему должное, он ведет потрясающую игру. Его лицо искажается в неподдельном выражении удивления. Он встает, руки уперты в стол.

- Что?

- Не надо. Просто не надо, Карсон.

Я останавливаюсь на середине кабинета, глаза замечают сдержаный декор. Аккуратно организованный стол. Словно у него ОКР, ручки разложены в ряд вдоль файлов. Затем я фиксирую свой взгляд на нем.

- Когда ты успел тайком стащить мой телефон и раздобыть мой номер? В машине? В клубе? Или на месте преступления вчера?

Выпрямившись в полный рост, он засовывает руки в карманы и обходит стол. Я делаю шаг назад, и он останавливается, выглядя оскорбленным.

- Сэди, честно говоря, я не понимаю, о чем ты говоришь. Это как-то связано с сообщениями? - тогда я просто продолжаю смотреть на него, он произносит. - Ты расстроена. Может, тебе стоит присесть...

- Я в порядке. Скажи мне, откуда ты узнал, где я была прошлой ночью. Ты сказал Колтону, что я была с родственницей. Никто этого не знал, Карсон. Я ни разу не упоминала об этом...

- Черт, Сэди. Ты сделаешь все возможное, чтобы вышвырнуть меня из этого дела, не так ли? - он устремляется вперед, в доли секунды заставляя меня вжаться в стену. - Я предложил твоему парню чуточку душевного спокойствия. Подумал, что, если он не будет беспокоиться о тебе, я мог бы заставить его говорить. Я думал... - он подобрался еще ближе, нависая надо мной, - что оказываю тебе услугу. Если бы я знал, что мне сегодня надерут зад, я бы мариновал парня всю ночь.

Шумно втянув воздух, я держу голову приподнятой, глаза пристально смотрят на него.

- Ты все еще не ответил на мой вопрос.

Вонзив зубы в нижнюю губу, он улыбается.

- Ты делаешь из меня подозреваемого?

Он смеется, и я стискиваю зубы.

- Откуда ты знаешь, где я была?

Его улыбка меркнет.

- Гребаный ад, ты создаешь для моей задницы проблемы, знаешь, да? - он долго выдыхает. - На твоей машине устройство слежки. Поняла? Оперативная группа знала, где ты была прошлой ночью. И оказалось не слишком трудно выяснить, у кого ты там была, учитывая, что Эмили Бонд зарегистрирована под своим настоящим именем.

Черт. Я закрываю лицо ладонями, делая глубокий вдох.

- Эй, - обращается Карсон, обхватывая рукой одно мое запястье. - Все в порядке. Ты находишься под большим давлением. То есть, это дело достает всех. Но чертов убийца выделил тебя лично. Без обид, хорошо?

Из моего горла вырывается нервный смешок.

- Я схожу с ума, - произношу я и смотрю на Карсона. По-настоящему смотрю. Самодовольное, мальчишеское очарование и все. - Ты слишком высокомерен, чтобы быть реальным подозреваемым, Карсон. Слишком прост, слишком. Если бы обвинили в преступлениях тебя, настоящего убийцу хватил бы инсульт.

Его ладонь на моем запястье сжимается сильнее.

- Не совсем понимаю, мне расценивать это как комплимент или наоборот, Сэди?

- Ну, - отвечаю я, вырывая руку из его хватки. - На секунду ты был почти человеком, но думаю, ты можешь воспринимать это так, как тебе вздумается.

- Может, так и сделаю.

Его взгляд опускается ниже, путешествуя по моей груди.

- Боже. Повзрослей, Карсон.

Я прижимаю руки к его грудной клетке, чтобы оттолкнуть его, но он стоит на месте. Затем его рука обвивает мою талию, скользя под жакет.

- Что не так? Я думал ты любишь пожестче. Или ты такая только с подозреваемыми?

Его ладонь опускается ниже, пальцы проникают под пояс джинсов, чтобы прикоснуться к коже. Другой рукой Карсон обхватывает мое запястье, поднимает его вверх и замечает намотанную веревку.

- Может, мне стоит рассказать все самые грязные полицейские штучки, что я вытворял, а затем связать тебя? Это будет достаточно высокомерно для меня? Предположим, я знаю, что ты любишь. Но по тебе и так все видно, Сэди. Думаю, я раскусил тебя. Мы могли бы вернуться в клуб, исчезнуть за углом, и я буду трахать тебя пальцами, пока ты не кончишь...

Мое колено встретилось с его пахом, прервав речь Карсона. Он согнулся пополам, и я оттолкнула его.

- Ни за что, даже если бы ты был последним высокомерным ублюдком на планете, салага.

Обхватив руками промежность, Карсон кашляет и опирается плечом о стену. Когда я подхожу к двери, он говорит:

- Вот так ты меня и отстраняешь от дела?

Стоя спиной к нему, я отвечаю:

- Это меня отстранили от дела, Карсон. Теперь ты номер один у Куинна.

Затем без объяснений я покидаю кабинет. Он скоро узнает, что Колтон ушел, и я ответственна за это. Я не уверена, пытался ли Карсон добиться признания от Колтона или пытался взбесить Джулиана. Ни то, ни другое не удивило бы меня. У него серьезный стояк на "того, кому все сошло с рук".

Я прохожу мимо Куинна по пути к своему месту. Наши взгляды встречаются, что-то недосказанное витает между нами. Оно тяжелое и наполнено недопониманием. Но я все еще верю в то, что он проработает профайл и не позволит теориям Карсона запудрить свои мозги, даже если это дело похоронит его. Может, его вера в меня

вернется, как только он начнет копать вокруг Лайла Коннели. А до тех пор я буду прорабатывать эту версию в одиночку.

Я расчищаю стол и достаю папки. Выгружаю всю работу на лэптоп, выдергиваю его из розетки, запаковывая. Затем оставляю записку на столе, объясняя Куинну, что беру пару отгулов. Остальные дела могут подождать. Я отправляю сообщение Векслеру, подтверждая то же самое, затем оставляю телефон от департамента рядом с запиской.

Я чувствую пару любопытных взглядов и приподнятых бровей, пока выхожу через КПП. Прохладный ветерок встречает меня на парковке. Я вдыхаю аромат осени и решаю, что новый офис хорошо было бы разместить на свежем воздухе.

Загружаю все свои папки и лэптоп на заднее сиденье, затем обхожу машину и шарю рукой вдоль шасси, пока не нахожу GPS-трекер. Я отрываю его и держу перед собой. Чертов Куинн. Черт бы побрал всех копов.

Бросая устройство на землю, я раздавливаю его, проклиная Куинна за то, что дал Карсону разрешение на установку трекера. Возможно, он действовал из лучших побуждений, пытаясь защитить меня на время этого безумия, но Куинн должен был хорошенько подумать.

Одна из последних линий профайла указывает, что Субъект может быть сотрудником правоохранительных органов. Разгорающаяся потребность Куинна в контроле и моей безопасности не должна затмевать его разум.

Теперь, сидя за рулем, я тянусь на заднее сиденье и хватаю папку, лежащую сверху.

Я открываю папку Марни Холлоуэй и начинаю прорабатывать новый профайл. Если я собираюсь встретиться лицом к лицу с Колтоном и убедить его, позволить мне помочь ему... значит, мне понадобятся все болезненные, жесткие факты. Все, от чего он убегал последние два года.

По стеклу раздается громкий стук, и я вздрагиваю.

Я отрываюсь от таблицы и вижу техника из лаборатории. Черт. Прижимая ладонь к груди, я пытаюсь отдышаться, прежде чем опустить стекло.

- Черт, ты напугал меня, Саймон.

- Простите, Агент Бондс. Я слышал, что Вы уходите... - он замолкает, вежливо пытаясь скрыть, как быстро по департаменту распространяются слухи. - И хотел передать Вам это сообщение от Эйвери, пока Вы не уехали.

Он протягивает мне запечатанный конверт.

- Спасибо, а ее, что, нет сегодня?

Мужчина кривится.

- Она позвонила утром и сказала, что заболела.

- Что?

Даже когда Эйвери плохо себя чувствовала, она никогда не брала выходной. Она почти такая же, как и я. Волна вины накатывает на желудок за то, что наседала на нее с анализом веревки.

- Знаю, о чём Вы подумали. Скорее ад замерзнет, - он ухмыляется, машет на прощание и уходит.

Я прикрепляю заметку в ежедневник и возвращаюсь к анкете и информации, которые удалось достать по последней жертве Роанокского убийцы. Я тянусь за телефоном, чтобы позвонить ей, но проклятье... у меня нет телефона. Если Эйвери достала мне результаты до того, как слегла, она богиня. И я буду должна ей тысячу бокалов выпивки.

Освобождение

КОЛТОН

Я просыпаюсь с мыслями о Сэди. Потрясающие нефритовые глаза. Мягкие, нежные изгибы. Обезоруживающе хрупкая. Она боролась с демонами в этом ебанутом, не пригодном для нормальной жизни, мире. Настолько красивая, что это причиняет мне боль.

Я вскакиваю с дивана, вспоминая о том, что она сделал вчера. Она подарила мне свое доверие. Без вопросов. Ох, уже эти вопросы; она бихевиорист, та, кто должен измерять и анализировать до тех пор, пока все кусочки мозаики не встанут на свое место. И она во всем разберется. Даже без меня заполнила пробелы, она так умна, сделала все, что не смог сделать этот придурок-детектив. В тот момент, когда уже не было возможности повернуть обратно, она выстояла.

Даже когда Карсон приводил доказательства моей вины, ее доверие оставалось непоколебимым. Черт, Карсон, вероятно, до сих пор вышагивал в комнате для допросов, выискивая хоть одно доказательство, чтобы пришить его к делу. Нет никаких совпадений, есть моменты времени, о которых я хочу забыть. И есть лишь некоторые вещи, которые мне бы хотелось сохранить в памяти навсегда.

И пока я сижу тут, мечтая о тех вещах, которые, возможно, приведут меня к гибели, Сэди там пытается докопаться до правды. Между нами словно протянулась веревка, крепко связывающая меня с ней. Джюлиан прав, она в состоянии уничтожить меня. И я не могу ничего изменить, я чувствую, что внутри меня есть немного от мазохиста, ожидающего ее наказания.

Проведя рукой по подбородку и почувствовав щетину на лице, я проверяю время на телефоне, после чего направляюсь в ванную принять душ.

Я опоздал на работу на целый час, но, думаю, Джюлиан меня простит. Даже после того как я ударил его, после прошлой ночи, он мне все еще должен.

В гостиной сидит Джейферсон, когда я выхожу из душа, с полотенцем, накинутым на плечи. Я откидываю назад влажные волосы и киваю ему.

- Долгая ночь, братишка? – спрашивает он, оглядывая мой по-прежнему потрепанный внешний вид.

- Долгих два дня, – говорю я. Падаю на диван рядом с ним и только сейчас замечаю, что он держит в руках листок бумаги. – Что это?

- Это для тебя. Подсунули под дверь. Я прочитал немного, только для того, чтобы понять, что записка предназначена тебе. Но дааа... В общем, не похоже, что это дружелюбный тип. - Он наклоняется, чтобы отдать листок мне, и я замечаю, как дрожат его пальцы. - Слушай, мужик. Я не знаю, что случилось, но что-то пиздец какое серьезное происходит сейчас. Думаю, стоит свалить из города, хотя бы на время.

Пока я читаю записку, в ушах шумит кровь. И я вынужден сказать:

- Да, это неплохая идея.

- Ты мог бы уехать, – говорит он, поднимаясь. – Выбраться из города на время. Пусть дела с твоим братом постынут.

Нет. Этого не произойдет.

- Я в порядке. – Смотрю, как он пожимает плечами и направляется в сторону своей комнаты. – Но все равно спасибо.

- Просто выбрось это, – кричит он.

С трудом дочитав записку до конца, я вскакиваю с дивана и бросаюсь в свою комнату за вещами. На ходу натягивая одежду, я выбегаю из дома с все еще мокрыми

после душа волосами. Ночной воздух бодрит, освежая влажную кожу и прогоняя последние остатки сна.

Я осматриваю улицу. Никого. Вот дермо. Блять. Набираю номер Сэди, долго слушаю гудки. Ответь. Ответь. Вызов переключается на голосовую почту, я набираю номер снова. Когда я, наконец, добираюсь до ее квартиры, у меня вибрирует телефон. Я останавливаюсь, открываю и читаю сообщение. Отправитель неизвестен.

Там только картинка. Без текста. Изображение из комнаты вуайеристов в нашем клубе. Когда я увеличиваю изображение, я вижу Сэди, которая сидит за столом и смотрит на сцену. Кто-то наблюдает за ней. Мое сердце яростно стучит в груди, пока я бегу в сторону клуба. Еще одно чертово сообщение приходит на телефон. Я не могу это остановить.

Колтон,

Она особенная, правда? Так жаль, что мы не можем ее разделить, я никогда не делюсь своими игрушками. Сейчас зверушки... в этот раз будет все по-другому. Я ломал свои игрушки годами, но она воплощение красоты, и я так благодарен за то, что ты мне ее подарил. У меня тонкий вкус.

Ты заслуживаешь высшей похвалы за эту работу. Хоть я и льщу тебе, ведь, по сути, ты ничего не сделал.

Но я ценю твои чувства. Для меня это столь ценно, что я даже думал сделать тебе ответный подарок. Я знаю, что полиция играет с тобой, они воздадут тебе по заслугам, ты получишь от них свою награду. Кто бы мог подумать, что какой-то моток веревки способен доставить тебе столько неприятностей?

Возможно, в следующий раз ты будешь более внимателен к деталям. Это так неправильно, Колтон, разочаровывать настоящего профессионала. Мы склонны принимать все близко к сердцу.

Я хочу выразить тебе благодарность, без тебя я, возможно, не заметил бы ее. Она любит оставаться в тени, делая свои маленькие грязные дела. Прямо у всех под носом. Она так хитра. Не могу дождаться, когда смогу показать ей мои трюки.

С уважением, (как там она меня называет?) Субъект.

Под тяжестью моих шагов чуть ли не проминается асфальт. Я даже не дышу, не могу сделать вдох, до тех пор, пока не окажусь с ней. Прямо сейчас этот больной ублюдок, написавший письмо, находится там. Рядом с ней. А я все еще так далеко.

Поворачивая за угол здания, я врезаюсь в кого-то. Пропихиваясь мимо, я бормочу извинения, но не останавливаюсь. Пульс стучит в ушах, в унисон басам из клуба. Я дергаю дверь и быстро пробираюсь сквозь толпу. Не замедляясь ни на секунду, я поднимаюсь по лестнице и направляюсь прямиком в комнату вуайеристов в конце коридора, в которой сейчас находится Сэди. Теперь я замедляю шаг, заставляя себя успокоиться и выровнять дыхание. Осторожно я пересекаю коридор.

Как только я вхожу в комнату, то начинаю осматриваться по сторонам, внимательно вглядываясь в каждого человека, за каждым столом. В каждого, кто стоит у стены, в каждого, кто на сцене. Затем я пробираюсь к столу Сэди.

Женщина в рыжем парике пьет розовое шампанское из бокала на высокой ножке. Но это не она.

- Как долго Вы здесь? – вопрос срывается с моих губ вместе с тяжелым вздохом.

Откинув голову назад, она смотрит на меня, чуть нахмурив лоб. Затем на ее губах появляется легкая улыбка.

- Всю ночь, если Вы захотите. Но я бы предпочла, чтобы мы...

- Как долго? - требую я.

Ее улыбка меркнет.

– Не знаю. Около получаса.

Меня охватывает паника. Я еще раз внимательно исследую комнату. Потом беру телефон и еще раз внимательно изучаю изображение. Это Сэди. Без парика. Без всякой маскировки. Это определенно она. Я поворачиваюсь в сторону бара, чтобы расспросить Оникс... и замираю. Сердце готово вырваться из моей чертовой груди.

Сэди стоит у бара, ее волосы зачесаны вверх, обнажая плечи и часть шрама, который исчезает под ее черным платьем. И если не знать о его существовании, то, скорее всего, вы его просто не заметите, уж слишком красиво ее тело. Именно оно поглощает ваше внимание. И я стараюсь охватить все это. Мои глаза хотят насладиться ею, мои губы хотят целовать ее. Более того, она словно удар током, проходящий через все мое тело, она воплощение всех моих желаний, один ее вид приводит меня в смятение.

Я решил, что это именно то, что и должно было произойти, и я направляюсь к ней. Ее глаза расширяются, она судорожно глотает воздух. Я прижимаю ее к себе, мои руки сначала скользят по ее талии, по спине, затем я касаюсь ее лица. Я хочу прикоснуться к ней везде.

- Я знаю, что заставила ждать тебя слишком долго, – говорит она, пытаясь чуть отстраниться от меня.

- Я собираюсь поцеловать тебя, – говорю я. – Прямо здесь, посреди комнаты вуайеристов, на глазах всех этих людей.

Если этот ублюдок все еще здесь, я надеюсь, что он видит. Он не посмеет к ней прикоснуться, пока я рядом.

Она облизывает губы, и я воспринимаю это как разрешение. Мой рот касается ее губ. Я пробую ее вкус, ласкаю ее рот. Мой внутренний демон не может насытиться ею. Я потерялся. Я просто потерянный человек. Я умер в ту ночь, когда Марни была убита. И с тех пор я бродил по земле, словно призрак. И только Сэди смогла воскресить меня. Вряд ли я когда-нибудь смогу ею насытиться; я с трудом отрываюсь от ее губ и смотрю ей в глаза.

– Я дам тебе все, что ты хочешь... стоит лишь попросить. Просто не оставляй меня сегодня ночью.

Ее взгляд замирает на моем лице.

– Я никуда не уйду.

Взяв ее за руку, вывожу ее из зала, по направлению к комнате с веревками. В мою личную комнату, в мое святилище, в то место, куда лишь я один имею доступ.

Я отпираю дверь ключом, открываю ее и затягиваю Сэди внутрь, отгораживая нас от угроз внешнего мира. Заперев дверь на замок, я прижимаю руки к ее деревянной поверхности.

- Убийца где-то в клубе. По крайней мере... был, – признаюсь я.

– Что? Откуда ты знаешь?

- Он прислал мне твоё фото из клуба. Как давно ты здесь?

- Пару часов, как минимум. Но откуда ты знаешь, что это он?

- Ты не отвечала на мои звонки.

– У меня нет телефона. Теперь расскажи мне все.

Мои ладони все еще упираются в дверь, как будто я смогу защитить ее с помощью этого барьера.

- Видимо, я сделал что-то, что разозлило его. И, видимо, теперь мне придется заплатить за это.

Перед моими глазами все еще стоит образ Сэди в клубе, я сжимаю зубы. Этот ублюдок знает мои болевые точки и успешно играет на этом.

Я чувствую ее руку на моем плече.

– Скажи мне правду.

Положив свою руку поверх, я обхватываю ее пальцы и поворачиваюсь к ней лицом.

- Я не знаю, с чего начать, - честно отвечаю я.

- Начни сначала.

Она выдергивает свою руку из моей и немного отступает вглубь комнаты, осматриваясь. На этот раз она не шокирована, когда озирается по сторонам, с любопытством оглядывая оборудование. Ее взгляд скользит по игрушкам и веревкам с интересом, а не с опаской. Сэди протягивает ко мне руку, и я с удовольствием соединяю наши пальцы вместе.

- Колтон, ты снял с меня оковы, и ты даруешь мне капельку внутренней свободы каждый раз, когда мы вместе. Поэтому что бы ты ни сказал, ничто не сможет изменить этого.

Судорожный вздох наполняет мои легкие воздухом.

- Это все чего я желал, богиня. Я просто хотел показать тебе, как ты прекрасна, какой я вижу тебя. И если теперь я должен понести покаяние, испытывать страдания – оно того стоило.

Ее улыбка заставляет мою кожу пылать, и я ненавижу то, что собираюсь сделать дальше.

Я не могу повернуть назад. У меня нет выбора. Фотографии, смс... гребаный садист преследующий ее... это моя вина. Это я втянул ее во все это, и я должен это закончить.

- Я убил Марни.

Слова повисли в воздухе, словно клубы дыма после взрыва. Мое сердце оглушительно колотилось в груди, эхом отдаваясь в ушах. И я продолжил, чтобы рассеять эту ужасную тишину.

- Карсон хочет повесить это на моего брата, потому что, по общему мнению, Джюлиан - тот еще мошенник. У него не самый честный образ жизни. Он любит женщин и любит власть, которую получает, владея клубом..., и он делает сумасшедшие вещи, шантажирует многих людей, и, возможно, он заслуживает серьезного наказания, но не за убийство Марни. Он не убийца. Это сделал я.

Вот оно. Правда обо мне. Моя черная душа открыта перед ней, лежит прямо у ее ног. Я ждал, что она будет шокирована. Захочет сбежать от меня. Я искал на ее лице отвращение к тому, с каким монстром она проводила свои ночи и дни. Но ее нежные черты не изменились. Она продолжала смотреть на меня как прежде, так, как будто знала меня и по-прежнему доверяла мне.

- Ты не убийца.

Я отстранился от нее.

- Этот детектив - мудак, но он прав, Сэди. Та веревка, что у него, точно такая же, какой я задушил Марни. Это та веревка, которая сейчас на твоем запястье.

Я киваю на ее руки.

- Я садист. Вот поэтому ты не должна верить мне, богиня. Ты во всем права. Ты смотришь сейчас на монстра.

- Ты не монстр, – шепчет она.

- Зачем ты это делаешь? Я пытаюсь быть честным с тобой.

- Тогда скажи мне хоть каплю правды, – требует она. Она подходит ближе и кладет руки на мою грудь, от ее прикосновения внутри меня разгорается пожар. Мое дыхание сбивается. – Скажи мне, чего ты жаждешь, и почему ты жаждешь этого?

Нахмутив лоб, качаю головой. Зачем она мучает меня?

- Я жажду тебя, богиня. Жажду тебя так сильно. Когда я впервые посмотрел в твои глаза и увидел твой страх... этот страх завораживает.

- Почему? – она словно всаживает нож мне прямо в сердце.

– Я хочу видеть твой страх, потому что он... он значит, что ты не желаешь смерти. Ты готова бороться. А я больше не хочу смотреть в глаза потерянной душе, которая ищет вечного забвения.

Она одобряюще кивает.

- Потому что ты не садист.

– Я убийца!

– Она испытывала боль!

Ее слова словно разрывают мою голову, и я падаю на колени.

– Это не имеет значения.

Сэди опускается на колени рядом со мной.

– Марни жила, но она испытывала такие мучения, которые большинство людей не способны вынести, – говорит она. - Рак поджелудочной железы четвертой стадии. В то время, когда опухоль обнаружили, она уже долгое время испытывала боль. Ей дали полгода. Она провела три месяца на лечении. В аду.

Я открываю глаза и встречаюсь с ее взглядом.

– Сначала она пришла к Джгулиану. Она умоляла его, чтобы он покончил с ее жизнью. Он был в ужасе от этого. От ее болезни, от ее желания умереть. Тогда он оставил ее. Он не смог справиться, – я прерываюсь на несколько секунд. - Он не смог справиться. Он даже не попытался. Боже, его уход сломил ее. Она любила моего брата так чертовски сильно, что, когда он ушел, она не хотела больше сражаться за жизнь, и ее диагноз выиграл этот бой. Он уничтожил ее.

– Но ты любил ее. Ты любил ее долгое время, и ты молчал изуважения к своему брату.

- Это то, что написано в моем досье?

Она качает головой.

- Нет. Это часть, которая основывается на твоем поведении, Колтон. Мое видение того, какой ты.

Она кладет руки на мои бедра и наклоняет свое лицо к моему. Ее глаза прожигают меня.

- Что случилось, Колтон? Чего еще не хватает в твоем файле?

Я облизываю губы, отчаянно пытаясь не дать словам вырваться наружу. Но мои тайны уже здесь. Мои секреты перестают быть секретами.

- Возможно, все было бы иначе, возможно, она смогла бы пройти через это, если бы он остался с ней. Я не знаю. Я старался быть с ней. Уволился с работы, заботился о ней, когда Джгулиан уехал. Однажды ночью она попросила меня прекратить это, но я не мог. Боже, я не мог. Она стала для меня более важным человеком, чем когда-либо был Джгулиан, я познакомил ее с шибари. Она получала небольшое облегчение от боли во время наших сессий, поэтому я увеличил количество сеансов. Я думал, что тем самым помогаю ей, думал, ей становится лучше... но она лишь прятала от меня свою боль. Я должен был видеть это.

Сэди потянулась ко мне и обняла.

- Что произошло той ночью?

- Я пришел к ней и нашел ее повешенной. Она была в своей спальне, веревка затянута вокруг шеи. Но она была еще жива, жизнь еще продолжала теплиться в ней. Аутоэротическая асфиксия. Она делала это и раньше, но я знал, что она слишком умна, слишком опыта и слишком осторожна... а в этот раз все было по-другому. Когда я попытался ослабить веревку, ее глаза умоляли меня не делать этого, просто отпустить ее. Это именно то, чего она хотела. Она была слишком слаба даже для того чтобы покончить с собой. Ее еще можно было спасти, но что это была бы за жизнь,

тем более, с теми повреждениями, что она уже себе причинила. - Я словно заново переживал эту сцену, воспоминания были такими яркими. - Своими последними вздохами и взглядами она смогла передать мне то, что хотела сказать, то, что я должен был услышать. Она убедила меня..., и я закончил это.

Почувствовав мягкую ладонь Сэди на моей щеке, я продолжаю говорить.

– Я не мог позволить ее семье найти ее в таком виде. Смущение... большинство людей не понимают аутоэротической асфиксии. Я вспомнил о серийных убийствах. Об этом говорили во всех новостях. В слепой панике я надел пару перчаток и.... задушил ее. Смотря ей в глаза, я словно наблюдал течение вечности, я видел, как душа покидает ее тело. Я видел, что белки глаз из белых становились красными. Я смотрел, как кровь окрашивала веревку. Когда она ушла, тишина словно насмехалась надо мной. Я инсценировал ее смерть, как одно из убийств. Затем я ушел. Не только из ее дома, я уехал из города. И больше никогда не возвращался.

Наконец, я открываю глаза и решаюсь посмотреть на Сэди.

– И теперь демон внутри словно иссушает меня. Я открыл эту дверь, но сил закрыть ее самому, у меня нет. Я пытаюсь осознать тот факт, что я убийца. Я убил женщину, которую любил. Я отдал свою душу дьяволу, а этот сукин сын наказал меня, превратив в садиста-монстра, который жаждет заглянуть в твои глаза и стать свидетелем твоего страха.

Обе ее руки потянулись к моему лицу, заставляя не опускать взгляд.

– Послушай меня, Колтон. Ты не получил удовольствие от того, что лишил ее жизни. Не радовался, что заставил ее страдать. Ты - не садист.

Я пытаюсь отрицательно покачать головой, но ее руки крепко держат меня.

– Нет, - говорит она, оседлав мои колени так, что я не могу двигаться. - Я знаю зло. Я видела такое зло, о котором ты даже и не догадываешься. Я была в его руках, смотрела ему в глаза. Ты не убийца и не садист. Мы бы не были сейчас рядом, если бы ты был садистом. Ты вытащил меня из моей боли, помог мне покинуть тьму. Мы нашли друг друга. Все не могло быть иначе.

Я прижимаю ее так близко, как только могу.

– Спаси меня, богиня.

Ее ангельские губы прикасаются ко мне, ее рот сминает мой, она обволакивает меня, притягивая к своему свету. Я не заслужил искупления, я не смогу спасти ее, но я жажду ее. Моя богиня осыпает меня прекрасными поцелуями, даря прощение, и я тянусь к ней. Мои пальцы впиваются в ткань ее платья, я сжимаю руки до боли. Эта боль такая нужная, такая правильная сейчас. Все это правильно, но я нуждаюсь в большем.

Она тоже понимает это, ее ногти впиваются в мою спину. Я целую ее с все возрастающей страстью, без слов требуя, чтобы она прикончила меня. Просто убила здесь и сейчас. Сэди отстраняется, ее дыхание обжигает мои губы.

– Я доверяю тебе, – говорит она. - Я никогда не доверяла никому больше.

Бог мой, я верю ей.

– Я твой. Полностью твой, богиня. Поверь в это.

- Я хочу, чтобы ты взял меня здесь. Вдали от боли, пыток и тьмы. Вдали от моего собственного подземелья. - Она соединяет свои запястья вместе и протягивает прижатые друг к другу руки мне. Это предложение. – Если ты принадлежишь мне, то и я принадлежу тебе. Возьми меня.

Мои руки обвивают ее талию, я слегка приподнимаю ее и укладываю на спину. Накрывая ее тело своим, я хочу закрыть Сэди от всего мира. Я завожу ее руки над головой, прижимая запястья к полу, в то время как мой рот исследует шелковистую кожу ее шеи.

Ее стон разжигает огонь в моей груди, я охвачен пламенем. Я оставляю все свои суждения о суровости и жестокости мира позади. Здесь и сейчас, с ней, я – человек, который любит ее. Который поклоняется ей. Который сделает все, чтобы спасти ее. Если это то, что требует моя богиня, я дам ей это, я ее слуга.

Прижавшись к ее губам, я раздвигаю их, пробуя на вкус ее сладость. Упиваюсь чистым наслаждением от того, что она моя. Я слегка отклоняюсь назад, чтобы посмотреть в ее глаза, получить в них абсолютное подтверждение, на что Сэди выдергивает свои руки из моей хватки и обхватывает ладонями мое лицо.

- Любовь между нами не может быть красивой. Я знаю это и не прошу иллюзию. Я хочу видеть настоящую, без прикрас, правду о нас. Только так может существовать слово «мы».

Я касаюсь рукой ее щеки.

- Похоже, ты была создана специально для меня.

- Создана из боли и страдания, – шепчет она.

– Тогда я буду тем единственным, кто будет упиваться этим творением красоты в свое удовольствие.

Встав на колени, я беру подол ее платья и позволяю ему скользить вверх, обнажая ее ножки. Ее глаза внимательно следят за мной, когда я раздвигаю ее бедра, открывая ее для себя. Из моего горла вырывается рык, когда я прикасаюсь к ее оголенной киске. Моя сексуальная богиня убьет меня.

Прежде чем я смогу что-то сделать... я должен попробовать ее. Эгоистично, но потом я сосредоточусь исключительно на ее ощущениях.

Проводя ладонями по ее бедрам, я чувствую, как она слегка вздрагивает, затем склоняюсь к ней и вбираю ее в рот. Ее спина выгибается, отрываясь от пола, когда я нежно провожу языком по складочкам ее лона. Моя потребность в ней переполняет все мои чувства.

Колени Сэди сжимаются вокруг меня. Я обхватываю ее бедра, подтягивая ее ближе к себе. Ее стоны поощряют меня, и когда она начинает извиваться... уже готовая кончить... я не останавливаюсь. Я слегка прикусываю ее клитор, срывая крик с ее уст, затем вновь погружаюсь языком в ее теплую сердцевину, подводя к краю, соединяя ее со мной.

Ее пальцы впиваются в мои волосы, затем она хватается за мои руки в поисках чего-то твердого, что способно удержать ее на месте.

- Колтон... - мое имя соскальзывает с ее губ и перерастает в отчаянный крик.

Я не могу сдержать стон, она так отчаянно отдается мне. И тут она взрывается. Ее тело дрожит, выгибаясь, и я чувствую, что должен заполнить ее своим членом. Как только я опускаю ее и расстегиваю молнию на своих джинсах, я чувствую внезапное облегчение, как будто я, наконец, свободен. Глаза Сэди покоряют меня, голодный блеск, мерцающий в них, заставляет мое сердце биться быстрее. Я не могу отвести от нее взгляд.

Согнув ноги в коленях, она опирается на руки и целует меня, чувствуя свой вкус на моих губах, и это током проходит сквозь все мое тело.

Ее рука ищет меня, бесстыдно сжимая мой член, и когда она отстраняется и наклоняется вниз, я пытаюсь возразить:

- Ты не...

- Я хочу, – говорит она уверенно. - Я собираюсь попробовать тебя на вкус. Я хочу этого, и ты не можешь мне в этом отказать.

Дьявольская улыбка касается ее губ, и я бессилен против нее.

– Да, богиня.

Это мой единственный ответ.

Ее язык касается меня, сначала просто пробуя на вкус, мои мышцы сжимаются от напряжения, ощущая эту божественную пытку. Я не готов к тому, что она вбирает меня в рот, плотно сжимая губы вокруг члена, и резко выдыхаю воздух сквозь крепко стиснутые зубы.

Я чувствую ее улыбку, когда она скользит обратно вдоль твердого ствола. Она наслаждается произведенным на меня эффектом, своей властью надо мной, я готов позволить ей владеть каждой частью меня, только чтобы угодить ей.

Ее язык вновь скользнул вдоль моего члена, и все мои мысли исчезают, поглощенные желанием и похотью.

Мои руки сжимаются в кулаки, спина напрягается, и член становится еще более жестким и пульсирующим, жаждущим быть в ее горячем, сладком ротике.

Я провожу руками по ее спине вверх, зарываюсь пальцами в волосы, они тонут в шелковистой массе, когда я освобождаю ее копну от заколок.

Прикосновения ее длинных тонких пальцев к моей коже такие дразнящие, будоражащие, что я не могу себя больше сдерживать; сжав ее затылок, я с силой толкаюсь бедрами к ней навстречу.

Моя кровь ревет в венах, я чувствую, как она приливают к голове. Я легко могу потеряться, просто сдаться на ее милость. Остаться в этой комнате с ней навсегда. Ее рот на мне, и я готов умереть, я самый счастливый мужчина. От этой мысли мои яйца напрягаются, и я стараюсь отстраниться, но она лишь ближе прижимается ко мне, принимая меня все глубже. Иисусе, кончить ей в рот... нет, пока нет.

- Богиня, я должен остановить тебя сейчас.

Я хватаю ее за руки и поднимаю.

- Я хочу ощутить твой вкус у себя во рту, - говорит она, оставляя порочные поцелуи на моей коже, заставляя дрожать мое тело. Я целую ее в губы, эти губы и язык, они сведут меня с ума.

- Однажды мы сделаем это, - говорю я, направляясь вместе с ней к стенду. - Я позволю тебе мучить меня. Но прямо сейчас, в эту секунду, я слишком нетерпелив.

Теперь я не медлю. Я поднимаю подол ее платья над головой и освобождаю ее от одежды, позволяя гладкому материалу свободно упасть на пол. И, наконец, моему жаждному взору открывается ее обнаженная плоть. Как много времени прошло с тех пор, как у меня была возможность любоваться ею, изучать каждый кусочек ее тела. И сейчас я разрываюсь между возможностью изучать ее глазами и возможностью прикасаться к ней руками. Срывая с себя рубашку, я, не глядя, бросаю ее в сторону.

- Ты явно настроена испытать меня сегодня, - говорю я, целуя ее плечо, наслаждаясь теплом ее нежной, обнаженной, прижатой ко мне груди. Я слегка кусаю ее. Твердые соски касаются моего торса, заставляя мой член вжиматься ей в живот, пульсировать.

- В этот раз, - говорит она, рисуя пальцами узоры на моей спине, - я не намерена останавливаться.

Появление в клубе в таком откровенном платье... помогает мне понять ее лучше, чем когда-либо прежде.

- Пока все это принадлежит мне, ты можешь хоть танцевать обнажённой, богиня. Пока я остаюсь единственным, кто имеет право восхвалять твоё тело.

Ее голова запрокидывается назад, открывая мне полный доступ к стройной шее. И я осыпаю ее поцелуями.

- Только ты, Колтон. Только твои прикосновения.

Ее слова проникают прямо в сердце, заставляя мою кровь бежать быстрее. Ее образ, танцующей с другим парнем, дымкой возникает в голове, но я усилием воли

загоняю его подальше. Она мне доверяет, и это доверие многого стоит. Я видел, знаю, какая она, и я знаю, что это не уловка, чтобы заманить меня в засаду копов.

Карсон знает о моих чувствах к Сэди, точно так же, как о них знает и убийца. Любой из них мог устроить этот сценарий. Что злит меня больше всего, так это то, что я позволил себе усомниться в Сэди. Никогда больше. Я никогда не буду сомневаться в ней. И чтобы окончательно поверить, я растворяюсь в ее объятиях.

- Наша власть — это обмен, ты подчиняешься мне, но без боязни, что я причиню тебе боль. Я предоставлю тебе полный и абсолютный контроль надо мной. Я буду служить тебе, богиня. Поверь, я никогда тебе не наврежу.

Она быстро кивает.

— Скажи, что доверяешь мне, — шепчу я, наклоняясь к ее уху.

- Я доверяю тебе, — отвечает она без колебаний.

Я поднимаю ее на руки и несу к середине комнаты, туда, где с потолка свисают три серебряных кольца и большой моток бамбуковой веревки.

Поставив Сэди на пол, я страстно целую ее. Из ее груди вырывается стон, и я опускаю руку вниз, чтобы застегнуть ширинку своих джинсов, сейчас я должен сосредоточить свое внимание на ней.

Отпустив ее, я говорю:

— Эта немного отличается от той простой конструкции, которая находится у меня дома.

Я иду к стене, перебирая рукой различные веревки. Выбираю джутовую веревку натурального цвета. Этот опыт должен быть чистым.

- Ты всегда используешь один и тот же материал? — спрашивает она.

Я чувствую укол в груди, но стараюсь не обращать на него внимания.

— Да, — отвечаю я, взглянув в ее сторону. — Джут прочный, но мягкий материал. Хотя мягче хлопка ничего нет... — я замолчал, зная, что она понимает, почему я объясняюсь перед ней. Между нами сейчас все открыто. — Но в тоже время он тянется, не создает сильного трения и легко скользит. Он сделан по заказу, но не подходит для подвешивания. Веревка может слишком затянуться и будет трудно освободиться. Я бы никогда не использовал хлопок.

Она не моргая смотрит на меня.

— Эту веревку выберет тот, кто не хочет, чтобы связанный человек освободился?

- Да, — говорю я. — Отличный выбор для жесткого бондажа и... других вещей.

Ее подбородок поднимается, показывая мне, насколько сильна она в этот момент.

- И цепи?

Мои брови сходятся на переносице.

— Я бы никогда... — я склоняюсь к ней, обхватываю ее лицо руками, через мое плечо перекинута веревка. — Нет, богиня. Я бы никогда не позволил себе использовать цепи. Просто назови мне имя ублюдка, который позволил себе воспользоваться цепями, и я покончу с ним.

Сэди тяжело сглатывает, моргая.

— Он уже мертв.

Я с трудом киваю.

— Надеюсь, ты сможешь оставить все это в прошлом после сегодняшней ночи.

Легкая улыбка трогает ее губы, и для меня это лучшая награда.

— Я не сломалась, Колтон. Ты показал мне это. Просто я была потеряна, растеряна и напугана долгое время.

Я чувствую, что мое дыхание успокаивается.

— Сломлена или нет, ты — совершенство. Не смей в этом даже сомневаться.

Я прикасаюсь губами к ее лбу, смакуя аромат лаванды, чувствуя тепло ее кожи.

- Я верю, что смогу быть собой и освободиться от него, – говорит она. Ее руки скользят вдоль моей спины, и я прижимаю ее голову к своей груди. – Встретив тебя... теперь я знаю. С тобой, каждую секунду, возвращаюсь реальная я.

Я целую ее в макушку.

– И ты моя.

Медленно она отстраняется от меня и протягивает мне свои руки с соединенными вместе запястьями.

- Сотри мои воспоминания о нем. Сломай их и привяжи меня к себе.

Моя грудь вздымается, я полностью поглощён желанием обладать ею.

- Да, богиня.

Каждый приказ, что я получу от нее, я готов выполнять без вопросов.

Я позволяю веревке соскользнуть по моей руке и начинаю разматывать кольца, наблюдая, как веревка струится по полу под воздействием моих рук. Когда веревка раскручена, я начинаю оборачивать ее вокруг запястий Сэди. Сделав два оборота, продеваю веревку между ее рук, фиксируя.

- Подними руки, – приказывает я.

Мы уже были здесь прежде, но сейчас у нас гораздо больше времени. Это не я направляю ее, заставляя проявлять интимную сторону себя. Мы вместе сейчас открываем и исследуем друг друга.

Как только я продеваю веревку сквозь кольцо, я целую ее гладкие связанные запястья, потом мои руки скользят по ее ребрам, и я воздаю должное ее прекрасной груди.

Я обвожу языком ее розовый сосок, затем вбираю его в рот. Она принадлежит мне сейчас. Во время первой шибари-сессии я был ее тренером, человеком, которому она должна была довериться. Я бы никогда не воспользовался ей в таком уязвимом положении. Сейчас она доверяет мне, и я буду прикасаться к ней, ласкать и облизывать каждую часть ее прекрасного тела.

Ее нога касается моей, она пытается заставить меня подойти ближе. Я опускаюсь на колени, приподнимаю ее лодыжку вверх и покрываю поцелуями, перед тем как накинуть на нее петлю. Я путешествую вдоль ее ноги, наматывая веревку, целуя и лаская ее, создавая потрясающий и сложный дизайн обвязки.

Как только я достигаю внутренней стороны ее бедра, я делаю маленькую паузу, чтобы подарить моей страстной богине небольшую награду, посасывая и покусывая ее клитор, пока она извивается.

- Не двигайся, – предупреждаю я, вбирая ее глубоко в себя.

С ее уст срывается стон, тогда я останавливаюсь и перехожу к другой ноге, повторяя на ней тот же волшебный рисунок, и затем тяну конец веревки вверх к кольцу.

Далее, ловким движением я обматываю веревкой ее бедра, ребра, соединяя петли за ее спиной. Я двигаюсь вверх по ее телу, разматываю веревку и делаю два витка вдоль ее грудной клетки, затем продеваю ее конец через ее грудь. Она дергается, когда я аккуратно и надежно затягиваю веревку, сдавливая ее соски.

- Скажи мне, как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я, массируя чувствительную кожу вокруг сосков.

- Тело покрылось мурашками. От этого мне... горячо и влажно, – ее голос дрожит, и я закрываю глаза, позволяя ее словам направлять мои движения. - Дотронься до меня, Колтон.

Притягивая ее к себе, я провожу пальцем вдоль ее влажных складочек, а затем погружаю в нее палец. Она истекает соком.

- Иисусе, богиня. Ты пытаешься заставить меня взять тебя?

Она вздрагивает, и я впиваюсь зубами в ее плоть, смакуя ее гортанный стон. Я вновь провожу подушечками пальцев по ее влажным складочкам, затем растираю эту влажность по клитору.

- Что я должна чувствовать сейчас? – спрашивает она, и я удивляюсь тому, что темные мысли продолжают мучить ее даже сейчас, как же много жестокости было в ее жизни, как много она страдала. Почему ее интересует вопрос, как должно реагировать ее тело?

- Ты знаешь стоп-слово, богиня? – напоминаю я ей, уверенным тоном.

- Да.

Ее бедра движутся навстречу моим пальцам, убеждая меня трахнуть ее жестче. Но нет, пока нет. Убрав руку, я возвращаюсь к хитросплетению веревок, опутавших ее тело. Эта обвязка является воплощением моего терпения, у меня трясутся руки, когда я, наконец, закрепляю последний узел. Закончив, я беру Сэди за талию и поворачиваю ее лицом к стене.

- Скажи мне, чего ты хочешь. Я могу дать тебе это, или мы можем...

- Трость, – говорит она, и я потрясенно умолкаю.

- Богиня...

- Займи его место, – говорит она. - Отними его власть надо мной. Он использовал трость, чтобы питаться моими страданиями, в этом не было никакой любви и доверия. Только боль. В твоих руках это будет боль для нас обоих. Я не хочу больше бояться того, что он создал внутри меня... и единственный способ сделать это - стереть его из моей памяти.

Я поворачиваю ее к себе, крепко сжимаю ее в своих объятиях и отчаянно целую. Я никогда не мог подумать, что она способна так глубоко понимать себя, она знает свои потребности, она восхищает меня.

- Я люблю тебя, – признаюсь я.

– Знаю. А теперь сделай меня своей.

Я поднимаю ее лодыжки вверх, закрепив веревку на кольце, придавая ее телу красивую, изящную позу, помогая ей погрузиться в темный мир. Она выгибает спину, когда я затягиваю жгут у нее на спине, затем сгибаю ее колени и фиксирую ее лицом вниз, к полу.

- Крепче, – просит она, и я подчиняюсь.

Она должна быть в безопасности, веревки не должны причинять ей вреда. Веревки помогут ей найти свое подпространство и принять трость. Мои пальцы выписывают зигзаги на ее спине, затягивают жгут до тех пор, пока она не испускает стон удовольствия.

Я настолько поражен ее полным доверием мне, что не могу себе позволить подвести ее. Внезапно выбор трости стал для меня чертовски сложным. Ее уже били ротангом раньше..., и я так хочу помочь ей забыть тот опыт, чтобы те болезненные воспоминания исчезли полностью.

Я выбираю красную трость, я видел, что она смотрела на нее, когда впервые оказалась здесь. Я видел страх в ее глазах в тот момент и больше не хочу видеть его вновь.

Положив ладонь ей между лопаток, я осторожно разминаю мышцы вокруг позвоночника, позволяя ей занять более удобное положение.

- Сэди, дыши.

Ее тело дрожит от каждого моего прикосновения, она в ожидании того, что ей предстоит выйти из зоны комфорта. Дыхание Сэди становится коротким и прерывистым.

- Я хочу, чтобы ты делала глубокие и долгие вдохи. Мы будем двигаться медленно, и твое дыхание будет моим проводником.

- Хорошо.

Она выравнивает дыхание, делая все в точности, как я ее сказал.

Моя ладонь продолжает массировать спину Сэди, затем я прикладываю вдоль ее позвоночника выбранный ей самой инструмент наказания. Скользя тростью по ее коже, я позволяю ей привыкнуть к ощущениям, толщине и текстуре древесины. Мягко ударяю ее. Один раз.

Она судорожно втягивает воздух, но не из-за боли, это ее внутренний страх. Страх перед ударом. Я провожу тростью еще раз по ее спине, чувствуя, как ее дыхание выравнивается. Массаж сможет успокоить ее и привести в лад с самой собой. Надеюсь, что не подведу ее.

Я знаю, что она еще не восстановилась после предыдущей встречи с тростью, и двигаюсь обратно по спине, изучая ее мышцы, чувствуя, что сейчас она находится в расслабленном состоянии. Затем, с осторожным изяществом, я перемещаю трость на ее попку и легко и деликатно постукиваю по ее нежной коже.

– Зеленый, - говорит она, и я не могу сдержать улыбки в полном восхищении от ее смелости.

Положив руку ей на поясницу, я увеличиваю интенсивность постукивания. Ее мышцы слегка напрягаются, и я с любовью прикасаюсь к ней, поглаживая ее спину. Перемещая руку ниже, я осторожно массирую ее попку, подготовливая к первому удару.

- Первый удар будет куда болезненнее, чем все, что я делал с тобой до этого, - говорю я, пытаясь сохранить установившееся доверие между нами, давая ей понять, чего ожидать, а также, позволяя ей слышать мой голос, который должен стать опорой для нее.

Я провожу тростью вдоль ее спины, упираясь кончиком в ее попку, затем быстрый взмах и удар. Шлепок получается очень громким, я знаю, что он не такой уж болезненный. Она вздрагивает от шума, но вскоре снова успокаивается и расслабляется, возвращаясь в свою зону комфорта.

Мы продолжаем этот танец, создавая музыку, словно симфонию звуков перкуссионных инструментов, медленно увеличивая интенсивность боли. Я слушаю ее дыхание, позволяя ее телу регулировать силу моих ударов. И когда она выгибает спину, испустив чувственный стон, мои руки невольно сильнее сжимают трость, и я с трудом сдерживаю собственное желание взять ее без дальнейших прелюдий.

Я кладу руку ей на живот, проверяя уровень ее напряжения, и чувствую, как дрожат мышцы ее брюшного пресса. Переместив руку на ее лобок, я слегка надавливаю, побуждая ее толкаться на мои пальцы, получить приятные ощущения, искупающие предстоящую боль.

Затем моя рука скользит по ее ягодицам, ладонью я чувствую тонкие, припухшие рубцы на ее коже. Я опускаю руку и вновь оказываюсь между ее ног; закрыв глаза, я сжимаю зубы, о, Боже, как приятна ее влажность. Она вбирает мои пальцы. Это становится настоящим испытанием для меня, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не взять ее. Слишком рано.

Но она здесь сейчас, она готова принять мои удары, она ждет, и слава Богу, потому что во мне осталось очень мало терпения.

- Следующий удар будет сильнее, чем все предыдущие, - говорю я.

- Зеленый, - отвечает она, вызывая ответную пульсацию желания во мне.

Я чуть изменяю интенсивность и темп ударов, постепенно подготовливая ее к более тяжелым взмахам. Когда она натягивает веревки, выпячивая зад по направлению

ко мне, в ожидании очередного удара, я замахиваюсь и опускаю трость на ее попку. С едва слышным звуком трость касается ее кожи. Она кричит, ее тело бьется в веревках.

- Еще, - требует она.

Моя рука крепче сжимает трость, и я наношу еще один удар по тому же месту. Ее стон проходит сквозь меня, вырывая ответный стон из глубины моего горла. Стискиваю зубы, сохраняя остатки самообладания. Я готов сорваться... но не могу потерять контроль.

- Последний удар, - предупреждаю я, сгорая от желания отбросить эту чертову трость и жестко трахнуть ее влажную киску, пока она не взмолится о пощаде.

Я наношу последний удар. Заставляя ее забыть обо всех ужасах ее прежней жизни, в тоже время я не забываю о своих потребностях. Все происходит одновременно, мы помогаем друг другу.

Чем больше доверия она дарит мне, тем больше я отдаюсь ей. Мы соединены, словно веревкой, крепко связывающей нас друг с другом, и я получаю от этого чувства какое-то сюрреалистическое удовольствие.

Отведя трость назад, я поворачиваю запястье, и она с громким шлепком касается ее попки. Сэди извивается и кричит, вызывая угрызения совести в моей груди. Этого достаточно. Достаточно.

Отбрасывая трость в сторону, я падаю на колени и покрываю поцелуями рубцы, стараясь уменьшить боль. Мои ладони скользят по ее бедрам, и, чувствуя влагу, вытекающую из ее лона, я закрываю глаза, полностью истощенный.

Поднявшись на ноги, я переворачиваю Сэди, помогая принять ей сидячее положение, сжимаю ее лицо в ладонях. Ее глаза закрыты, рот приоткрыт, и она жадно глотает воздух. Я откидываю ее спутанные волосы назад и вытираю пот со лба.

- Посмотри на меня, Сэди.

Мой голос дрожит, в нем слышится страх. Но когда она открывает глаза, похоть и страсть в них поглощают меня.

Мои губы сминают ее в страстном поцелуе, я целую ее до тех пор, пока хватает дыхания. Я дышу ей. Я развожу ее связанные ноги в стороны, открывая ее для себя, и она целует меня с отчаянным желанием.

- Трахни меня. Сейчас, - призываю шепчет она возле моих губ, посылая огненные импульсы в мою кровь.

Я поднимаю веревку, обвязывающую ее руки, выше, перемещаю ближе ко мне, продолжая ласкать ее разгоряченную, покрасневшую от наказания кожу.

Я чувствую, как мой член пульсирует в джинсах, когда я любуюсь ее прекрасной киской. Напряжение становится все сильнее, мой восставший член готов вырваться наружу, и я опускаю руку на ее клитор, надавливая и потирая его, я хочу видеть ее желание.

Меня окружают ее стоны. Свободные, сексуальные, требовательные. Я достаю из кармана нож, затем расстегиваю джинсы и позволяю им свободно упасть на пол. Отшвырнув их ногой подальше, я крепче прижимаю ее ко мне, пожирая ее дыхание своими губами, стараясь сконцентрировать свое внимание только на мне, сделать все, чтобы она не заметила острого предмета в моей руке. Но у меня больше нет терпения, и я решаюсь.

- Позволь мне использовать нож, богиня, чтобы освободить тебя.

Я чувствую, как она дрожит в моих руках, но все же улавливаю ее слабый кивок.

- Я нуждаюсь в тебе внутри себя... я так нуждаюсь в тебе.

Блять, я тоже нуждаюсь в ней. Мой рот прижимается к ее губам снова, в то время как я прижимаюсь моим до боли напряженным членом к ее теплому входу, чувствуя ее влагу, когда я скользжу головкой между ее нежных складок.

Черт. Это чистая пытка. Из груди вырывается рычание, когда я подтягиваюсь и срываю веревки основного подвеса.

Она падает, но я подхватываю ее и крепче прижимаю к себе, позволяю ее телу скользить по моему, затем медленно заполняю ее.

Нож выпадает из моих рук. Комната растворяется. Все исчезает. Не существует ничего, кроме ее теплой плоти вокруг моего члена. Она сжимает меня, вбирая. Мое дыхание останавливается, я могу лишь смотреть в ее глаза, когда она обвивает свои связанные руки вокруг моей шеи и начинает двигать бедрами, чтобы принять меня полностью.

В этот момент я перестаю управлять своими чувствами. Сейчас я ее преданный наставник, помешанный лишь на том, чтобы порадовать ее, провести сквозь все прежние кошмары и оставить их навсегда позади.

Темнота

СЭДИ

Используя связанные запястья как рычаг на шее Колтона, я приподнимаю себя и снова опускаюсь, скользя по его идеальному, эрегированному члену глубже, принимая его снова и снова, чувствуя, как мое лоно ненасытно обхватывает его.

Его тяжелое дыхание опаляет мою кожу, а руки припечатали меня к себе. Обхватывая меня обеими руками за плечи, Колтон заставляет жестче опускаться на него. Моя спина выгибается, позволяя ему проникнуть глубже, под идеальным углом. Моя сверхчувствительная кожа вспыхивает от каждого толчка. Боль от ударов страстью разрывала меня на части, и теперь я могу лишь видеть и ощущать Колтона.

Я чувствую себя так, словно все еще переживаю сабспейс, переплетенье веревок. Его объятья словно сплетенные веревки, обхватывающие меня, дарят мне утешение и защиту. Моя сила. Его тело - мой щит, оберегающий от моего прошлого и открывающий мне наше будущее.

- Я собираюсь трахнуть тебя, богиня, - говорит он между толчками низким голосом. - Я хочу, чтобы ты сказала мне "да"... тогда я жестко трахну тебя... потому что не могу сдерживаться.

Его желание только усиливает мою потребность в нем, я цепляюсь за его плечи, впиваясь ногтями в напряженные мышцы.

- Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Трахни меня, Колтон. Трахни жестко и грубо.

От того как он теряет контроль, я возбуждаюсь еще больше. Жалящая боль, все еще обволакивающая мое тело, исчезает и наполняет новым ощущением, которое я никогда не испытывала. Все, что у меня украли несколько лет назад в том подвале, всем этим и даже больше Колтон одаривал меня, заполняя пустоту.

Кажется, время приостановилось, и окружающий мир перестал существовать. Он опускает меня на пол, осыпая мою нежную разгоряченную кожу прохладными поцелуями. Его голубые глаза светятся желанием, и, несмотря на торопливые движения, он старается не причинить еще больше боли, чем я могу вынести из-за трения спины о твердую поверхность пола.

- Приподнимись, - приказывает он, я так и делаю, позволяя ему обхватить мои бедра и уменьшить давление на спину.

Колтон мастерски развязывает узлы на моих ногах, удерживая меня взглядом, освобождая из переплетений веревки. Затем он снова внутри меня, твердый и

требовательный, погружается настолько глубоко, что я вскрикиваю. Закинув на предплечья мои колени, он приподнимает мои бедра, чтобы углубить проникновение. Его руки удерживают меня там, где он хочет, мощными толчками он начинает врезаться в меня, его хриплые стоны смешиваются с моими. От его требовательных движений веревка затягивается еще туже, крепко обхватывая соски, и я смотрю на него.

- Черт... - он проникает глубже, с его губ срывается шипение, когда стенки моего лона сокращаются вокруг него.

- Мне не больно, - заверяю я, понимая, что он все еще сдерживается. - Мне нужно чувствовать тебя всего... прямо сейчас.

- Так чертовски прекрасна, - задыхаясь, произносит он.

Затем отпускает мои ноги и нависает, чтобы обхватить мои запястья. Подняв их над моей головой, он впечатывает их в пол, и его тело накрывает мое. Ощущение его веса вызывает страстную дрожь в моем теле.

Его член такой твердый... такой напряженный... я ощущаю, как он растягивает меня, клеймит; я обрачиваю ноги вокруг его талии, встречая каждый толчок, который приносит новую волну восторга. Оргазм приближается, возбуждение возрастает. Кровь огненным потоком струится по венам. Я дергаю бедрами от тянувшего ощущения, появившегося в спине, изгибаясь и напрягаясь в пленах переплетенных веревок. Колтон прижимается грудью, удерживая меня на месте, продолжая вколачиваться в меня, и резко вскрикивает.

Он подставляет мне свою шею, и я не раздумываю. Зубы впиваются в мягкость, пока оргазм высвобождается спиралью, вызывая наплыв безмятежных волн, которые накатывают и снова усиливают импульсы, пока все тело не охватит взрыв ощущений. Его толчки ускоряются, и я чувствую, как он...

- Не смей выходить, - приказывает он. - Я хочу всего тебя...

Я не в состоянии закончить, потому что мой приказ останавливает его. Колтон издает гортанный рык возле моих губ и изливается глубоко внутри меня. Я ощущаю, как его член пульсирует, и мое тело поглощает его.

- Боже, - выдыхает он возле моей шеи.

Его надсадное дыхание щекочет мою кожу, он приподнимается. Оставаясь все еще внутри меня, он развязывает мои запястья и нежно целует каждое. Затем его губы обрушаются на мои, язык проникает внутрь, пробуя на вкус, и я поддаюсь его настойчивости. Любя, нуждаясь и желая большего. Затем он снова двигается во мне, его рот и член уговаривают мое тело, опалая новой волной жара.

- Ты готова? - спрашивает он, сексуальная улыбка появляется на его губах. Я смеюсь.

- Ты смотришь на меня так, будто заплачешь, если я скажу «нет», - отвечаю я, запуская пальцы в его волосы и затем скользя руками по спине.

- Я так и сделаю, богиня, - отвечает он, оставляя поцелуй вдоль линии шрама на ключницах. Изнывающая боль обхватывает горло. - Мы не закончим, пока я не сделаю каждую частичку твоего тела своей.

Его ладони скользят к моим бедрам, закидывая ноги на его плечи. Облизнув свой палец, он начинает поглаживать им мою попку, стремясь к заднему входу, где он и прижимается влажной подушечкой пальца. Его глаза умоляют о разрешении проникнуть в меня там, и в моей груди роятся маленькие пузырьки тревоги.

- Да. Я доверяю тебе, - говорю я, обвивая его шею руками и притягивая для поцелуя.

Небольшое давление у колечка мышц, и его палец проникает внутрь, вызывая у меня оборванный вскрик. Его рот с жадность поглощает мои стоны, пока палец

проникает глубже, медленно раскрывая меня для него. Резкое давление увеличивается, и затем следует быстрое, долгожданное облегчение, мышцы расслабляются, готовясь принять больше.

Колтон стонет, когда я сокращаюсь вокруг него, влагалище сужается, когда он отстраняется и погружается глубже. Он приподнимается, берет меня за руки и притягивает к своей груди, заставляя принять полусидящее положение. Его руки работают у меня на спине, аккуратно освобождая от веревочного корсета.

Когда соски получают свободу, поток крови быстро превращает их в пульсирующие горошины; я тяжело дышу, не в состоянии сдержать внезапную волну возбуждения. Его рот обрушивается на них, посасывая и убирая боль, ловко одаривая каждый интенсивными ощущениями.

Он еще раз жестко вонзается, полностью наполняя меня, прежде чем выходит. Помогая мне встать, Колтон произносит:

- Нам нужен другой угол проникновения, - он горячо меня целует и поднимает на руки.

Меня несут к скамье, где у нас был первый раз. Колтон укладывает меня на живот и, раздвинув мои, располагает мои колени на подставках, прикрепленных под скамьей. Однажды я уже бывала здесь, правда, мои ноги удерживались подставками под коленями, а все мое тело было окружено веревками, стянутыми в узлы.

- Никаких ограничителей, - говорит он. - Я хочу, чтобы твое тело было свободным. Стоп-слово действует всегда, я буду очень внимателен к языку твоего тела.

Я смотрю на него, и на моих губах появляется улыбка.

- Пожалуйста, будь очень внимательным к моему телу.

Он подмигивает и обрушивается поцелуем на мои губы, пока вкладывает мне в руки веревочный узел. Отстранившись, он произносит:

- Держись за это для равновесия, богиня. Оно тебе понадобится.

Его страстное предупреждение посыпает импульс электрического тока сквозь меня, и я киваю в ответ. Он становится позади меня, я ощущаю его горячую кожу, рядом, но не в плотную к моей. Затем мои глаза накрывает широкая полоса черного материала. Я ахаю, пока он завязывает повязку.

- Никаких ограничителей, но я ничего не говорил о сенсорной депривации.

В моем животе оживают бабочки, и я прикусываю нижнюю губу. Он оставляет еще один мягкий поцелуй на моем плече, его рука скользит вдоль моего тела, наслаждаясь ощущением горячей кожи и чувствительными метками. Его исследование возбуждает меня почти так же, как и ожидание того, когда он меня снова наполнит.

Достигнув моей промежности, его пальцы скользят по расщелине, собирая влагу и распределяя ее по колечку ануса. Он повторяет это снова, погружая лишь кончик пальца, позволяя привыкнуть к давлению. И когда он проникает глубже, резкий вдох заставляет его остановиться, но я произношу:

- Зеленый, - и он погружается дальше.

Я дергаюсь на скамье, и его рука сжимает одну ягодицу, чтобы удержать меня на месте.

- Даши, богиня, - приказывает он.

Я подчиняюсь, и он вводит еще один палец в меня.

Я медленно расслабляю спину, поощряя его действия. Колтон никогда не причинит мне боли, которую я не смогу вытерпеть. И если я собираюсь принять его массивный член... мне нужно подготовиться.

Давление увеличивается, мышцы живота сокращаются, но я продолжаю дышать, и вскоре меня изнутри растягивают оба пальца. Я извиваюсь на скамье, пытаясь создать такое же трение, чтобы стимулировать клитор.

Он всегда знает, что мне нужно, и его вторая рука уже там, пальцы кружат по набухшей горошинке. От облегчения с моих губ срывается стон.

Внезапно давление исчезает, и к лону прижимается головка его члена, пока пальцы все также кружат по клитору. Колтон проводит головкой между складочками, собирая больше влаги для смазки, и скользит своей толстой, теплой плотью, пока я щедро одариваю его член своим возбуждением. Он останавливается у моего входа, ожидая моего согласия.

- Зеленый, - говорю я, обхватывая узел руками и толкаясь назад. Он кладет руку на мою поясницу и врывается в меня.

Мои мышцы сокращаются, крепко обхватывая головку, отказываясь принять его размер. Я рвано выдыхаю и сокращаю мышцы влагалища, из-за чего он погружается глубже.

- Богиня... - мне слышно, как он сыплет проклятия себе под нос. - Я даже не могу выразить, насколько чертовски ты прекрасна. Поработай попкой. Прими мой член.

Его дыхание ускоряется, когда я так и делаю: расслабляюсь и выгибаюсь, открывая себя для него чуточку больше с каждым движением. Когда он погружается глубже, давление увеличивается. И когда он заполняет меня полностью, я вскрикиваю. Колтон удерживает себя во мне. Напрягшись, он замер, позволяя моему телу привыкнуть к ощущению растяжения и давления внутри, приспособиться к его размеру.

Желание закипает внутри меня, когда он массирует мой клитор, превращая меня в лужицу дрожащего желания. Фейерверки вспыхивают в глазах за повязкой, я зажмуриваюсь, каждый нерв в теле испытывает перегрузку.

- Зеленый, Колтон. Зеленее некуда.

Он рычит и отстраняется, только чтобы погрузиться еще глубже. Его бедра дрожат, когда он прикасается ко мне, его желание сдержаться так же очевидно, как и его желание трахнуть меня. Как только он убеждается, что я полностью возбуждена, и боль по силе сравнима с наслаждением, он погружается жестче и в идеальном месте шлепает по ягодицам. Я вздрагиваю, отрываясь от скамьи, и он щиплет мой клитор, чтобы я опустилась обратно.

- От этого мне хочется взять тебя еще грубее, богиня.

Боже, я люблю то, как заставляю этого мужчину слетать с катушек. В этот раз я специально вздрагиваю, он шипит и врезается в меня. Я кричу, но не от боли; тяжесть его наполняющего меня члена, будит чувство полного удовлетворения, острый импульс, заставляющий ухватиться за узел. Переместившись от клитора к влагалищу, он погружает в меня пальцы. От дополнительной стимуляции я приподнимаюсь. Мои крики учащаются, тело трясет и скользит от пота по кожаной поверхности скамьи. Колени упираются в подпорки, я выгибаюсь навстречу каждому его безумному толчку.

Чем больше усиливается наша страсть, тем сильнее я сжимаю узел. Его член становится каменно-твёрдым, вколачиваясь в меня в бешеном ритме. Я даже не чувствую, как надвигается кульминация, она обрушивается на меня так быстро, что я не успеваю приготовиться. Все внутри одновременно сокращается, и я разбиваюсь вдребезги. Мои бедра дрожат, пока я плыву на волнах оргазма.

- О, черт... Сэди...

Он рычит и ускоряет темп, его член пульсирует внутри, пока он кончает. Его грудь накрывает мою спину, его член покидает меня. Он упирается в мою влажность, мучительно пульсируя, пока извергает остатки семени.

Как только оргазм стихает, я отпускаю узел, все мое тело превратилось в одну большую боль. Мышцы становятся слабыми, я слишком чувствительна к прикосновениям.

- Не двигайся, богиня, - говорит он и встает с меня.

- Не думаю, что смогу, - замечаю я; голос дрожит, как и все мои конечности.

Я слышу, как Колтон ходит возле скамьи, его шаги удаляются в угол комнаты. Скрип, и затем шум воды наполняет помещение. Повязка убрана, глаза медленно привыкают к приглушенному освещению, и я, наконец, могу разглядеть Колтона, стоящего передо мной.

Он целует меня в лоб, затем обходит сзади и прикладывает прохладное, влажное полотенце. Я вздрагиваю, когда он начинает обтираять меня. Мне должно быть стыдно. Об этом кричит мой разум - эта поза унизительна. Мысли возвращаются к похитителю, когда он... я мгновенно останавливаю ход мыслей.

Колтон с любовью и заботой омывает меня, после того как мы познали друг друга, в равной степени упиваясь нашими чувствами и удовольствием. Я больше никогда не позволю моим воспоминаниям украдь то, от чего я должна себя чувствовать желанной. И эта увлеченность Колтона распространяется на его заботу обо мне.

- У меня здесь есть душ, - говорит он, заканчивая обтираять меня. - Но рубцы должны немного сойти, прежде чем их можно будет мочить.

Он поднимает меня со скамьи и несет к кровати в другом конце комнаты. Я обвиваю руками его плечи.

- Я в порядке. Честно. Чувствую себя как следует использованной.

От улыбки его бледно-голубые глаза светятся. Он кладет меня на живот, после чего направляется в ванную и минуту спустя возвращается со свежими, влажными полотенцами, Колтон раскладывает их поверх спины и попки.

Прохлада, распространяющаяся по моей коже, ощущается просто восхитительно, и я с облегчением выдыхаю в тонкий матрас, боль все еще есть, но терпимая. Колтон убирает полотенца, затем берет бутылочку лосьона со стола.

- Витамин Е и алоэ. Охлаждающий эффект должен помочь.

От того как деликатно он втирает лосьон в мою кожу, я практически отключаюсь. Кожа перестает саднить после первого нанесения, и, хотя я знаю, что с наступлением утра она снова начнет болеть, прямо сейчас успокаивающий эффект алоэ творит магию.

Как только крем впитывается, Колтон притягивает меня в свои объятия, прижимая к груди, чтобы уложить поуютнее в постели. Его пальцы распутывают беспорядочные пряди, свободно струящиеся по моей спине.

- Это все меняет, - произносит он и, прижимаясь губами к моей макушке, глубоко вдыхает.

- Все, - соглашаюсь я.

Мы долго лежим в такой позе, слушая, как звук нашего дыхания наполняет тишину, клуб давно закрылся. Его четкое сердцебиение убаюкивает меня, отправляя в страну удовольствия, где нависающая надо мной тьма, держится взаперти, и моей любви нечего бояться.

Из дремы меня вырывает жужжение. Пошатываясь, я осматриваю комнату, все еще находясь в тумане сна. Что-то мигает в полумраке, огонек на стене, возле стола.

Я смотрю на Колтона, его идеально загорелая рука прикрывает глаза, и я не могу не отметить искусную татуировку дракона, очерчивающую его мышцы. Красиво. Я ненавижу то, что у меня ушлоолжи на то, чтобы снова полюбить это слово. В настоящее время это мое любимое и самое подходящее определение для мужчины, спящего рядом со мной.

Жужжание и мигание не стихают. Я вздыхаю. Я слишком чутко сплю. После сегодняшнего вечера я думала, что буду спать как убитая. Помимо физического истощения, я эмоционально опустошена от признания Колтона и собственного признания о похищении.

Мы шептали свои секреты в темноту, прикасаясь, лелея, укрепляя нашу связь. Дело совсем не в умышленном сокрытии нашего стыда во тьме. Но, в некоторой степени, именно в ней мы находим свою силу. Утешение, что мы не одни.

Двигаюсь неохотно. Я знаю, как только встану, боль снова охватит мое тело, и тогда не будет никакой возможности заснуть.

Когда ко мне возвращаются, воспоминания о вечере на губах появляется улыбка, и дискомфорт кажется не таким раздражающим. Решаю предотвратить боль контрмерой. Я заставляю себя встать с кровати и направляюсь к столу, надеясь, что найду нечто большее, чем лосьон и предметы первой необходимости, например, аспирин. Несмотря на все это, я удивлена тем, как хорошо себя чувствую. С какой легкостью выпрямляются плечи, голова приподнимается выше. Обнажить душу перед тем, кому доверяешь, - с этим ничто не сравнится. Этого практически достаточно для того, чтобы противостоять удару от отстранения от дела. И от этой мысли мое настроение улучшается. Чертов Куинн.

Подавив разочарование, я смакую приятное послевкусие момента нашего единения, и неважно, сколько он будет длиться. Честно говоря, я чувствую, как сама сияю, но затем понимаю, что это лишь затуманенный разум, и мигание телефона Колтона возобновляется.

Я смотрю на него, затем на его телефон. Это чертовски бесит. Закусив губу, я мельком смотрю на экран.

Чертов мир взрывается.

Трясущейся рукой я прикрываю рот, глаза не в состоянии оторваться от ужаса на экране. С каждым новым сообщением появляется еще одно изображение. Каждое новое - ужаснее предыдущего.

- Нет, - я мотаю головой. - Нет, нет, нет. Нет!

Тот, о ком ты больше всего заботишься.

Слова Неизвестного звучат с усмешкой. На другом изображении - связанная Эйвери с кляпом во рту. Собравшись с мужеством, я хватаю телефон, открываю сообщение и просматриваю все изображения. Как слайд-шоу: ее позы немного изменяются, пока она сопротивляется в своих оковах.

- Она жива, - говорю я, находя первое сообщение, а затем возвращаюсь к последнему. - Она не мертва. Он держит ее в заложниках.

Я произношу слова вслух, отчаянно желая, чтобы они были правдой. Веря в них... потому что, я отказываюсь принимать любой другой исход.

- Сэди, - голос Колтона прорывается сквозь обуревающий меня ужас, и я поворачиваюсь.

- У тебя есть доступ к главному офису, - говорю я, собственный голос звучит странно. Это не вопрос. - И система наблюдения. У тебя должно быть что-то на подобии системы наблюдения. Субъект был здесь... он мог засветиться на видео.

Его лицо выражает недоумение.

- Есть, но сейчас такая рань...

- Нам нужны досье членов клуба. Сейчас же.

Он пододвигается ко мне ближе и растирает мои руки.

- Ты дрожишь. Боже, Сэди, что...?

Я протягиваю ему телефон, не в состоянии выразить словами увиденное.

- Я не могу, Колтон. Просто... мне нужны эти файлы.

До этого момента я сделала все, что требовал от меня Неизвестный. Я играла по его правилам внутри системы, и это мое наказание. Эйвери страдает.

Ледяной взгляд Колтона путешествует от экрана ко мне.

- Ты знаешь ее.

Я киваю.

- Мы должны ее спасти... Я не могу допустить...

Слезы стекают по щекам, я смахиваю их. Эйвери нужна моя сила. Я не могу сломаться.

Телефон вибрирует, и Колтон смотрит вниз. Он читает вслух:

Ты не должна была так легко отказаться от средств связи, Сэди. Пришло время идти на крайние меры, чтобы привлечь твоё внимание.

Зарываясь пальцами в волосы, я тяну их, пытаясь вырвать свой разум из паники и начать думать. Думать.

Черт. Ярость снова бушует, наполняя вены, словно кипящая лава. Все очевидно. Все так очевидно.

- Он один из наших, - произношу я и направляюсь к отброшенному в сторону платью.

Неизвестный обладает закрытой информацией. В департаменте может быть большая утечка, но мое отстранение от дела произошло несколько часов назад. Как я и предупреждала Куинна, это только разозлит Неизвестного. Теперь тот, кто не заслуживает этого гнева, расплачивается по счетам. И клянусь, клянусь перед Богом, я не потеряю Эйвери. Я обнюхаю каждого члена этого подразделения, пока не обнаружу Субъекта.

О темноте шепчет она. О Монстрах и о мире в красном, об ужасе из пропасти, вцепившемся когтями. Монстры коварны, но героями рождаются.

О свете воспевает она. О стойкости и принятии, обретенных лишь в его руках.

Сэди Бондс

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Продолжение следует ...